

Кафедра истории древнего мира  
Саратовского государственного университета  
им. Н.Г. Чернышевского

# ANTIQVITAS IVVENTAE

*Сборник научных трудов студентов и аспирантов*

Под ред. Е.В. Смыкова и А.В. Мосолкина

Саратов 2008  
Издательство «Наука»

УДК 9(37+38)(082)  
ББК 63.3(0)32я43  
А62

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

асп. *В.А. Леус*, к.и.н. доц. *А.В. Мосолкин* (науч. ред.),  
асп. *А.А. Савинов*, асп. *Н.Е. Самохвалова*,  
к.и.н. доц. *Е.В. Смыков* (науч. ред.),  
к.и.н. доц. *А.А. Синицын* (отв. секретарь)

**ANTIQVITAS IVVENTAE: Сб. науч. тр. студентов и аспирантов / Под ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. – Саратов: Изд-во «Наука», 2008. – 210 с.; илл.**

ISBN 978-5-91272-568-5

Данный сборник содержит материалы научной студенческо-аспирантской конференции, проводившейся на кафедре истории древнего мира СГУ 24–26 апреля 2008 г. Представленные в сборнике статьи посвящены различным аспектам истории античной Греции, Рима и Северного Причерноморья.

Сборник рассчитан на студентов, аспирантов и всех интересующихся историей древнего мира.

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ  
ФОНДА НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА РОССИИ**

**И МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА «ПОКОЛЕНИЕ» (МОСКВА)**

Грант теоретического альманаха *Res Cogitans*  
Главный редактор *М.А. Богатов*

Работы изданы в авторской редакции

УДК 9(37+38)(082)  
ББК 63.3(0)32я43

ISBN 978-5-91272-568-5

© Кафедра истории древнего мира СГУ, 2008  
© Коллектив авторов, 2008

## ОТ РЕДАКТОРОВ

Мы несказанно рады, что у Вас в руках очередной номер сборника работ молодых ученых, принимавших участие в ставшей уже традиционной студенческо-аспирантской конференции «Новый век: история глазами молодых», которая состоялась в апреле 2008 г. в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

Год, прошедший со времени прошлой, третьей, конференции, оказался непростым в истории и нашей кафедры, и нашего университета. Этот год был омрачен печальными событиями.

В сентябре 2007 ушел из жизни профессор Владимир Григорьевич Борухович, ученый, имя которого широко известно в нашей науке. Прекрасный знаток классических языков, специалист по древней истории и культуре, В.Г. Борухович был автором многих монографий, учебных пособий и переводов античных источников: Ксенофонта, Демосфена, Исократы, Аполлодора и др. Более двадцати лет В.Г. Борухович возглавлял кафедру истории древнего мира Саратовского госуниверситета. Многие из нынешних преподавателей кафедры являются его учениками и учениками его учеников.

В декабре 2007 г. перестал существовать исторический факультет СГУ, реорганизованный решением руководства университета в Институт истории и международных отношений. Это неожиданное для всех нас событие сильно повлияло и на учебный процесс на факультете, и на спокойное состояние нашего исторического сообщества.

Как ни спешили мы на этот раз, как ни старались, но в отличие от первых трех номеров, новый выпуск ANTIQVITAS IVVENTAE выходит уже после апрельской научной конференции. Впрочем, данное обстоятельство позволяет нам сказать несколько слов о самом этом событии.

В солнечные весенние дни 24–26 апреля 2008 г. в Саратовском университете на очередной научный симпозиум собрались тридцать юных антиковедов – студенты и аспиранты из разных вузов нашей страны. Отрадно, что многие из гостей оказались старыми знакомыми – постоянными участниками нашего форума. Ребята вновь встретились в обстановке научного агона, энтузиазма и добросердечности. Три дня конференции стали новым подарком как для самих хозяев – организаторов этой встречи, так (хочется верить) и для наших ксенов.

Доклады и обсуждения были посвящены следующим темам: 1) история древней Греции и эллинизма; 2) история древнего Рима; 3) история Северного Причерноморья и археология. Приятно отметить, что для всех докладов был характерен высокий уровень.

Большая часть выступлений на этой конференции представлена в четвертом выпуске «Ювенты».

В первом разделе сборника помещены статьи А.М. Беликова, А.В. Михайлова (Саратов) и Ю.Н. Кузьминой (Самара) по истории и культуре древней Греции.

Самой «востребованной» тематикой и на сей раз оказалась история древнего Рима. Этот раздел представлен работами В.А. Леуса и Д.А. Одинцова (Саратов), Е.А. Гуськова, И.О. Давыдкиной и С.В. Яковлевой (Самара), Е.С. Данилова (Ярославль). Источниковедческие проблемы римской истории рассматриваются в статьях Н.В. Бугаевой, Д.И. Суровенкова (Москва) и О. В. Манскова (Новочеркасск).

Проблемам источниковедения поздней античности и раннего христианства посвящены публикации Ю.Е. Краснобаевой и Е.М. Розенблюма (Москва), а в статье казанского студента Е.В. Червяцова представлен обзор современной историографии о культах фракийского героя и Ареса. Эти три статьи мы объединили в разделе источниковедение и историография античности.

В последней главе сборника помещены исследования С.Н. Прокопенко (Белгород) и А.С. Цинько (С.-Петербург) по проблемам истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, а также статья Е.Г. Панкратовой (С.-Петербург), постро-

енная на анализе архивных материалов по исследованиям Фанаго-рии на рубеже XIX–XX вв.

Вы видите, что тематика публикаций, как и прежде, широка: от крито-микенской эпохи до поздней античности и раннего средневековья. Все материалы, помещенные в сборнике, демонстрируют у студентов и аспирантов хорошее знание источников и историографии избранных тем.

Как сказал поэт, «грядущее свершается сейчас». Бесспорно, что будущее нашей науки – за молодыми исследователями.

Благодарим всех коллег – юных и «взрослых» (научных руководителей и наставников) за поддержку в непростой для нашего исторического факультета ситуации, за деятельное участие в апрельской научной конференции и за радость совместной работы в подготовке четвертого выпуска сборника. Мы искренне надеемся, что будут и другие весенние встречи у нас в Саратове, результатом которых станут новые выпуски «Ювенты».

---

К нашим дорогим авторам обращаемся с просьбой присылать статьи для следующего сборника ANTIQVITAS IVVENTAE не позднее 20 января 2009 г. по одному из трех адресов:

Vladimir.Leus@mail.ru (Владимир Леус),

Mosolkin@mail.ru (Алексей Мосолкин) или

Alexandr\_Savinov@list.ru (Александр Савинов).

Напоминаем, что в Интернете вы можете посетить нашу страничку: [www.antiquitas.narod.ru](http://www.antiquitas.narod.ru)

Заходите!



# **ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ**

БЕЛИКОВ А.М. (САРАТОВ)

**МОГЛИ ЛИ ФИВЫ БЫТЬ СТОЛИЦЕЙ АХХИЯВЫ?  
(ЭТНИКОН *MI-RA-TI-JO*  
В НОВЫХ ФИВАНСКИХ ТАБЛИЧКАХ)\***

На научной конференции «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики», проходившей в Казани 5–7 октября 2006 г., один из крупнейших отечественных специалистов по хеттологии – А.А. Немировский выступил с докладом: «Где была столица Аххиявы? “Письмо Тавагалавы” и политические центры Микенской Греции», в котором выдвинул интересное предположение о том, что беотийские Фивы были столицей могущественного государства Аххиява, находившегося на Балканах и известного нам по хеттским клинописным текстам. Тезисы этого доклада были впоследствии опубликованы в сборнике материалов конференции<sup>1</sup>. Расширенный вариант был выложен автором на форуме его собственного сайта «Удел Могултая» ([www.wirade.ru](http://www.wirade.ru)) 5 июня 2007 г.<sup>2</sup>

В своей работе А.А. Немировский отмечает, что великая держава Аххиява – держава ахейских греков, располагавшаяся на дальнем заморском западе от Хатти, могла быть лишь чем-то вроде

---

\* Автор выражает благодарность преподавателю классической филологии и лингвистики Кембриджского университета (Selwyn College), доктору Р. Томпсону, аспиранту Саратовского государственного университета, стипендиату DAAD В.А. Леусу, сотруднице Библиотеки Академии Наук (г. Санкт-Петербург) А.С. Цинько и своему научному руководителю профессору д.и.н. В.И. Кашееву, которые обеспечили его необходимой литературой.

<sup>1</sup> Немировский А.А. Где была столица Аххиявы? «Письмо Тавагалавы» и политические центры Микенской Греции // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции 5–7 октября 2006 г. М., 2006. С. 335–338. Предположение, что Фивы были столицей Аххиявы, в недавнее время неоднократно высказывалось и в западной историографии. См. напр.: *Latacz J. Troy and Homer. Oxf., 2004. P. 242–245; Nie-meier W.-D. Hattusa und Ahhijawa im Konflikt um Millawanda/Milet // Die Hethiter und ihr Reich. Stuttgart, 2002. S. 295 (non vidi)* и др.

<sup>2</sup> <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=anc;action=display;num=1181053488>.

конфедерации царств и племен под верховенством одного из центров ахейского мира, и пытается определить, где именно он мог находиться. В Хатти до конца XIII в. до н.э. за царями Аххиявы признавался статус «великих царей» того же ранга, что и хеттские (см., например: «Письмо о Тавагалаве»), однако при Тудхалиасе IV положение дел меняется. В черновой таблице договора Тудхалиаса с одним из его вассалов, царем сирийского владения Амурру, Саускамувой сначала заявлялось: «Вот цари, которые мне (Тудхалиасу) равны, – царь Египта, царь Вавилонии, царь Ассирии и царь Аххиявы», – но затем упоминание царя Аххиявы в этом перечне было отчетливо вычеркнуто. Таким образом, к моменту оформления этого черновика в хеттском отношении к Аххияве произошло резкое изменение: она была исключена из списка великих держав, равных Хатти, и с этого времени к правителям из Аххиявы хетты применяют лишь термины «царь страны Аххиява» или даже «человек из страны Аххия»<sup>3</sup>.

Автор рассматривает материалы хетто-митанно-ассирийских взаимоотношений и выясняет правила, которыми хеттские цари руководствовались при признании или непризнании кого-либо «великим царем». По его мнению, причиной вычеркивания царей Аххиявы из списка великих царей, равных Тудхалиасу IV, могло быть только падение той самой династии или того центра, с которым хетты связывали государственность / «великоцарственность» Аххиявы, гибель или распад соответствующей державы<sup>4</sup>.

Далее А.А. Немировский анализирует «Письмо о Тавагалаве», написанное поколением ранее Тудхалиаса IV, при его отце – Хаттусилесе III, и выясняет, что некто Тавагалава, занявший часть Ликии и потребовавший, чтобы хеттский царь признал его своим вассалом, приходится родным братом царю Аххиявы. Таким образом, автор приходит к выводу, что в сер. XIII в. до н.э. (при Хаттусилесе III) у царя Аххиявы есть брат «Тавагалава» (т.е. ахейск. \*Этевоклеас, Этеокл), который не имеет никакого титула и почему-то не живет в Аххияве, а вместо этого старательно добывает себе

<sup>3</sup> Немировский А.А. Указ. соч. С. 335–336.

<sup>4</sup> Там же. С. 336.

особое царство в Азии. А примерно через поколение (при Тудхалиасе IV) династия, представленная этими братьями, погибла или пала и ее держава перестала существовать (что нашло свое отражение в соскаблывании названия Аххиявы в черновике договора с Амурру). Автор сравнивает изображенную выше ситуацию с имеющимся в древнегреческом эпосе сюжетом о братьях-наследниках фиванского престола, Полинике и Этеокле, которые вместо того, чтобы разделить власть в рамках обычной для «героического века» диархии братьев и править совместно, поделили власть по-иному: каждый должен был править в Фивах год, а потом уступать место брату, причем в год правления одного брата, как можно усмотреть из сравнения разных версий этой истории, второй пребывал на чужбине. Усобица между братьями привела к их взаимному убийству, а еще через поколение, в результате продолжившей борьбу братьев деятельности эпигонов, Фивы погибли и были покинуты населением. По мнению автора и по хронологии и по содержанию эта история полностью совпадает с историей Аххиявы XIII в. до н.э., что позволяет соотнести ее центр именно с Фивами, а крах Аххиявы, явствующий из хеттских источников – с их катастрофой, известной по эпосу<sup>5</sup>.

Это предположение весьма любопытно, однако в данной статье будет сделана попытка пересмотреть выводы А.А. Немировского, проанализировав случаи употребления этникона *mi-ra-ti-jo* – «милетянин» в табличках линейного письма В, найденных в 1993–95 гг. на улице *Pelopidou* в Фивах<sup>6</sup>. Данный этникон встречается семь раз в табличках серии *Fq*, которые являются списками получателей какого-то злака (ячменя или пшеницы), обозначаемого идеограммой HORDEUM (далее HORD.). Серия *Fq* представляют собой 126 фрагментов более крупных табличек, имевших форму страницы (треть из которых содержат всего лишь один или два знака)<sup>7</sup>. По разным оценкам, первоначальное число целых нефрагментиро-

---

<sup>5</sup> Немировский А.А. Указ. соч. С. 337–338.

<sup>6</sup> Эти находки были опубликованы в 2001 г.; см: AGS, passim.

<sup>7</sup> James S. The Thebes Tablets and the *Fq* Series: A Contextual Analysis // *Minos*. 2006. Vol. 37–38. P. 399.

ванных табличек могло составлять 13<sup>8</sup> или же 15–18<sup>9</sup>. По всей видимости, они относятся к самому концу Позднеэладского IIIb 2 периода (ок. 1190 г. до н.э.)<sup>10</sup>.

Необходимо отметить, что таблички серии *Fq* были опубликованы относительно недавно, и окончательная и общепризнанная оценка содержащихся в них данных еще не дана. Издатели корпуса новых фиванских табличек (V. Aravantinos, L. Godart, A. Sacconi – далее *AGS*) выдвинули предположение о религиозном характере этих записей. Основой для него стало отождествление часто встречающегося в этих записях сочетания знаков *ta-ka* с M̄q Γ̄q – «Матери Земле» (*dat. sing.*)<sup>11</sup>. Это сочетание знаков встречается также в Кносской табличке *F* (1) 51, по-видимому, в религиозном контексте. Божество *ta-ka*, по мнению издателей, должно соответствовать богине Деметре I тыс. до н.э. Данное отождествление повлекло за собой серию религиозных интерпретаций лексики, имеющейся в табличках, например: *o-po-re-i* обозначает Зевса<sup>12</sup>, *ko-wa* – соответствует дочери Деметры богине Коре (Κόρφα, поздн. Κόρη)<sup>13</sup> и т.д.<sup>14</sup>

<sup>8</sup> James S. Op. cit. P. 399.

<sup>9</sup> Palaima T.G. \*65 = FAR? or ju? and Other Interpretative Conundra in the New Thebes Tablets // Die neuen linear-B Texte aus Thebes. Wien, 2006. P. 143–144. По мнению Т. Палаймы, серия *Fq* представляет собой ежедневные (одна табличка соответствует одному дню) записи за половину месяца.

<sup>10</sup> James S. Op. cit. P. 398. Дата приведена по работам: Bennet J. The Aegean Bronze Age // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambr., 2007. P. 178; Shelmerdine C. W. Review of Aegean Prehistory VI: The Palatial Bronze Age of the Southern and Central Greek Mainland // AJA. 1997. Vol. 101. No. 3. P. 541.

<sup>11</sup> Встречается у Эсхила в *Suppl.* 890–892.

<sup>12</sup> *AGS* сопоставляют *o-po-re-i* с редким эпитетом Зевса, известным по одной из беотийских надписей (SIG. VII. № 2733). Однако Т.Г. Палайма и Ж.-Л. Гарсия Рамон считают эту интерпретацию неприемлемой, рассматривая это сочетание знаков как антропоним. См.: Palaima T.G. [Rev.:] Aravantinos V., Godart L., Sacconi A. Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa; Rome, 2001 // *Minos*. 2002. Vol. 35–36. P. 479.

<sup>13</sup> Однако часто встречающееся в корпусе надписей Линейного письма В слово *ko-wa* повсеместно обозначает девочек, еще не ставших взрослыми.

<sup>14</sup> *AGS*. P. 317–325.

Интерпретации издателей были поддержаны таким крупным исследователем, как К. Рюйх<sup>15</sup>.

Однако предположение о религиозном характере фиванских документов и предложенные AGS интерпретации подверглись критике сразу вскоре после издания корпуса<sup>16</sup>. В частности, один из наиболее последовательных критиков AGS – Т. Г. Палайма отмечает, что в новых фиванских текстах отсутствует богатый набор имен божеств, встречающихся в табличках Линейного письма В как из самих Фив, так и из других микенских центров, а также хорошо известная терминология, связанная с религиозными приношениями и жертвами<sup>17</sup>. Для сочетания знаков – *ma-ka* = Mâ Gâ, краеугольного камня интерпретации AGS, были предложены иные объяснения. Оно могло обозначать персонифицированное божество войны Mâxа, либо же абстрактное божество замешивания теста или обработки зерна Μαγά<sup>18</sup>, антропоним Málka(ς) или Μαργά<sup>19</sup>, наконец, *nomen actionis* μαγά – «для замешивания (теста)» (от глагола μάσσω – «мять», «месить»)<sup>20</sup>. Последнее предположение представляется наиболее вероятным, поскольку вполне соответствует контексту таб-

<sup>15</sup> Ruijgh C.J. [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa/Rome, 2001 // *Mnemosyne*. 2003. Vol. 56. Fasc. 2. P. 219–228; *idem.* À propos des nouvelles tablettes de Thèbes, I: Les trois divinités *ma-ka*, *o-pore-i* et *ko-wa* et les trois subordonnées temporelles de la série Fq // *Mnemosyne*. 2004. Vol. 57. Fasc. 1. P. 1–44.

<sup>16</sup> *Kyriakidis E.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa/Rome, 2001 // *JHS*. 2003. Vol. 123. P. 197–198; *Palaima T. G.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée ... // *Minos*. 2002. Vol. 35–36. P. 475–486; *idem.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée I... // *AJA*. 2003. Vol. 107. No. 1. P. 113–115; *idem.* Reviewing the New Tablets from Thebes // *Kadmos*. 2003. Bd. 42. Nr. 1. S. 31–38. См. также материалы коллоквиума, посвященного новым находкам Линейного письма В из Фив, проходившего в Вене 5–6 декабря 2002 г.: *Die neuen linear-B Texte aus Thebes*. Wien, 2006.

<sup>17</sup> *Palaima T.G.* [Rev.:] *Aravantinos V., Godart L., Sacconi A.* Thèbes: Fouilles de la Cadmée ... // *Minos*. 2002. Vol. 35–36. P. 480.

<sup>18</sup> *Ibid.* P. 481.

<sup>19</sup> *Melena J.L.* *Textos griegos micénicos comentados*. Vitoria–Gasteiz, 2001. P. 50 (*non vidi*).

<sup>20</sup> *Palaima T.G.* Reviewing the new Tablets from Thebes. P. 35.

лички ТН *Fq* 254+255<sup>21</sup>. В своей недавней статье в журнале *Kadmos*<sup>22</sup> И. Дюу убедительно доказывает, что сочетание знаков, употребленное в религиозном контексте в кносской табличке *F* (1) 51, представляет собой не *ma-ka*, а *ma-qe* и наносит, таким образом, серьезный удар по интерпретации AGS.

Итак, содержание серии *Fq* следует, по всей видимости, признать светским и рассматривать данные таблички как обычные списки выдачи продовольственных пайков, если руководствоваться тем принципом интерпретации, который Т.Г. Палайма предложил для фиванского материала на венском коллоквиуме в 2002 г.: «избегать сенсационного и странного и отдавать предпочтение простому и обычному»<sup>23</sup>.

Сочетание знаков *mi-ra-ti-jo* встречается в семи фиванских табличках: *Fq* 177, *Fq* 198, *Fq* 214, *Fq* 244, *Fq* 254+255, *Fq* 269, *Fq* 276, и представляет собой форму *dat. sing. masc.* тематического склонения. Мы также сталкиваемся с формой этого слова, обозначающей группу работниц в шести пилосских табличках: *mi-ra-ti-ja – nom. pl. fem.* (*Aa* 798, *Aa* 1180, *Ab* 382<sup>24</sup>, *Ab* 573) и *mi-ra-ti-ja-o – gen. pl. fem.* (*Ad* 380, *Ad* 689). В настоящий момент транслитерация *mi-ra-ti-ja* как *milātiai* – «милетянки», является общепризнанной, а соседство данной группы женщин в серии *A* с другими группами, имеющими совершенно отчетливую связь с Малой Азией (например, с *ki-ni-di-ja* – кидянки, *ra-mi-ni-ja* – лемнианки и т.д.), позволяет считать местом их проис-

<sup>21</sup> Транслитерация:

1. *de-qo-no HORD T 1 V 2 Z 3 o-te, a-pi-e-qe ke-ro-ta*
2. *pa-ta, ma-ka HORD T 1 V 2 Z 2 ...*

Перевод Т. Палаймы:

1. For the *dinner* BARLEY 14 liters when were brought into attendance all
2. the elders for *kneading* BARLEY 13.6 liters...

1. (Для обеда – 14 л. ячменя, когда были доставлены все
2. старейшины. Для замешивания (теста) – 13.6 л.ячменя ...).

<sup>22</sup> *Duhoux I.* Adieu au *ma-ka* cnoisien: Une nouvelle lecture en KN F 51 et ses consequences pour les tablettes linéaire B de Thèbes // *Kadmos*. 2006. Bd. 45. Nr. 1. S. 1–19.

<sup>23</sup> *Palaima T.G.* \*65 = FAR? or *ju?* and Other Interpretative conundra in the New Thebes Tablets. P. 140.

<sup>24</sup> В табличке *Ab* 382 мы, по всей видимости, сталкиваемся с ошибкой писца – *mi-ra-ti-ra*.

хождения малоазийский Милет<sup>25</sup>. Однако отождествление *mi-ra-ti-jo* с этниконом, обозначающим жителя ионийского Милета, нуждается в некоторых пояснениях. В античности мы находим, по меньшей мере, пять географических объектов с названием «Милет»:

1) знаменитый город в Ионии (Μίλητος, дор. Μίλατος, эол. Μίλλατος, лат. Miletus);

2) город на северо-восточном побережье Крита;

3) город в Мизии, о котором сообщает Плиний (Plin. *NH.* V.30.32);

4) город в Пафлагонии, обозначенный на карте Певтингера (*Tabula Peutingeriana*);

5) местность (τόπος) на Самосе (*Schol. in Rhod.* 186)<sup>26</sup>.

Микенскому \**Milātos* могут соответствовать лишь первые два Милета, поскольку из пяти перечисленных географических объектов только критский и ионийский города существовали в позднем бронзовом веке<sup>27</sup>, причем отождествление ионийского города с микенским топонимом представляется наиболее вероятным, поскольку мы не находим название \**Milātos* в кносском архиве линейного письма В. По подсчетам Дж. Беннета, в кносских текстах есть 103 топонима (из них 24 представляют собой скорее места с какими-то специализированными функциями, например, храмы или свящи-

<sup>25</sup> См., напр.: Killen J. The Subjects of the Wanaks: Aspects of Mycenaean Social Structure // *Ancient Greece from Mycenaean Palace to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 187–190; Palaima T. Ilios, Tros and Tlos // ΣΤΕΦΑΝΟΣ ΑΡΙΣΤΕΙΟΣ: Archäologische Forschungen zwischen Nil und Istros. Festschrift für Stefan Hiller zum 65. Geburtstag. Wien, 2007. S. 199; Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986. С. 181 и др. Однако С.Я. Лурье не признавал эту интерпретацию, считая, что *mi-ra-ti-ja* обозначает какую-либо профессию, см.: Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 282; *его же*. К вопросу о характере рабства в Микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2. С. 18–20.

<sup>26</sup> Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1875. S. 925. По сообщению Стефана Византийского (*Ethn.* 453.5–6), остров Калипсо также назывался Милетом.

<sup>27</sup> О критском Милете в позднем бронзовом веке см.: Kanta A. The Late Minoan III period in Crete; a Survey of Sites, Pottery and Their Distribution. Göteborg, 1980. P. 125–128 (*non vidi*); Пенделберу Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 269–272, 283. Об ионийском Милете см., напр.: Greaves A. Miletos: A History. L.; N. Y., 2002. P. 47–65.

лица, нежели населенные пункты)<sup>28</sup>. Среди всех этих топонимов мы не найдем ни одного, который мог бы соответствовать мик. \**Milātos*, хотя северо-восток острова, по всей видимости, контролировался кносской администрацией<sup>29</sup>. Таким образом, этникон *mi-ra-ti-jo* может относиться лишь к жителю малоазийского Милета.

Остается только догадываться о том, каким образом этот милетянин оказался в Фивах и какие функции он выполнял. Отсутствие указания на профессиональные занятия этого человека мешает нам сделать какие-либо конкретные предположения о его социальном статусе. Тот факт, что для его обозначения используется этникон – *mi-ra-ti-jo*, свидетельствует о наличии малого числа людей, происходивших из Милета и игравших важную социальную роль с точки зрения фиванской бюрократии. Этноним может быть использован в архиве линейного письма В как личное имя только в том случае, если число его носителей совсем небольшое, иначе он теряет свою функцию опознания и различения<sup>30</sup>. Наличие этников, которые используются для обозначения отдельных получателей HORD. в табличках серии *Fq*, может свидетельствовать о существовании в Фивах четко сформулированной социальной идеологии этнической дифференциации: для фиванской бюрократии конца XIII в. до н.э. было важно, с одной стороны, обозначить происхождение иноземцев, с другой – подчеркнуть местное происхождение ряда лиц, упомянутых в табличках (ср., напр.: *au-to-te-qa-jo* – *Autothēqaioī*, поздн. *Ἀὐτοθηβαίω*, или *te-qa-jo-i* – *thēqaioīhi*, поздн. *Θηβαίους*)<sup>31</sup>.

С. Джеймс, которая недавно подробно исследовала структуру текста в табличках серии *Fq*, отмечает, что отдельные реципиенты HORD. имеют тенденцию получать одно и то же его количество всякий раз, когда они встречаются в табличках этой серии (для *mi-ra-ti-*

<sup>28</sup> *Bennet J.* The Structure of the Linear B Administration in Knossos // *AJA.* 1985. Vol. 89. No. 2. P. 233–235.

<sup>29</sup> *Idem.* Knossos in Context: Comparative Perspectives on the Linear B Administration of LM II – III Crete // *AJA.* 1990. Vol. 94. No. 2. P. 208.

<sup>30</sup> *Efkleidou K.* Slavery and Dependent Personnel in the Linear B Archives of Mainland Greece. Thesis. Cincinnati, 2004. P. 190.

<sup>31</sup> *Ibid.* P. 192.

*jo*, например, оно достаточно маленькое, и составляет  $Z 1$ , т.е. 0.4 л.). К тому же обозначения получателей появляются, как правило, приблизительно на одном и том же месте (для *mi-ra-ti-jo* это 10. – 12. линии табличек). По всей видимости, количество *HORD.*, выдаваемое отдельным получателям, может быть в некоторой степени связано с их деятельностью по отношению к дворцу: те, кто получают большие рационы, теснее с ним связаны, или же выполняют более важные функции. А расположение отдельных получателей в табличках также может быть указанием на их социальный статус – он выше у тех, кто располагается на первых линиях и, соответственно, ниже у тех, кто занимает последние строки табличек<sup>32</sup>.

Еще один критерий для определения социального статуса получателей *HORD.* в серии *Fq* может быть найден при анализе других серий табличек из Фив. Помимо *HORD.*, некоторые персоны получают еще и *VINUM* – вино (напр., *ra-ke-da-mi-ni-jo* или *a-ko-da-mo*), *GRANUM* – пшеницу (напр., *ta-di-je* или *a-ko-da-mo*) или *OLIVA* – оливки (напр., *a-ko-da-mo*). Вероятно, что их статус выше, чем у тех, кто получает один лишь *HORD.*<sup>33</sup>. Однако интересующий нас этникон *mi-ra-ti-jo* не встречается за пределами серии *Fq*.

Не исключено, что идеограмма *HORD.* может обозначать пшеницу-двузернянку, которая была дорогой пищей на Ближнем Востоке (в пользу чего свидетельствует, например, относительно малый размер ее рационов) и, таким образом, выдавалась лицам со средним или же высоким социальным статусом<sup>34</sup>.

Руководствуясь вышеизложенным, мы можем сделать некоторые предварительные выводы о социальном статусе фиванского *mi-ra-ti-jo*. Вероятно, он был связан с дворцом. Среди персон, перечисляемых в табличках серии *Fq*, его статус был относительно низким, о чем свидетельствует малое количество *HORD.* ( $Z 1$ ), которое ему выдается, а также его положение на нижних линиях табличек. Однако тот факт, что *HORD.*, видимо, был дорогостоящим продуктом,

---

<sup>32</sup> *James S. Op. cit.* P. 411.

<sup>33</sup> *Efkleidou K. Op. cit.* P. 202–203; *James S. Op. cit.* P. 413.

<sup>34</sup> *Ibid.* P. 412.

может указывать на принадлежность получателей из серии *Fq*, в том числе и *mi-ra-ti-jo*, к элите фиванского общества.

Определенную проблему представляет собой фонетическая форма этника *mi-ra-ti-jo*. Микенский диалект, на котором написаны тексты линейного письма В как на Крите, так и на материке, по всей видимости, представляет собой смешанный диалект или же некий наддиалект – своеобразную древнюю койнэ<sup>35</sup>. Этот наддиалект объективно сложился в социально-исторических условиях микенской Греции, поскольку высокоразвитая цивилизация на обширном ареале не может обойтись без наддиалектных средств общения<sup>36</sup>. И.М. Тронский справедливо отмечает, что для грека II тыс. до н.э. искусство письма не могло не быть сокровенной мудростью и требовало соответственного языкового стиля. Не случайно в памятниках, написанных микенским линейным письмом В, почти нет диалектных различий, где бы эти документы не составлялись: в Кноссе или в Пилосе, в Микенах или в Фивах – хотя в живой речи этих сравнительно далеких друг от друга городов различия, вероятно, были и хотя памятники Кносса на 150–200 лет старше, чем материковые<sup>37</sup>. Одной из особенностей микенского диалекта (так же как и восточно-греческих диалектов I тыс. до н.э. – аркадо-кипрского и ионийского, а также лесбосского) является фонетический переход *ti > si*, так называемая ассибиляция<sup>38</sup>. Однако ассибиляция не происходит в этнике *mi-ra-ti-jo*, хотя теоретически этот переход должен был бы произойти и дать в результате форму *\*mi-ra-si-jo* (ср. поздн. ионийск. *μλάσιος*, *μλήσιος*).

Отсутствие ассибиляции для данного этника можно объяснить несколькими способами:

<sup>35</sup> Гринбаум Н.С. Микенологические этюды. СПб., 2001. С. 40–42.

<sup>36</sup> Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 101.

<sup>37</sup> Там же. С. 99.

<sup>38</sup> Напр.: Hajnal I., Risch E. Grammatik des mykenischen Griechisch. Innsbruck, 2006. S. 85 (<http://www.uibk.ac.at/sprachen-literaturen/sprawi/mykgr2.pdf>); Palmer L.R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1962. P. 42; Scherer A. Mykenisch (Anhang) // Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte / Bearb. von A. Scherer. Heidelberg, 1959. Bd. 2. S. 335–336; Vilborg E. A Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Göteborg, 1960. P. 52.

1. На микенологическом коллоквиуме, проходившем в Кембридже в 1965 г., Э. Риш выступил с докладом, в котором сообщил об обнаруженных им следах двух различных диалектов в Пилосских текстах<sup>39</sup>. Основываясь на частоте встречаемости особенностей этих двух диалектов, он обозначил один как *mycénien normal* (далее *MN*), а другой как *mycénien spécial* (далее *MS*) и предположил наличие трех особенностей, в которых заключаются различия между двумя этими диалектами:

1) окончание *dat. sing.* существительных атематического склонения: *e* (ei) (*MN*) vs. *i* (*MS*); *po-se-da-o-ne* vs. *po-se-da-o-ni*;

2) передача индоевропейских слоговых носовых сонантов (m, n) в окружении билабиальных согласных (m, p, w): *o* (*MN*) vs. *a* (*MS*); *pe-to* vs. *pe-ma*;

3) в некоторых словах употребляется гласная *e* (*MN*) vs. *i* (*MS*) в окружении лабиальных и лабиовелярных согласных (m, p, k<sup>w</sup>); *a-te-mi-to* vs. *a-ti-mi-te*<sup>40</sup>.

Впоследствии к этим трем особенностям были добавлены еще две:

4) ассимилированное *si* (*MN*) vs. неассимилированное *ti*, (*MS*), напр. в этниконах *ti-nwa-si-ja* vs. *ti-nwa-ti-ja* и др.<sup>41</sup>;

5) отражение индоевропейского слогового сонанта *g* как *og* (*MN*) vs. *ro* (*MS*); *to-no* vs. *to-ro-no*<sup>42</sup>.

Учитывая единообразие особенностей *MN* во всех дворцовых центрах, отделенных друг от друга не только географически, но и хронологически, а также крайне ограниченный характер микен-

<sup>39</sup> Risch E. Les différences dialectales dans le mycénien // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Cambr., 1966 (*non vidi*).

<sup>40</sup> Palaima T.G. Special vs. Normal Mycenaean: Hand 24 and Writing in the Service of the King? / *A-na-qa-ta*. Studies Presented to J.T. Killen // Minos. 2002. Vol. 33–34. P. 206–207 (со ссылками на работы Э. Риша).

<sup>41</sup> Nagy G. On Dialectal Anomalies in Pylian Texts / Atti e memorie del 1 congresso internazionale di micenologia // Incunabula Graeca. 1968. Vol. 25. Fasc. 1–3. Ateneo; Roma. P. 663–689 (*non vidi*); Palaima T.G. Op. cit. P. 207–208; Woodard R.D. Dialectical Differences at Knossos // Kadmos. 1986. Bd. 25. Nr. 1. S. 49–74. Однако уже сам Э. Риш высказывался против использования этой особенности для различения *MN* и *MS*: Hajnal I., Risch E. Op. cit. P. 115–118.

<sup>42</sup> Palaima T.G. Special vs. Normal Mycenaean. P. 208 (со ссылками на работы Э. Риша).

ской грамотности и административный характер документов, данный диалект возможно рассматривать как диалект бюрократии, на котором писали (и разговаривали?) профессиональные чиновники и администраторы. В свою очередь, редкие случаи употребления особенностей *MS* могут отражать случайные контаминации деловой койнэ бюрократии и живого разговорного языка населения, жившего за пределами дворцов<sup>43</sup>.

Таким образом, если мы примем теорию двух диалектов в микенском и признаем отсутствие ассибиляции особенностью *MS*, то форму *mi-ra-ti-jo* возможно будет считать разговорной формой, попавшей в деловую койне бюрократии.

Однако правомерность использования четвертой особенности для проведения различий между *MS* и *MN* находится под вопросом<sup>44</sup> (более того, ряд исследователей вообще отрицает существование *MN* и *MS*<sup>45</sup>).

2. Если признать непригодность факта ассибиляции для различения *MN* и *MS*, то отсутствие фонетического перехода *ti > si* в некоторых этниконах может быть объяснено следующим образом: производные от топонимов (корень которых оканчивался на *-t-*, и которые в своем абсолютном большинстве негреческого происхождения, как например, топонимы из кносского архива: *da-\*22-to*, *ku-ta-to*, *ti-ri-to*) не подвергаются ассибиляции, сохраняя произношение, аналогичное исходной форме топонима, от которой они были образованы<sup>46</sup>. Весьма вероятно, что название города Милета – *\*Milātos* негреческого происхождения<sup>47</sup>, поэтому этникон *\*milātios*

<sup>43</sup> *Palaima T.G.* Special vs. Normal Mycenaean. P. 208–209.

<sup>44</sup> Неприемлемой для проведения диалектных различий ее считают, напр., следующие исследователи: *Hajnal I.*, *Risch E.* Op. cit. P. 115–118; *Thompson R.J.E.* Dialects in Mycenaean and Mycenaean among the Dialects // *Minos*. 1998. Vol. 31–32. P. 315; *idem.* Special vs. Normal Mycenaean Revisited // *Minos*. 2006. Vol. 37–38. P. 344–355; *idem.* Mycenaean Nonassibilation // *Atti del XII colloquio internazionale di micenologia*. Roma, 2006 (forthcoming).

<sup>45</sup> *Adrados F.R.* History of the Greek Language: From its Origins to the Present. Leiden, 2005. P. 45; *Thompson R.J.E.* Dialects in Mycenaean and Mycenaean among the Dialects. P. 330–331; *idem.* Special vs. Normal Mycenaean Revisited. P. 366.

<sup>46</sup> *Thompson R.J.E.* Special vs. Normal Mycenaean Revisited. P. 354.

<sup>47</sup> См., напр.: *Беликов А. М.* Милет и  $\mu\lambda\alpha\zeta$  (к интерпретации *Schol. Ap. Rhod.* 185–188a) // *Antiquitas Iuventae*. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 5–18.

по аналогии с ним, сохраняет в корне звук *-t-*. С подобной же ситуацией мы сталкиваемся и в кносском архиве, где все топонимы (за исключением лишь топонима *ku-ta-to*), корень которых оканчивается на *-t-*, дают производные, в которых ассимиляция не происходит: *ti-ri-ti-jo* от *ti-ri-to*; *ru-ki-ti-jo* от *ru-ki-to*; *ra-ti-jo* от *ra-to* и др.<sup>48</sup>.

3. Этниконы на *-ti-jo*, в частности *mi-ra-ti-jo*, возможно, относятся к тем регионам греческого мира II тыс. до н.э., в языке населения которых не произошел фонетический переход *ti > si*<sup>49</sup>.

4. Наконец, употребление некоторых форм, ассимиляция в которых не происходит, можно считать проявлением архаизма в произношении, возможно даже сельского<sup>50</sup>. Но если альтернативную форму произношения этникона, образованного от названия одного из административных округов Пилосского государства, *ti-nwa-ti-ja*, которая существует наряду с «нормальной» для микенской койне ассимилированной формой *ti-nwa-si-ja*, мы вполне можем считать проявлением этого сельского архаизма, то такое объяснение едва ли уместно для этникона, образованного от названия города, находящегося на другом берегу Эгейского моря, «нормальная» форма которого к тому же не засвидетельствована.

Таким образом, мы имеем, по крайней мере, три различных объяснения для отсутствия фонетического перехода *ti > si* в этнониме *mi-ra-ti-jo*. Однако независимо от того, воспользуемся ли мы концепцией двух диалектов (а точнее говоря социолектов) в микенском – бюрократического (*MN*) и живого разговорного (*MS*), и признаем отсутствие ассимиляции особенностью *MS*, или сочтем эту форму этникона происходящей из языка тех регионов греческого мира II тыс. до н.э., где ассимиляция не произошла, или же будем рассматривать сохранение звука *-t-* в *mi-ra-ti-jo* по аналогии с исходной формой негреческого топонима, от которой это слово было образовано, все эти

<sup>48</sup> Например, Э. Риш и И. Хайналь в *Grammatik des mykenischen Griechisch* определяют отсутствие ассимиляции для таких слов в качестве правила (§42b): *Hajnal I., Risch E. Op. cit. P. 116.*

<sup>49</sup> *Thompson R.J.E. Special vs. Normal Mycenaean Revisited. P. 354.*

<sup>50</sup> *Palmer L.R. Op. cit. P. 42; Thompson R.J.E. Op. cit. P. 354.* Ср. у Гомера: Ὀρτίλοχος (*Il. V.547*) и Ὀρσίλοχος (*Il. V.549*), где первый приходится второму дедом, поэтому и имеет более архаичную форму имени.

концепции позволяют сделать один и тот же вывод: этникон *ti-ra-ti-jo* был совершенно новой лексической единицей, которая попала в язык фиванской бюрократии незадолго до записи табличек и еще не успела подвергнуться фонетическим изменениям, характерным для микенской деловой койнэ. Дело в том, что форме *ti-ra-ti-jo* во многом аналогичны этникины из кносского архива: они образованы от названий явно негреческого, минойского происхождения, все они не подвергаются ассимиляции, за исключением производных от топонима *ku-ta-to* (*ku-ta-i-to*).

В ряде табличек мы сталкиваемся с его неассимилированным вариантом *ku-ta-ti-jo* (*Ga* 419, *Ga* 673, *As* 1516 (?), *X* 1538, *Wb* 5662, *X* 7894, *X* 7897) и *ku-ta-ti-ja* (*G* 820). Но известна также и ассимилированная форма: *ku-ta-si-jo* (*Dv* 1237, *Da* 1394) и *ku-ta-i-si-[jo?* (*X* 7891). Топоним *ku-ta-to* встречается в Кносских текстах чаще, чем любой другой, а именно 78 раз. Установить местонахождение *ku-ta-to* и найти ему точное соответствие среди критских топонимов I тыс. до н.э. на данный момент едва ли возможно. Однако этот населенный пункт играл весьма важную роль в административной системе Кносского государства, выполняя функцию одного из центров второго порядка, наряду с Фестом, Амниссом, Кидонией, *da-\*22-to* и *se-to-i-ja*. С помощью этих административных центров Кносс осуществлял контроль над принадлежавшей ему центральной и западной частью острова<sup>51</sup>.

К моменту записи основного корпуса кносских табличек – в сер. XIV в. до н.э. микеняне находились на Крите уже более пяти десятилетий<sup>52</sup>. К этому времени этникины на *-tios* и *-tiā* еще только начинают подвергаться воздействию одной из особенностей микенской деловой койнэ, а именно ассимиляции *ti > si*. Причем этот фонетический переход первоначально затронул лишь один этникон, образованный от названия важнейшего административного центра *ku-ta-to*, которое встречается в кносских текстах чаще других, и еще не успел коснуться этнонимов, образованных от названий менее важных поселений.

<sup>51</sup> Bennet J. The Structure of the Linear B Administration in Knossos. P. 240–242.

<sup>52</sup> Idem. The Aegean Bronze Age. P. 181.

Таким образом, на примере топонима *ku-ta-to* и образованных от него этниконов мы можем определить необходимые условия для того, чтобы производные от новых для делового микенского над-диалекта лексических единиц начали подвергаться одной из характерных его особенностей – ассибиляции: во-первых, топоним должен постоянно и очень часто употребляться в документах; во-вторых, должно пройти не менее 50–70 лет, после того как топоним появился в деловом языке бюрократии, прежде чем ассибилированная форма впервые отмечается в записях отдельных писцов<sup>53</sup>.

В первой половине XIV в. до н.э. во всей Эгеиде, включая малоазийский Милет, начинает доминировать микенская культура. Здесь возникает микенское поселение, так называемый Милет V (ок. 1450/30 г. до н.э.). Его большая площадь, производство керамики микенского стиля и захоронения микенского типа, несомненно, указывают на то, что оно было наиболее важной точкой соприкосновения микенского мира с Анатолией<sup>54</sup>. Приблизительно с конца XIV в. до н.э. упоминания о Милете появляются в хеттских клинописных текстах (хеттская форма названия этого города – *Mil-lawanda* или *Milawata*<sup>55</sup>). Миллаванда выступает важнейшим плацдармом правителей Аххиявы, откуда они осуществляли свою деятельность в Малой Азии. Судя по хеттским текстам, в конце XIII в. до н.э. при Мурсилесе II контроль над Милетом переходит от Аххиявы к хеттам (KUB. XIV.15). По-видимому, затем, пытаясь обезопасить свои западные рубежи и развязать себе руки для действий в Сирии, наследник Мурсилеса – Муватталис передает кон-

<sup>53</sup> Об альтернативных написаниях этникона *ku-ta-ti-jo* / *ku-ta-si-jo* см.: Беликов А.М. Этникон *ku-ta-ti-jo* / *ku-ta-si-jo* и некоторые диалектные различия в документах линейного письма В из Кносса // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2008». История. Сб. тезисов. М., 2008 (в печати). Напр., форму *ku-ta-ti-jo* употребляют писцы № 101, 136 и еще несколько писцов, чей почерк не классифицирован, а ассибилированные формы – писец № 117 и, возможно, 118.

<sup>54</sup> Greaves A. Op. cit. P. 55–57.

<sup>55</sup> Тождество Милета и Миллаванды в настоящее время является общепризнанным. См., напр.: Bryce T. The Kingdom of Hittites. Oxf., 1998. P. 61; Gortman V. Miletos. The Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B. C. Ann Arbor, 2001. P. 28; Greaves A. Op. cit. P. 69 и др.

троль над Милетом обратно правителям Аххиявы<sup>56</sup>. С таким же положением дел мы сталкиваемся позднее при Хаттусилесе III – в «Письме о Тавагалаве» (KUB. XIII.3). Наконец, при Тудхалиасе IV Миллаванда вновь переходит под хеттский протекторат, а отношения между царем Хаттусы и правителем Миллаванды трактуются как обычные связи между «отцом» и «сыном», то есть сюзереном и вассалом, о чем мы узнаем из так называемого «Письма в Миллаванду» (KUB. XIX.55 + KUB. XLVIII.90)<sup>57</sup>. Таким образом, как археологические, так и письменные источники показывают, что Милет находился в непрерывных и тесных связях с микенским миром на протяжении более чем двух столетий. Из «Письма о Тавагалаве» известно, что царь Аххиявы даже вел переписку с зависимым от него правителем Милета Атпасом (KUB. XIII.3.5).

Итак, мы видим, что топоним *\*Milātos*, и, соответственно, производный от него этникон, должны были попасть в деловой язык писцов столицы Аххиявы еще в конце XV в. до н.э. и постоянно употребляться в этом деловом языке, поскольку, как известно, контакты между Аххиявой и Миллавандой были очень интенсивными, особенно в XIII столетии до н.э. Таким образом, эти факторы должны были создать необходимые условия для фонетического перехода *ti > si* в этниконе «милетянин», который в архиве линейного письма В столицы Аххиявы в конце XIII – начале XII вв. до н.э. должен был бы принять форму *\*mi-ra-si-jo*. То есть, если бы Фивы были столицей Аххиявы, то в серии *Fq* мы, очевидно, столкнулись бы с ассимилированной формой этого этникона, чего не происходит. Остается некоторая возможность допустить наличие колебаний в написании этой формы у отдельных писцов, хотя для табличек серии *Fq* их двое: и писец № 305 (*Fq* 177, *Fq* 198, *Fq* 214, *Fq* 254+255, *Fq* 269, *Fq* 276) и писец № 310 (*Fq* 244) употребляют форму без ассимиляции.

<sup>56</sup> Bryce T. The Nature of Mycenaean Involvement in Western Anatolia // *Historia*. 1989. Bd. 38. S. 7–9.

<sup>57</sup> Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 88.

Таким образом, если бы беотийские Фивы были столицей могущественного государства Аххиява, известного нам по хеттским текстам, то они должны были бы находиться в постоянных и интенсивных контактах с Милетом–Миллавандой, зависимой от Аххиявы территорией, на протяжении более чем двухсот лет. То есть этникон *mi-ra-ti-jo*, неизбежно подвергнулся бы фонетическим изменениям, характерным для микенского делового языка, и дал бы в табличках, написанных на рубеже XIII–XII вв. до н.э., форму *\*mi-ra-si-jo*, чего, как мы знаем, не происходит. Этот важный факт ставит под сомнение возможность того, что Фивы были столицей Аххиявы, и заставляет вернуться к ранее высказанным концепциям, отождествляющими ее с Микенами<sup>58</sup>. Наилучшим подтверждением этого вывода стало бы обнаружение в архивах Микен ассимилированной формы этникона «милетянин» – *\*mi-ra-si-jo*, однако, к сожалению, на новые находки письменных источников здесь едва ли возможно надеяться. Понятно, что сделанный в данной работе вывод носит предварительный и гипотетический характер, и данная проблема нуждается в дальнейшей разработке.

Так могли ли Фивы быть столицей Аххиявы? По всей видимости, нет, и дальнейшие исследования Фив археологами, дальнейший пристальный анализ как хеттских, так и микенских текстов, скрупулезная работа над различными версиями фиванского эпоса и, наконец, решение вопроса о степени достоверности событий, описываемых в эпической поэзии, несомненно, прольет свет на эту проблему.

---

<sup>58</sup> См. напр.: *Bryce T. The Nature of Mycenaean Involvement in Western Anatolia. S. 5–6; idem. The Kingdom of Hittites. P. 62; Гундин Л.А., Цымбурский В.Л. Указ. соч. С. 56 и др.*

КУЗЬМИНА Ю.Н. (САМАРА)

## КУЛЬТОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ АРТЕМИДЫ ЭФЕСИИ\*

Культ Артемиды Эфесии овеян многочисленными загадками, связанными в том числе и с тем, как образ Артемиды, чистой и непорочной богини-девы, мог трансформироваться в образ Эфесии, несущей в себе черты восточной Великой матери богов.

Оживленные дискуссии в связи с культом Эфесии ведутся и вокруг того, как могло выглядеть ее архаичное деревянное изображение (*ксоан*). Вероятно, культовая статуя, созданная во второй половине VI в. до н.э. мастером Эндоем для перестроенного во время правления Креза эфесского храма Артемиды, имела в своей основе именно этот деревянный *ксоан* (Plin. *HN*. XVI.213–216). Статуя работы Эндоя сторела во время пожара 356 г. до н.э.<sup>1</sup>

В настоящее время известны изображения Артемиды Эфесской позднеэллинистического и римского времени. Так, статуэтка богини, которая находится в Базеле, вероятно, относится к позднеэллинистической эпохе<sup>2</sup>. Римским временем датированы, например: терракотовая фигура Артемиды Эфесской из коллекции Э.К. Макдэниэл (рис. 1), статуэтки богини, хранящиеся в Лувре, Женевском музее, Национальном музее Неаполя, Национальном музее Афин, а также статуи, экспонируемые в археологическом музее города Сельчук, где собраны находки, сделанные во время раскопок Эфеса.

Основная работа, посвященная изображениям Эфесии, написана австрийским археологом Р. Фляйшером<sup>3</sup>. В этой книге он,

---

\* Хочу поблагодарить проф. Цюрихского университета Вальтера Буркерта, приславшего мне одну из своих статей, посвященных культу Артемиды Эфесской.

<sup>1</sup> *LiDonnici L.R.* The Images of Artemis Ephesia and Greco-Roman Worship: A Reconsideration // *HThR*. 1992. Vol. 35. No. 4. P. 402–403.

<sup>2</sup> *Burkert W.* Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer Grossen Göttin // 100 Jahre Österreichische Forschungen in Ephesos. Akten des Symposiums Wien 1995. Textband. Wien, 1999. S. 69.

<sup>3</sup> *Fleischer R.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden, 1973.

проанализировав эллинистические и римские образцы, подробно разобрал версии, как могло выглядеть древнее культовое изображение Артемиды Эфесской. Поэтому в данной статье есть смысл остановиться лишь на общем описании изображений Эфесии.

За основу можно взять терракотовую статуэтку из коллекции Э.К. Макдэниэл, которая в общих чертах соответствует всем остальным изображениям Артемиды Эфесской. Черты лица Эфесии прорисованы и сохранились не очень ясно: хорошо просматриваются лишь глаза и нос, остальные же черты едва различимы; на лице богини улыбка. Тело Артемиды цилиндрическое, сужающееся к низу, а длинные полы одежды скрывают ее ноги и спускаются на подставку. Довольно короткие раскинутые руки богини, до локтей прижаты к туловищу. Ладони имеют такую форму, будто бы богиня держала что-то в руках. Дж.Р. Колеман предположил, что это могли быть два деревянных посоха<sup>4</sup>. На голову Артемиды надет высокий головной убор, так называемый *полос*. Справа и слева от богини изображены два оленя.

Спереди на месте груди у Артемиды находится большое количество «образований» вытянутой формы. Существует множество версий того, чем же являются данные «отростки». Наиболее распространенным является мнение о том, что это груди, и поэтому Артемиду Эфесскую часто практически бездоказательно называют Многогрудой<sup>5</sup> и отождествляют с восточной Великой матерью и божеством плодородия, несмотря на то, что в источниках упоминания о многогрудости Артемиды немногочисленны: один раз у Плиния Старшего и дважды в трудах христианских авторов (Plin. HN. XVI.213–216; Min. Felix. XXI.5; Hier. *Comm. in ep. Pauli ad Ephes. Praef.*).

<sup>4</sup> Coleman J.R. A Roman Terracotta Figurine of the Ephesian Artemis in the McDaniel Collection // HSCPh. 1965. Vol. 70. P. 112.

<sup>5</sup> Например: Seuffert O. Dictionary of Classical Antiquities. N. Y., 1894. P. 72–73; Stengel P. Ephesia // RE. 1905. Hbd. 10. Sp. 2764–2766; Bennet F.M. Religious Cults Associated with the Amazons. N. Y., 1912. P. 34–39; Coleman J.R. Op. cit. P. 111–112; Zschietzmann W. Ephesos // KP. 1964. Bd. 2. Sp. 293. Отечественные исследователи безоговорочно принимают версию о «многогрудости» Эфесии: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002. С. 99; Завьялова В.П. Каллимах. Гимн «К Артемиде». М., 2002. С. 99.

С.М. Бо оспаривает расхожее мнение, согласно которому Артемида обладала функциями Матери и богини плодородия. Он пишет, что Артемида почиталась жителями Эфеса в качестве охотницы и богини, соблюдавшей целомудрие. С.М. Бо обосновывает свой тезис в основном тем, что указанные выше письменные свидетельства, где говорится о многогрудости богини, просто невозможно принимать всерьез хотя бы в силу их незначительного количества<sup>6</sup>. С другой же стороны, аргументы самого исследователя также кажутся весьма сомнительными, а его версия представляет собой просто констатацию концепции и бездоказательное отрицание версии о многогрудости.

Р. Фляйшер, полагая, что изображение Эфесии было важнейшим типом идола в Малой Азии вплоть до времени эллинизма и римского господства, проделал масштабную работу и рассмотрел различные гипотезы о том, чем же на самом деле являются ее загадочные «груды»: гроздьями винограда, страусиными яйцами, орехами или чем-то другим. Исследователь решительно отверг популярную версию, что эти «отростки» являются «грудями» Артемиды, и высказал точку зрения, что это «предмет» ее гардероба, смысл которого для нас, к сожалению, утерян. Подтверждением этому может служить статуэтка из Неаполя, на которой видно различие в цвете кожи богини и ее одеяния (рис. 2)<sup>7</sup>.

Достаточно сенсационным в кругах специалистов стало заявление швейцарского археолога Г. Зайтерле, который так же отверг «теорию многогрудости», но предложил взамен не менее спорную версию, что это были бычьи яички, доказывая это суждение заимствованиями из культа малоазийской Великой матери<sup>8</sup>. Г. Зайтерле

---

<sup>6</sup> *Baugh S.M.* Cult Prostitution in New Testament Ephesus: A Reappraisal // *Journal of the Evangelical Theological Society.* 1999. Vol. 42. No. 3. P. 452.

<sup>7</sup> *Fleischer R.* Op. cit. S. 87–88; *idem.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Supplement // *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens: Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Februar 1976.* Leiden, 1978. S. 325–329; *idem.* Neues zu kleinasiatischen Kultstatuen // *AA.* 1983. Hft. 1. S. 81–93.

<sup>8</sup> *Seiterle G.* Artemis – die Große Göttin von Ephesos. Eine neue Deutung der Vielbrüstigkeit eröffnet einen Zugang zum bisher unbekanntem Kult der Göttin // *AW.* 1979. Bd. 10. S. 3–16.

даже изготовил модель статуи Артемиды для Музея древностей в Базеле (рис. 3).

Данная теория сразу же получила поддержку некоторых видных антиковедов, например, В. Буркерта, который, впрочем, ограничился лишь тем, что в своих работах просто придерживался точки зрения Зайтерле, не разрабатывая ее детально<sup>9</sup>.

С другой стороны, мнение Г. Зайтерле критиковалось многими учеными, в том числе и Р. Фляйшером, который, показал, что данное по его выражению, «блестящее открытие» интересно, но абсолютно недоказуемо<sup>10</sup>.

Следует упомянуть, что против гипотезы Г. Зайтерле выступил Д. Целлер, который считал, что мнение швейцарского археолога, будто бычьи яички могли служить приношением ради достижения плодородия, абсолютно неверно, а, кроме того, само по себе их размещение на груди вызывает большие сомнения<sup>11</sup>.

Новая гипотеза была предложена В. Хельком, который, поддерживая аргументы Р. Фляйшера, также отверг гипотезу Г. Зайтерле. Согласно версии В. Хелька, это были вовсе не «яички» и не «грудь», а накидка из шкуры пантеры. Эти выводы он сделал на основании того, что в Чатал-Хююке была найдена фигурка богини, которая держит накидку, расцветка которой схожа с окраской пантеры. Таким образом, В. Хельк предположил, что прообразом для Эфесии послужила неолитическая Великая мать, а в дальнейшем греки могли неправильно интерпретировать этот предмет одежды (накидку) как бычьи яички. В доказательство своего суждения он привел тот факт, что высокий головной убор Артемиды Эфесской также являлся элементом одеяния, присутствующим на фигурках Великой матери<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> *Burkert W.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley, 1982. P. 130; *idem.* Die Artemis der Epheser. S. 70.

<sup>10</sup> *Fleischer R.* Neues zu kleinasiatischen Kultstatuen. S. 81–93.

<sup>11</sup> *Zeller D.* «Brüste oder Hoden»? Philologische, religionswissenschaftliche und tiefenpsychologische Bemerkungen zu einer interpretatorischen Alternative bei der ephesischen Artemis // *Macellum. Culinarium Archaeologicum* // [www.archaeologiesachbuch.de/Fleischer/index1.htm](http://www.archaeologiesachbuch.de/Fleischer/index1.htm).

<sup>12</sup> *Helck W.* Zur Gestalt der ephesischen Artemis // *AA.* 1984. Hft. 2. S. 281–282.

Еще одну версию об особенностях изображении Эфесии предложил Г. Ник. Согласно его мнению, корни культового изображения богини уходят еще к мифическим амазонкам и их ритуалам. Г. Ник считает, что амазонки почитали Эфесию не как божество плодородия, а как покровительницу войны. Вероятно, амазонки посвящали богине свою ампутированную грудь – символ их женственности и материнского инстинкта – как плату за возможность быть матерью. Таким образом, ампутация была ритуалом инициации, которая молодым амазонкам давала право участвовать в войне. После ампутации груди прикреплялись к культовому изображению. Из-за недостатка места на статуе богини груди размещались в несколько рядов и даже на спине. Таким образом, Г. Ник объяснил обвисшую форму «образований» тем, что речь идет именно об ампутированной части тела. Г. Ник предположил, что со временем ритуал изменился и впоследствии вместо грудей, возможно, прикреплялись ритуальные сосуды, в чем автор видит сходство с некоторыми аккадскими ритуалами<sup>13</sup>.

Однако наиболее аргументированной представляется гипотеза, что данные «отростки» были всего лишь украшениями – бусами, которые в ритуальных целях вешались на статую Эфесии. Это подтверждается многочисленными находками бусинок в форме сосудов, сделанных при раскопках эфесского Артемисиона. С. Моррис отождествила их с хеттскими кожаными мешками – «курса», использовавшимися в ритуалах плодородия, которые гарантировали благосостояние и процветание<sup>14</sup>.

Конечно, практически все рассмотренные выше предположения, с одной стороны, выглядят абсолютно недоказуемыми, а некоторые даже фантастичными, с другой же стороны, все они в той или иной мере указывают, что существовали восточные корни культа Артемиды Эфесской. Практически все исследователи не отрицают того, что она являлась олицетворением Великой богини и

---

<sup>13</sup> Nick G. Die Artemis von Ephesos: Neues zu einem antiken «Busenwunder» // *Macellum. Culinaria Archaeologica* // [www.archaeologie-sachbuch.de/Fleischer/index1.htm](http://www.archaeologie-sachbuch.de/Fleischer/index1.htm).

<sup>14</sup> Morris S.P. *Potnia Aswiya: Anatolian Contributions to Greek Religion* // *Potnia. Deities and Religion in the Aegean Bronze Age*. Liège; Austin, 2001. P. 430–432.

свидетельствуют об этом многие черты культовых изображений Эфесии, например, поза, головной убор, одеяние, львы рядом с богиней на некоторых изображениях и др.

Еще одним обстоятельством, сближающим Эфесию с анатolianской Великой богиней, является изображение ее в виде пчелы: таковой она появляется, например, на эфесских монетах (рис. 4)<sup>15</sup>. Кроме того, в фундаменте храма Артемиды в Эфесе были найдены золотые бляшки с изображениями пчел<sup>16</sup>. Согласно мнению Р.Д. Барнетта, отождествление Артемиды с пчелой, а также некоторые религиозные церемонии, связанные с этим, вероятно, были заимствованы из фригийской и лидийской религиозных традиций, образцом для которых, несомненно, послужили хеттские религиозные практики<sup>17</sup>.

Пчела в Восточном Средиземноморье зачастую являлась атрибутом женского божества. Элементы почитания пчел встречаются уже в крупнейшем малоазийском неолитическом поселении Чаттал-Хююк, где в одном из святилищ была найдена фреска, изображающая улей с последовательными фазами развития пчел от личинок до взрослых особей. Возможно две интерпретации данных изображений. Во-первых, это могло быть отображением социальной стратификации общества, которое через вариацию возраста насекомых показывало разницу в социальном статусе членов рода. Но существует и иная интерпретация: так, по мнению Э.Л. Лаевской, идея перехода из одного возраста в другой может быть связана с идеей о рождающем и умертвляющем высшем начале. Тогда улей в нашем случае выступает в качестве женского чрева, а пчела является атрибутом Великой богини<sup>18</sup>.

Следует обратить внимание, что в ряде нарративных источников жрицы Артемиды, Деметры и Кибелы, а также дельфийские

<sup>15</sup> *Elderkin G.W.* The Bee of Artemis // *AJPh.* 1939. Vol. 60. No. 2. P. 203.

<sup>16</sup> *Hogarth D.G.* Excavations at Ephesus: The Archaic Artemisia. L., 1908. P. 111–112; *Barnett R.D.* Early Greek and Oriental Ivories // *JHS.* 1948. Vol. 68. P. 21.

<sup>17</sup> *Barnett R.D.* Ancient Oriental Influences on Archaic Greece. The Aegean and Near East. N. Y., 1956. P. 218.

<sup>18</sup> *Лаевская Э.Л.* Мир мегалитов и керамики. М., 1997. С. 40–41.

жрицы именуется μέλισσα («пчела» – Pind. *Pyth.* IV.60; *Schol. in Pind. Pyth.* IV.60; Porphyg. *Antr.* 18)<sup>19</sup>.

По-видимому, Эфесия почиталась местным населением еще до того, как территория будущего Эфеса была заселена элинами и, вероятно, практически все ритуалы ее культа берут свои корни с этого времени. Раскопки, проводившиеся Дж. Хогартом перед Первой мировой войной, а затем раскопки 1987–1988 гг. подтвердили, что эфесский храм действительно был очень древним: известны находки посуды, относящейся к раннему бронзовому веку, а первичные постройки на месте будущего храма-периптера относятся к середине VIII в. до н.э.

По мнению А. Баммера, первоначальный храм Артемиды Эфесской был разрушен наводнением. То, что храм был построен в заболоченном месте и даже возникшие трудности с фундаментом не вынудили его перенести на новое место (было укреплено лишь основание постройки, которое постепенно поднималось: примерно на 4,4 м с VIII по IV вв. до н.э.), говорит, что сохранение первоначального местоположения храма играло очень важную роль<sup>20</sup>.

\*\*\*\*\*

Таким образом, вполне очевидно, что культ Артемиды Эфесской в своей основе имел культ восточной Великой матери, о чем свидетельствуют в основном археологические и нумизматические источники. Версия же о «многогрудости» Артемиды Эфесии, засвидетельствованная главным образом в сообщениях христианских авторов, вполне могла быть ответом на то, что покровительница Эфеса совсем не вписывалась в новую религию – христианство и, таким образом, была предпринята попытка дискредитировать ее образ как пережитки языческих обрядов и верований.

---

<sup>19</sup> См.: Ransome H.M. *The Sacred Bee in Ancient Times and Folklore*. L., 2004. P. 58.

<sup>20</sup> Bammer A. A “Peripteros” of the Geometric Period in the Artemision of Ephesus // *AS*. 1990. Vol. 40. P. 137–142.

МИХАЙЛОВ А.В. (САРАТОВ)

**«ДЕЛО» ОБ ОГРАБЛЕНИИ ГРОБНИЦЫ КИРА**

Работа историка часто пересекается по своим задачам и методам с ремеслом сыщика с той лишь разницей, что сыщик находится в непосредственной близости к распутываемому им делу во временном и пространственном отношении. Историк же в силу специфики своей профессии действует в совершенно ином временном и событийном контексте, стараясь посредством источников приблизиться к изучаемому событию и воссоздать его максимально объективно. В связи с этим как нельзя лучше задачу историка выражают слова известного писателя А.К. Дойла, вложенные в уста великого сыщика всех времен и народов, Шерлока Холмса: «Огромной ошибкой является построение теорий до получения данных. Незаметно для себя начинаешь искажать факты, подстраивая их под теории, вместо того, чтобы теории приводить в соответствие с фактами».

Историка неизбежно приходится занять место сыщика, если объектом его изучения является поход Александра Македонского, изобилующий разного рода загадочными, а иногда откровенно «криминальными» эпизодами: казнь Филоты, убийство Клита, расправа над Каллисфеном, раскрытие «заговора пажей», а также самый таинственный сюжет истории великого полководца, до сих пор вызывающий споры историков, – смерть самого Александра<sup>1</sup>.

Не менее интересным и по-разному освещаемым в источниках является эпизод, связанный с гробницей Кира Великого в Пасаргадах, которая по возвращении Александра из Индии оказалась разграбленной. Это событие, часто упоминаемое в связи с «большой чисткой»<sup>2</sup>, заслуживает гораздо большего внимания, так как при комплексном и основательном анализе источников сюжет с ограблением поднимает ряд вопросов, тесно связанных, во-первых, с самим осквернением памятника и процессом «следствия», поиска и

---

<sup>1</sup> Вопросы и споры о причинах смерти Александра возникали еще в античности. См.: Arr. *Anab.* VII.25–27; Curt. X.14–17; Diod. XVII.117–118; Iust. XII.13.10; 14–15; Plut. *Alex.* 76–77.

<sup>2</sup> Напр.: Шахермейер Ф. Александр Македонский. М., 2005. С. 394.

наказания виновных; во-вторых, с отношением Александра к Киру и стремлением первого выступить в качестве преемника Ахеменидов и блюстителя порядка во всей подвластной новому царю империи. Эти вопросы возникают из-за противоречий в источниках, восходящих, очевидно, к разным историографическим традициям.

По-видимому, образ основателя персидской империи часто привлекал внимание македонского полководца во время его похода. В источниках прослеживается очевидное стремление Александра не только сравнить себя с Киrom, но и превзойти его. Следствием этого были: длительная осада, взятие и уничтожение Кирополя, самого большого и самого непокорного города Согдианы (Arr. *Anab.* IV.2.2; 3.1–4; Curt. X.3.16–23)<sup>3</sup>, доброжелательное отношение к племени «эвергетов» (εὐεργέται – т.е. «оказывающие благодеяния») за их помощь, оказанную, по легенде, основателю персидской империи (X.3.1; Arr. *Anab.* III.27.5), а также марш через Гедрозию, где Кир потерял большую часть своего войска и потому отказался от похода на Индию (VI.24.3), и, наконец, посещение гробницы – последний эпизод проявления симпатии одного великого завоевателя к другому.

О произошедшем осквернении погребального монумента и событиях, связанных с ним, рассказывают Арриан, Страбон, Плутарх и Курций Руф. Сообщение Курция довольно своеобразно, как и весь его труд *Historiae Alexandri Magni*, и сильно отличается от описаний первых трех авторов. Согласно римскому историку, Александр на пути в Вавилон из Индии, прибыл в Парсагаду (*Parsagada*)<sup>4</sup>, персидскую область, в которой сатрапом был Орсин (*Orsines*)<sup>5</sup>, «знатностью и богатством выделяющийся среди всех варваров» (*nobilitate ac divitiis inter omnes barbaros eminens* – Curt. X.1.22). Автор описывает конфликт, произошедший между Орсином и внуком Александра, Багом, который, не стерпев оскорблений перса,

<sup>3</sup> Другое название – Кирэсхата – один из городов, основанных Киrom для защиты восточных границ империи (Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. С. 125).

<sup>4</sup> Несмотря на расхождение названия с традиционным латинским вариантом *Pasargada*, используемое Курцием наименование этого города вполне созвучно персидскому варианту *Parsa gada* – лагерь персов (см.: Olshausen E. *Pasargadai* // KP. Bd. 2. Sp. 538).

<sup>5</sup> Ср.: Arr. *Anab.* VI.29.2: Ὀρξίνης δὲ ἐπεμέλετο τῆς Περσίδος («Орксин находился во главе Персиды»).

оклеветал того перед царем и «обвинял в корысти и даже измене» (*avaritiae, interdum etiam defectionis arguebat* – *ibid.* 29). Эпизод с гробницей Кира стал поводом, чтобы окончательно расправиться с обидчиком. Согласно Курцию Руфу, из усыпальницы грабители вынесли золото и серебро, поэтому при посещении памятника Александр в гробнице не нашел ничего, «кроме круглого щита, да и то, ветхого, а также двух скифских луков и акинака» (*sed praeter clipeum eius putrem et arcus duos Scythicos et acinacem nihil repperit* – *ibid.* 31). Багой поспешил воспользоваться случаем и обвинил Орсина в разграблении гробницы. Александр, поддавшись лжи своего евнуха, разгневался на перса, которого, по сообщению Курция, Багой зарезал лично (*ibid.* 37; ср.: *Arr. Anab.* VI.30.2). Вывод автора прост: Александр поддался клевете и доносам, из-за которых стал недоверчивым, неосторожным и потому начал действовать неосмотрительно, «доверившись дурному» (*Curt.* X.1.39). Внимание Курция Руфа сосредоточено в данном эпизоде на личности Александра и тех изменениях, что начали происходить с ним. Сюжет с ограбленной гробницей не более чем пример дурного влияния на царя интриг, происходящих при дворе.

Наиболее обстоятельно и полно гробницу и события, с ней связанные, описывают Арриан и Страбон. Не менее важно, что оба автора называют источники, из которых они черпали приводимые ими сведения. Описывая эпизод в Пасаргадах, Арриан ссылается на Аристобула<sup>6</sup>, из рассказа которого в пересказе двух греческих писателей становится известным, что Александр находился у гробницы Кира дважды. Первый визит был совершен во время вторжения в Персиду в 330 г. до н.э., после сожжения дворцов Персеполя (*Strabo.* XV.3.7)<sup>7</sup>. Тогда гробница находилась в полном по-

---

<sup>6</sup> Аристобул принимал участие в походе Александра. Он руководил восстановлением гробницы Кира, потому оставил довольно подробное описание ее. Этот первоисточник Страбон активно использует в «Географии», где Аристобул упоминается шестнадцать раз (*Арский Ф.Н.* Страбон. М., 1974. С. 50), для Арриана же Аристобул – один из основных источников наряду с Птолемеем (*Arr. Anab.* I.2).

<sup>7</sup> Арриан упоминает об этом визите мельком, во время рассказа о втором посещении (*Anab.* VI.29.9). Однако раньше историк сообщает, что впервые Александр посетил Пасаргады до поджога Персеполя и целью его был захват казны (*III.*18.10).

рядке и Аристокбул исполнил приказ царя «проникнуть внутрь и украсить гробницу» (παρελθεῖν εἰς τὴν φησὶν Ἄριστόβουλος κελεύσαντος τοῦ βασιλέως καὶ κοσμηῆσαι τὸν τάφον – *ibid*).

Описание гробницы, приводимое Аррианом и Страбоном, соответствует параметрам того сооружения, что было обнаружено на расстоянии 1 км от пасаргадских дворцов в 60-е гг. прошлого века экспедицией Д. Стронаха, профессора Британского института изучения Персии (см. рис.)<sup>8</sup>. Рассматривая Пасаргады в качестве столицы своей империи, Кир приказал воздвигнуть там новые дворцы, а огромная терраса на горе Пасаргаде служила символом победы Кира над царем Мидии<sup>9</sup>. Строительство же памятника, отождествляемого сегодня с гробницей Кира, было начато еще при жизни персидского царя, а закончено его сыном, Камбизом. Гробница сконструирована из больших, аккуратно обтесанных камней, ее общая высота равна 11,1 м; основа монумента состоит из шести плит, каждая из которых по площади чуть меньше предыдущей; по форме база памятника напоминает восходящую пирамиду. На самом верхнем ярусе расположена небольшая комната с узким дверным проемом (1,39 м в высоту и 0,78 м в ширину)<sup>10</sup>.

По сообщению Аристокбула, Александр, второй раз прибыв из Индии в Пасаргады и обнаружив гробницу разграбленной, приказал привести ее в порядок. Памятник был взят под личный контроль царя – он велел замазать часть входа глиной и вдавил в нее свою царскую печать (*Arr. Anab. VI.29.10*). Важно отметить, что, как сообщает Страбон со ссылкой на Аристокбула, гробница оказалась разграбленной, «несмотря на находящуюся охрану в лице магов, ежедневно получавших в пищу барана, а раз в месяц – лошадь» (καίπερ φυλακῆς περικειμένης Μάγων, σίτισιν λαμβανόντων καθ' ἡμέραν πρόβατον, διὰ μηνὸς δ' ἵππον – *XV.3.7*). Арриан поясняет, что лошадь приносилась в жертву Киру (*Anab. VI.29.7*). Таким образом, в «деле» об ограблении гробницы появляются свидетели – маги, придворные жрецы Ахеменидов, выступающие в данном случае потомственными стражами священного памятника. Александр не преминул

<sup>8</sup> *Zournatzi A. The Tomb of Cyrus The Great // www.cais-soas.com/CAIS/ Architecture/cyrus\_the\_great\_tomb.htm*

<sup>9</sup> *Израэль Ж. Кир Великий. М., 2006. С. 84.*

<sup>10</sup> *Zournatzi A. Op. cit. Ср.: Strabo. XV.3.7; Arr. Anab. VI.29.5.*

воспользоваться показаниями этих важных свидетелей и решил допросить их; маги были схвачены. Царь «подверг их пытке, чтобы они выдали совершивших разграбление. Подвергнутые пыткам несколько не выдали ни себя, ни другого, и другим каким-либо образом не были изобличены в том, что они были свидетелями происшествия. После этого магов отправили прочь от Александра» (*Anab.* VI.29.11). Неизвестно, какой именно пытке подверг царь магов, но ясно, что ему было важно показать страже свою заинтересованность в наказании виновных и, следовательно, наведении порядка в персидской области, в которой бушевали в то время мятежи и разбои. Немаловажным является то, что Александр, стремясь выступать преемником Ахеменидов, должен был унаследовать в какой-либо форме традиционные взаимоотношения персидского царя со своими придворными священнослужителями, выступавшими советниками Ахеменидов в сакральных вопросах и хранителями священного царского огня. Стараясь в своей политике опереться на местное жречество, Александр, взявшись за расследование, действовал в их интересах, пытаясь найти в их лице поддержку своей гегемонии<sup>11</sup>. Таким образом, своими действиями Александр показывал ахеменидским жрецам, что он выступает защитником собственности касты священнослужителей и покровителем персидских традиций. Еще одним свидетельством этого служит упоминание Арианом того, что маги «были отправлены от Александра», а не преданы казне. К тому времени царь не был заинтересован в расправе над священнослужителями.

Допрос свидетелей не дал никаких результатов, однако Аристобул в пересказе Страбона заключает, что совершенное преступление было делом «грабителей, а не сатрапа» (προνομευτῶν ἔργον ἦν, οὐχὶ τοῦ σατράπου), которые оставили все, что нельзя было легко унести (*Strabo.* XV.3.7). Под сатрапом в данном случае понимается, конечно, Орксин, который тем не менее был повешен из-за того, «что расхищал храмы и гробницы царей», а также был уличен «в том, что казнил многих персов не в соответствии с законом» (καὶ ἐξηλέγχθη Ὁρξίνης ἱερά τε ὅτι σεσυλήκει καὶ τάφους βασιλικούς, καὶ

---

<sup>11</sup> До этого события с Александром сотрудничали исключительно представители светской персидской знати (см.: *Бриан П.* Александр Македонский. М., 2007. С. 136).

Περσῶν πολλοὺς ὅτι οὐ ξὺν δίκη ἀπέκτεινε - *Arr. Anab. VI.30.2*). Дополнительной причиной казни Орксина помимо обвинений в грабежах могло стать его самовольное провозглашение себя сатрапом Персиды после смерти Фрасаорта, оставленного Александром управлять этой областью. Причастность сатрапа к ограблению гробницы Кира остается неясной, но вряд ли самый знатный перс был виновен непосредственно в данном преступлении. В это, как явствует из слов Страбона, не верили и сами современники.

Апологет Александра, Плутарх, автор работы «Об удаче и доблести Александра» и жизнеописания великого полководца, несколько иначе описывает события, связанные с ограбленной гробницей (*Alex. 69.*):

Ἔπειτα τὸν Κύρου τάφον εὐρῶν διορωρυγμένον, ἀπέκτεινε τὸν ἀδικήσαντα, καίτοι Πελλαῖος ἦν οὐ τῶν ἀσημοτάτων ὁ πλημμελήσας, ὄνομα Πουλαμάχος. τὴν δ' ἐπιγραφὴν ἀναγνοὺς, ἐκέλευσεν Ἑλληνικοῖς ὑποχαραῖσι γράμμασιν. εἶχε δ' οὕτως· ὦ ἄνθρωπε, ὅστις εἶ καὶ ὀπόθεν ἦκεις, ὅτι μὲν γὰρ ἦξεις οἶδα, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Πέρσαις κτησάμενος τὴν ἀρχήν. μὴ οὖν τῆς ὀλίγης <μοι> ταύτης γῆς φθονήσης ἢ τοῦμόν σῶμα περικαλύπτει. ταῦτα μὲν οὖν ἐμπαθῆ σφόδρα τὸν Ἀλέξανδρον ἐποίησεν, ἐν νῶ λαβόντα <τῶν πραγμάτων> τὴν ἀδηλότητα καὶ μεταβολήν.

«Затем [Александр], обнаружив гробницу Кира вскрытой, казнил провинившегося, хотя допустивший преступление, имя которого Пуломах, был из Пеллы, не из самых неизвестных (один из именитых) [граждан]. Прочитав надпись, [Александр] приказал вырезать [ее] внизу греческими буквами. [Она] содержала следующее: “Человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни шел, потому что я знаю, что ты придешь, я – Кир, приобретший царство для персов. Не лишай же меня той небольшой земли, что окружает мое тело”. Надпись заставила Алек-

сандра сильно взволноваться, навела на мысль о неизвестности и переменчивости событий».

Если оставить в стороне последнее замечание, подчеркивающее непостоянство человеческого бытия, то следует обратить внимание на то, что обвиняемый в совершении осквернения – некто Пуломах – был уважаемым македонянином из Пеллы, чья личность окутана завесой тайны. Вероятно, он принимал участие в походе только до границы с Персией, находясь в неизвестном для нас ранге<sup>12</sup>. По возвращении Александра Пуломах был уличен в ограблении и затем казнен<sup>13</sup>.

У нас нет оснований подвергать сомнению достоверность данного сообщения Плутарха. По крайней мере, здесь одним из его источников является либо Аристокбул, либо какой-то другой автор, опиравшийся в свою очередь на этого современника Александра. Основанием для такого вывода является упоминание Плутархом надписи, начертанной по приказу Александра, которая по своему содержанию перекликается с сообщениями Арриана и Страбона, опирающихся на сообщение Аристокбула:

Arr. *Anab.* VI.29.8: ὦ ἄνθρωπε, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Καμβύσου ὁ τὴν ἀρχὴν Πέρσαις καταστησάμενος καὶ τῆς Ἀσίας βασιλεύσας. Μὴ οὖν φθοιῆσης μοι τοῦ μνήματος.

«Человек, я – Кир, сын Камбиза, установивший царство для персов и властвовавший над Азией. Не лишай же меня памятника».

Strabo. XV.3.7: ὦ ἄνθρωπε, ἐγὼ Κῦρός εἰμι, ὁ τὴν ἀρχὴν Πέρσαις κτησάμενος καὶ τῆς Ἀσίας βασιλεύς· μὴ οὖν φθοιῆσης μοι τοῦ μνήματος.

«Человек, я – Кир, приобретший царство для персов и властитель Азии; не лишай же меня памятника».

<sup>12</sup> Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. München, 1999. Bd. 2. S. 339.

<sup>13</sup> Пуломах не был единственным македонянином, пострадавшим за разграбление персидских святилищ. Ранее в Мидии подобной участи удостоились, например, стратеги Клеандр, Ситалк, Геракон. Местные жители и воины обвиняли их в разграблении храмов, гробниц и в беззаконии (Arr. *Anab.* VI.27.4–5).

Plut. *Alex.* 69: ὦ ἄνθρωπε, ὅστις εἶ καὶ ὁπόθεν ἦκεις, ὅτι μὲν γὰρ ἤξεις οἶδα, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Πέρσαις κτησάμενος τὴν ἀρχήν. μὴ οὖν τῆς ὀλίγης <μοι> ταύτης γῆς φθονήσης ἢ τοῦμὸν σῶμα περικαλύπτει.

«Человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни шел, потому что я знаю, что ты придешь, я – Кир, приобретший царство для персов. Не лишай же меня той небольшой земли, что окружает мое тело».

Как видно, по своей структуре эта надпись идентична той надписи, которую приводят Арриан и Страбон. Как и предыдущие, она включает в себя обращение ὦ ἄνθρωπε, называет Кира (ἐγὼ Κῦρός εἰμι) и содержит одинаковую просьбу не лишать покойного этого памятника. Вторая часть надписи, поясняющая основную заслугу Кира при жизни, и у Плутарха, и у Страбона включает причастие κτησάμενος («приобретший»). Арриан использует иное причастие, но вполне созвучное предыдущему: καταστησάμενος («установивший»).

Таким образом, по-видимому, все три пассажа, где цитируется высеченная Александром надпись, восходят к одному источнику. Разве что фрагмент в работе у Плутарха наделен большим драматизмом, благодаря расширенным первой и третьей частям. И очевидно, что отрывки восходят к сочинению Аристубула. У нас нет в распоряжении самого памятника, где эта надпись была бы высечена на греческом или на персидском языках. Более того, не известны и аналогичные по содержанию персидские надписи<sup>14</sup>. Единственное, в чем греческая надпись схожа с персидскими царскими надписями, так это в повторении формулы, известной по пасаргадским записям: «Я, царь Кир, Ахеменид» (СМа. Ed. R. Kent) и «Кир, Великий царь, сын царя Камбиза, Ахеменид» (СМб. Ed. R. Kent). К тому же традиционно считается, что древнеперсидский язык как язык надписей ахеменидских царей появился только при Дарии I<sup>15</sup>. Само существование указанной персидской и аналогич-

<sup>14</sup> Zournatzi A. Op. cit.

<sup>15</sup> Отсюда следует, что надписи, связываемые с Киром, были сделаны позже, во время правления Дария: Root M.C. The King and Kingship in Achaemenid Art // Acta Iranica. 1979. No. 19. P. 298.

ной ей греческой записи остается в настоящее время под вопросом<sup>16</sup>.

Вряд ли указание на уличение Пуломаха также принадлежит Аристобулу. Возможно, Плутарх в данном эпизоде использовал либо свидетельства нескольких авторов, либо какой-то один источник, опирающийся на сведения Аристобула и еще одного неизвестного нам автора.

Теперь, когда стало окончательно ясно, что ограбление гробницы было совершено руками македонян, становится понятным столь упорное молчание магов, не пожелавших свидетельствовать против грабителей, осквернивших священную гробницу, прервавших более чем двухсотлетнюю традицию. Казалось бы, они были непосредственно заинтересованы в том, чтобы виновные понесли наказание. Своим безмолвием стражи гробницы как бы ответили Александру словами Чацкого «а судьи кто?», намекая на то, что бесчинства и разбои, охватившие Персиду и Мидию – отголосок завоевания Ахеменидской империи Александром, повергшим ее в хаос, за что был удостоен в зороастрийской традиции эпитетов «подлый, порочный, грешный и злонаправный»<sup>17</sup>. Потому, не добившись от магов никакого ответа, царь был вынужден прогнать их. Александру не удалось примирить восточную религиозную традицию с западной, «богословское объединение» не состоялось<sup>18</sup>.

Неизвестно, продолжили ли стражи свою службу после того как в гробнице был наведен порядок и она была опечатана Александром. Скорее всего, охрана памятника продолжилась, но вряд ли она пережила своего покровителя. Через несколько месяцев царь Александр скончается в Вавилоне, а в Персии снова наступит «смутное время».

---

<sup>16</sup> *Zournatzi A. Op. cit.*

<sup>17</sup> Книга о праведном Виразе (Арда Вираз Намаг). Перевод со среднеперсидского (пехлеви), введение и примечания *А.И. Колесникова* // Альманах-дайджест сообщений средств массовой информации, отдельных изданий. Луганск, 1994. Выпуск 5. С. 32–35.

<sup>18</sup> *Израэль Ж. Кир Великий. С. 232.*



# ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

ДАНИЛОВ Е.С. (ЯРОСЛАВЛЬ)

## ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

Ряд проблем, связанных с историей развития римской армии, уже давно порождает множество дискуссий. Один из спорных вопросов – это возникновение римской разведывательной системы. По мнению ряда исследователей, появление разведки датируется рубежом IV–III вв. до н.э., когда Римская республика развернула энергичную экспансию в Италии<sup>1</sup>. Это утверждение опирается на свидетельство Тита Ливия, который упоминает брата римского консула Кв. Фабия Максима – Марка Фабия, под личиной этрусского крестьянина проникшего через территорию противника к нейтральным до того времени умбрам и склонивший их к союзу с Римом (Liv. IX.36.2)<sup>2</sup>. Однако может показаться странным, что до военной кампании 310 г. до н.э., описанной Ливием, римлян не интересовало положение их врагов. Наша задача заключается в том, чтобы на основе источников проследить развитие искусства разведки в республиканском Риме.

Вначале обратимся ко временам царей. Древняя греко-италийская организация армии была основана на том, что был выделен особый передовой отряд самых лучших бойцов, сражавшихся обыкновенно верхом<sup>3</sup>. Согласно Дионисию Галикарнасскому, первого царя, основателя Вечного города, Ромула, повсюду сопровождали копьеносцы, которые выполняли его приказания, а в походе были передовыми бойцами и помощниками царя. «Многое в сражениях зависело от них, – пишет Дионисий, – так как они первыми начинали битву и последними отступали» (AR. II.13.3. Пер. И.Л. Маяк). Возможно, что созданный Ромулом передовой отряд

---

<sup>1</sup> *Adcock F.E.* The Roman Art of War under the Republic. Harvard, 1940. P. 12, 71, 107; *Колобов А.В.* Разведка в античном Риме // Сержант. 2002. № 23. С. 7.

<sup>2</sup> У Ливия около 70 упоминаний о разведке, не считая данных о перебежчиках и доносчиках.

<sup>3</sup> *Моммзен Т.* История Рима. М., 2001. Т. 1. С. 473.

явился прообразом головного звена римского войска<sup>4</sup>. Это было началом складывания основных элементов походного порядка, который состоял из разведки, авангарда, главных сил и арьергарда<sup>5</sup>.

В период правления Тулла Гостилия, как передает Дионисий, сабиняне решились выступить против Рима, для чего начали из каждого города собирать военные силы и договариваться о союзе с латинскими общинами. «Однако установить с латинами дружбу и военный союз у них не вышло, так как Тулл, проведав об их замыслах, заключил с латинами перемирие и решил против сабинян вывести мощное войско» (*AR.* III.23.2–3. Пер. Н.Г. Майоровой).

Тарквиний Приск также оперативно узнавал намерения сабинян и расстраивал их планы (*ibid.* III.64.3). Когда при Анке Марции сабиняне вновь вторглись в пределы римлян, царь именно от лазутчиков получил известия, что наступил благоприятный момент для нападения на врагов, поскольку те рассеялись по полям и предались грабежу. Царь сам вместе с пехотинцами подступил к лагерю, который охранялся немногочисленной стражей и сходу захватил его (*ibid.* III.40.4).

Тарквиний Суперб пользовался услугами соглядатаев, скрытно следивших за тем, что говорится и делается на территории общины. Шпионы подбивали соседей на беседы, и случалось, что, сами высказываясь против царя, выпытывали мысли каждого. После чего о тех, про кого узнавали, что они тяготятся установившимся положением дел, доносили царю (*ibid.* IV.43.3)<sup>6</sup>. Вполне возможно

---

<sup>4</sup> «Во всяком случае, выделялись целеры из массы римского воинства не как род войск, вероятно, и не по вооружению, а по способу комплектования и, главное, по своему назначению» (*Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С. 243).

<sup>5</sup> *Разин Е.А.* История военного искусства. СПб., 1999. Т. 1. С. 426. «Вступив в римские земли, враги встретили обоих консулов: Валерий вел пехоту боевым строем, а Брут – передовую конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за ним с легионами» (*Liv.* II.6.6. Пер. Н.А. Поздняковой).

<sup>6</sup> Подобный способ выяснения общественного мнения мы находим также в «Артхашастре» (I.9).

также, что Тарквиний Суперб имел некоторые понятия о контрразведке. Л. Анней Флор пересказывает нам следующую историю: «Он [sc. царь] был жесток и к своим близким. Не поколебался высечь сына, чтобы вызвать к нему доверие врагов, когда тот притворился перебежчиком. Как и хотел Тарквиний, сын был принят в Габиях и оттуда через гонцов захотел узнать у отца о его дальнейших планах; тот же, обивая палкой самые высокие головки маков, дал понять, что хочет умерщвления знати; таков был его молчаливый и высокомерный ответ» (I.7.6–7. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского). Но, скорее всего, причина столь странного, на первый взгляд, поведения царя заключалась в его осторожности и хитрости. Он не хотел, чтобы габийцы узнали о его намерении и исключил всяческую возможность попадания важной информации в чужие руки, зашифровав послание для своего сына. Ливий и Дионисий подчеркивают, что Тарквиний не доверял посланнику, который подумал, что все дело в природной гордыни царя (Liv. I.54.6; Dion. Hal. AR. IV.56.2). Таким образом, обоснованным представляется предположение, что в разных исторических ситуациях первые властители Рима отдавали предпочтение то военной, то политической разведке, то контрразведке<sup>7</sup>.

Очевидно, что переход от царской к республиканской форме правления не имел влияния на стратегию и тактику разведки. Тактическая разведка обеспечивает боевые действия войск в тактическом звене, т.е. в пределах соединений, находящихся в соприкосновении с противником. Она обычно проводится в сложных условиях боевой обстановки, время для тщательного анализа добытых ею сведений ограничено, а сведения такого рода быстро устарева-

---

<sup>7</sup> При этом мы отдаем себе отчет в том, что первоначальная история Рима проникнута легендами (*Вегнер В.* Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Минск, 2002. Т. 1. С. 62). Но, предполагая, что традиция отображения деятельности царей сложилась в республиканский период, связываем пассажи о разведке с реалиями описываемого времени (*Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н.э. М., 2005. С. 9).

ют. Стратегическая разведка добывает и изучает все сведения, касающиеся врага и влияющие на ведение целой кампании, в течение большого промежутка времени<sup>8</sup>. Стратегические сведения, собранные до и во время военной кампании, приобретались разными средствами: дипломатами, шпионами (Liv. XLIV.18.2; Front. *Str.* II.2; App. *BC.* III. 40; V.124), сторожевыми постами (Caes. *BC.* II.26; Liv. XXIII.27.3; Dion. Hal. *AR.* VI.14.1), фуражирами (Polyb. III.65), торговцами (Caes. *BG.* I.39), посредством случайно захваченных документов (Polyb. XI.1–3; Liv. XXVII.43–51). Не менее ценны были, однако, неримские источники, использование которых широко подтверждено. Их составляли пленные (Plut. *Cam.* 4), перебежчики (Liv. XXXI.33.11; Caes. *BA.* 35; App. *BC.* V.17) и местные жители (Ps.-Caes. *BH.* 2; Caes. *BA.* 8). Гораздо менее определенную информация передавали слухи (*rumor* или *fama*) – специфические данные (Caes. *BG.* II.1), но на войне, где точное определение источника информации не всегда осуществимо (Front. *Str.* IV.11; App. *BC.* II.45), они могли приобретать основательное значение в определенных обстоятельствах. По мнению Фрэнсиса Дворника, «на протяжении всего периода существования Римской республики не удастся найти ни единого следа какой-либо организованной системы, которая добывала бы сведения о тех событиях, что происходили у соседних народов или о планах врагов»<sup>9</sup>. Однако мы знаем, что в республиканский период римляне использовали примитивные средства предупреждения об опасности как, например, сигнальные значки<sup>10</sup>.

Вероятно, в ранний республиканский период римляне также полагались на союзников, которые оповещали их о приближении противника, о чем свидетельствуют многочисленные факты<sup>11</sup>. По-

<sup>8</sup> Клаузевиц К. фон. О войне. М., 2002. Т. 1. С. 123.

<sup>9</sup> Dvornik F. *Origins of Intelligence Services*. New Brunswick, 1974. P. 53.

<sup>10</sup> Герье В.И. История римского народа. М., 2002. С. 128–129.

<sup>11</sup> Сенат принимал послов, получал от них сведения о намерениях других племен и, исходя из интересов Рима, решал вопрос о форме реагирования (Liv. II.22.5; 26.4–5; 30.8; VI.10.6–9; 25.2; VII.19.4; 30.1). «В IV в. развиваются тен-

сланники латинов постоянно извещали римский сенат о возможности начала военных действий со стороны вольсков и других италиков (Dion. Hal. AR. VI.34.4; Liv. IV.37.4). В 171 г. до н.э. римляне вмешались в конфликт Македонии и Пергама из-за Геллеспонта и Малоазийского побережья. Опасаясь, что Македония займет названные места, пергамский царь Эвмен обратился к третьейскому посредничеству Рима. Было назначено экстраординарное заседание сената, на котором пергамский царь выступил с докладом о военных приготовлениях Персея (Liv. XLII.11.2–14.1). В благодарность за это сообщение сенат провозгласил Эвмена «лучшим другом» римского народа и заключил с ним союз. Полученная информация помогла найти официальный повод для войны с Македонией до окончательного складывания антиримской коалиции на Балканах<sup>12</sup>. В 58 г. до н.э. с помощью «римских друзей» Цезарю удалось организовать общегалльскую конференцию. То был своего рода дипломатический конгресс представителей всех галльских племен. Цезарь добился того, что конференция провозгласила его вождем и защитником общегалльских интересов. Этот дипломатический ход облегчил Цезарю задачу покорения Галлии. К нему как к судье начали обращаться галльские вожди со своими нуждами, жалобами и взаимными доносами (Caes. BG. I.11, 19, 30, 37). Это давало Цезарю полную осведомленность во внутренних делах Галлии, возможность вмешиваться в межплеменные распри и безошибочно направлять свои дипломатические и военные предприятия<sup>13</sup>.

---

денции, заложенные еще со времени установления республики в конце VI в., к превращению сената в координатора действий командующих, что делает убедительной характеристику сената ранней республики как своего рода центрального органа всего римского военного ведомства» (Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики // ВДИ. 1994. № 2. С. 40).

<sup>12</sup> Сергеев В.С. Дипломатия Древнего Рима // История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 68.

<sup>13</sup> Syme S.R. Military Geography at Rome // Classical Antiquity. 1988. Vol. 7. No. 2. P. 230; Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М., 1991. С. 8.

Итак, в соблюдении общих интересов римляне полностью полагались на своих союзников. Такая добровольная система действовала до тех пор, пока дружественным племенам было выгодно информировать Рим<sup>14</sup>. Естественно, что все нарушалось, когда племя становилось противником и успешно переманивало на свою сторону другие племена. Во избежание этого служила дипломатия. Некоторые исследователи предполагают, что дипломатические миссии римлян могли иметь разведывательные цели. Посольская делегация обычно была довольно многочисленной: сам посол, его секретари, сопровождающие лица, переводчики, охрана, слуги. В сущности, дипломатическое прикрытие предоставляло идеальные условия для сбора информации<sup>15</sup>.

В источниках есть прямые указания на шпионскую деятельность римских послов. В 466 г. до н.э. разразился очередной конфликт римлян с эквами, грабившими поля союзных Риму латинян. Для его решения сенат избрал и направил трех послов, которыми руководил Кв. Фабий. «Когда послы прибыли, эквы, выслушав их претензии, дали им уклончивые ответы, оправдываясь, будто это дело произошло не по общему решению. Фабий негодовал на них и взывал к нарушенным с их стороны соглашениям. Когда же он увидел, что эквы хитрят, прося время для обсуждения и задерживая его под предлогом осмотра достопримечательностей и видя, что все мастерские полны оружия, предназначенного для войны, часть которого уже была полностью изготовлена, а часть еще находилась в работе, он понял их замысел» (Dion. Hal. AR. IX.60.3–5. Пер. Н.Г. Майоровой). В 264 г. до н.э. консул Аппий Клавдий переправился через Мессанский пролив на рыбацьем судне, чтобы

<sup>14</sup> См.: *Нетушил И.В.* Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // ЖМНП. 1904. № 8. С. 357–390; № 9. С. 391–437.

<sup>15</sup> *Нечаева Е.Н.* Внешняя разведка в период поздней античности // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 11-й международной конференции молодых ученых. СПб., 2000. С. 293; *Курилов М.Э.* О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 138; *Peretz D.* The Roman Interpreter and his Diplomatic and Military Roles // *Historia*. 2006. Bd. 55. Hft. 4. S. 470.

разведать расположение врагов и вступить в переговоры с вождем карфагенян. Вернувшись в Регий, он захватил пятивесельное судно неприятеля с помощью сухопутных войск и перевез на нем в Сицилию целый легион, который выгнал карфагенян из Мессаны (Aug. *Vict. De vir. ill.* XXXVII.3–4). В 195 г. до н.э. в Эфес ко двору селевкидского царя Антиоха III римляне отправили послов, чтобы те, выполняя для вида посольские поручения, «разведали о приготовлениях царя к войне» и либо расположили Ганнибала в пользу римлян, либо постоянными беседами с ним сделали его подозрительным и ненавистным Антиоху. Интересен тот факт, что о местоположении Ганнибала римляне узнали из доноса карфагенян, вынужденных следовать статьям мира, подписанного в 201 г. до н.э. после окончания Второй Пунической войны (Iust. XXXI.4.1–4).

Деятельность дипломатов часто вызывала подозрения со стороны государства, в которое они были отправлены, и посланники, несмотря на свой статус, подвергались многочисленным опасностям. В 58 г. до н.э. Цезарь поручил послам узнать, что говорит Ариовист, и сообщить ему. «Когда Ариовист увидал их у себя в лагере, то он закричал в присутствии своего войска: зачем они пришли к нему? может быть, шпионить? Они попытались было отвечать, но он не дал им говорить и приказал наложить на них цепи» (Caes. *BG.* I.47. Пер. М.М. Покровского). Послы могли быть не только ограничены в свободе (App. *BL.* 6.34), но ограблены или умерщвлены (Dion. *Hal. AR.* VII.2.1–3), или просто лишены возможности исполнять свои обязанности (Cass. *Dio.* LIX.23.5). Причиной тому всегда служило опасение шпионской деятельности послов. Ведь, как сообщает Ливий, «через послов римляне обо всем беспрестанно разузнавали» (Liv. XXXV.23.2. Пер. С.А. Иванова). Чтобы разгадать тайны противника, некоторые полководцы снаряжали к нему послов, отправляя с ними под видом служителей опытных воинов, которые высматривали устройство неприятельского войска, узнавали, в чем его сила и слабость, и своими сообщениями облегчали победу (Front. *Str.* I.3; II.1; Liv. XXX.4.1).

Таким образом, под прикрытием дипломатической неприкосновенности послы исполняли свою миссию, а разведчики – свою.

Дипломатическое и военное превосходство Рима сохранялось до тех пор, пока он имел дело лишь с разрозненными народами Италии. Но как только римляне столкнулись с Карфагенской державой, хорошо знавшей преимущества качественной разведки, они вынуждены были усовершенствовать свою систему добычи разведанных<sup>16</sup>. Как показал Е. Родионов, проанализировавший ход некоторых сражений Пунических войн, римские полководцы иногда пренебрегали разведкой<sup>17</sup>. Американский историк Р. Роуан отмечал, что в древности военная разведка отставала в своем развитии от дипломатической<sup>18</sup>. Причина этого, вероятно, в нерадивости военачальников (Sall. *Hist.* II.42), отсутствии у них опыта, недооценке врага или все дело в прямолинейности римлян, в их нежелании хитрить и обманывать<sup>19</sup> (Plut. *Popl.* 16). По мнению Р. Вилмера, одним из немногих победоносных полководцев античности, который не пренебрегал разведкой, а наоборот поставил ее во главу угла своей стратегии, был Сципион Африканский, с именем которого связаны наиболее славные страницы борьбы Рима с Карфагеном<sup>20</sup>.

Теперь обратимся к деятельности профессиональных разведчиков. Отряды, которые названы у древних писателей общим име-

---

<sup>16</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. 1. С. 262; Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1981. С. 67, 75; Лэмб Г. Ганнибал. М., 2003. С. 97, 173, 423; Ovadiah A. The Relief of the Spies from Carthage // Israel Exploration Journal. 1974. Vol. 24. P. 210–213.

<sup>17</sup> Родионов Е. Пунические войны. СПб., 2005. С. 62.

<sup>18</sup> Роуан Р.У. Очерки секретной службы. Из истории разведки. М., 2003. С. 6.

<sup>19</sup> Греческий писатель-сатирик Лукиан в «Разговорах в царстве мертвых» очень точно передал отношение римлян к Ганнибалу: «Я не буду говорить о том, каким образом он покорил Италию: не силой, а ложью, клятвопреступлениями и обманом, ничего не совершив честно и открыто» (XII.6. Пер. С. Сребрного).

<sup>20</sup> Wilmer R. Secret Service: Thirty-three Centuries of Espionage. N. Y., 1967. P. 16.

нем *procursores* и их греческий эквивалент *πρόδρομοι*, нуждаются в рассмотрении первыми; они, однако, никогда не были формально организованы на постоянной основе, и, видимо, их функции могли не быть первостепенными для собирания разведки<sup>21</sup>. В основном это были отряды обычных кавалерийских стрелков, стоящих непосредственно впереди армии на марше<sup>22</sup>. Когда началось римское вторжение в Парфию (53 г. до н.э.), *πρόδρομοι* составляли авангард семи легионов М. Лициния Красса. После переправы через Евфрат, *πρόδρομοι* были развернуты для уточнения восточного маршрута по направлению к Каррам: они нашли следы, принадлежащие большому количеству лошадей, что вели по направлению от римлян, но не встретили людей (Plut. *Crass.* 20.1). *πρόδρομοι* были задействованы непосредственно в рекогносцировочной роли, и, вероятно, имели достаточную численность, чтобы защитить себя в стычке с парфянской кавалерией<sup>23</sup>. Во времена Цезаря роль *procursores* в основном исполняли простые *equites*, т.е. всадники. Например, в кампании против гельветов 58 г. до н.э., где вся кавалерия у римлян составляла 4 тысячи всадников, Цезарь отправил их для наблюдения над маршрутом противников (Caes. *BG.* I.15).

Более тесно были связаны с разведочными операциями *exploratores* и *speculatores*. Главная задача *exploratores*, численность которых, насколько мы можем судить, составляла несколько десятков человек<sup>24</sup>, заключалась в том, чтобы точно разузнать о расположении и

<sup>21</sup> Секунда Н. Армия Александра Великого. М., 2004. С. 34; Соколов И.Ю. К вопросу о вспомогательном подразделении в коннице Александра Великого // *Antiquitas Iuventae*. Саратов, 2006. Вып. 2. С. 53; Фор П. Александр Македонский. М., 2006. С. 328.

<sup>22</sup> Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 621.

<sup>23</sup> О разведывательной функции римской кавалерии см.: Макиавелли Н. О военном искусстве. СПб., 1999. С. 62, 151; Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2002. С. 389; Денисон Дж. История конницы. М., 2001. С. 55; Марков М.И. История конницы. От Древней Греции до изобретения огнестрельного оружия. М., 2007. Кн. 1. С. 169–171.

<sup>24</sup> Из псевдо-Гигина (II в.) следует, что на 3 легиона приходилось 200 *exploratores* (*De munit. castr.* 30).

продвижении сил врага<sup>25</sup>. Кроме того, в их обязанности входило точно выведать маршрут, по которому должны были пройти основные силы, а также найти место для расположения лагеря (Caes. *BG.* II.17). До императорского периода эксплораторы не являлись отдельным самостоятельным подразделением<sup>26</sup>. *Speculatores* обычно действовали в большем режиме секретности и поэтому имели намного меньшую численность, чем *exploratores* – 10 человек на легион<sup>27</sup>. Они были скорее шпионы, чем разведчики<sup>28</sup>. Спекуляторы использовались для ведения действий в ночных условиях (Ps.-Caes. *VN.* 28) и для обнаружения убежищ противника (*ibid.* 38).

Кроме «профессиональных» разведчиков, главными носителями необходимой информации всегда являлись знающие люди. Мы попытаемся разделить эту категорию осведомителей на 7 групп с условными названиями:

Эксперт. Это индивид, чьи профессиональные знания и контакты обеспечивают первоклассную ориентацию в разрабатываемом вопросе. Его сведения позволяют по-иному взглянуть на существующую проблему, он выдает базовые материалы, выводит на неизвестные источники информации. Таковым, без сомнения, следует считать Харопа – «первого человека в Эпире», сочувствовавшего римлянам и тайком от Филиппа им содействовавшего (Plut. *Flam.* 3).

Внутренний информатор. Это человек из группировки противника, завербованный и поставляющий данные по различным

---

<sup>25</sup> *Gichon M.* Military Intelligence in the Roman Army // Ed. by H.E. Herzig and F. Frei-Stolba. Labor omnibus unis: Gerold Walser zur 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern, Historia Einzelschriften 60 / Stuttgart, 1989. S. 159.

<sup>26</sup> *Fiebiger H.O.* Exploratores // RE. 1909. Bd. 6. Sp. 1690–1693; *Speidel M.P.* Roman Army Studies. Stuttgart, 1992. Vol. 2. P. 90; *Ле Бож Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 73.

<sup>27</sup> См.: *Sheldon R.M.* Intelligence Activities in Ancient Rome. L., 2005. P. 165.

<sup>28</sup> Отличие шпиона от разведчика состоит в том, что последним может считаться лазутчик, не скрывающий своей принадлежности к военнослужащим (*Турло С.С., Залдат И.П.* Шпионаж. М., 2002. С. 67–80).

для него причинам. Так, Сулла при осаде Пирея использовал в качестве внутренних информаторов двух рабов, которые на свинцовых шарах делали надписи, «что предпринимается против римлян, и бросали их из пращей» (App. *Mithr.* 31; ср.: 34, 35).

Информатор поневоле. Это любой знающий человек из сторонников противника, проговаривающий необходимые сведения под влиянием активных методик воздействия – допрос, пытка, шантаж и т.д. Так как достоверность полученных сведений в данном случае не гарантирована, то такой подход был применим лишь в период острой необходимости, когда невозможно было выведать что-то иным способом. М. Порций Катон во время подавления восстания кельтиберов в 195 г. до н.э., не имея иного способа проникнуть в планы неприятеля, приказал трем сотням воинов одновременно напасть на вражескую заставу, захватить и доставить невредимым в лагерь пленника; тот под пыткой сообщил все нужные данные (Front. *Strat.* II.5).

Внедренный информатор. Это «свой» человек, тем или иным способом проникший в лагерь врага. Ценность поставляемых им данных зависит от его индивидуальных качеств и степени внедрения. Таким информатором следует считать скифа Олкаба, внедренного ставкой Митридата в окружение римского полководца Л. Лициния Лукулла и долгое время участвовавшего в его тайных совещаниях (App. *Mithr.* 79).

Легкомысленный информатор. Это любое информированное лицо, проговаривающее интересные факты в деловой, дружеской, компанейской либо интимной беседе. Случайно обмолвленное сообщение может быть необычайно ценным. Так, в 48 г. до н.э. цезарианец Гн. Домиций Кальвин узнал об итогах сражения при Диррахии через своих осведомителей. Его соглядатаи случайно встретились со знакомыми аллоброгами, служившими Помпею. Желая похвастаться, галлы подробно рассказали им обо всем случившемся, а также об отступлении Цезаря и приближении Помпея. Получив от разведчиков эти сведения, Домиций, который лишь на че-

тыре часа ходьбы опередил Помпея, благодаря сведениям, полученным от врага, избежал опасности и соединился с Цезарем у Эгиния близ Фессалийской границы (Caes. *BC*. III.79).

Контактёры. К ним мы отнесем людей, которые тем или иным образом случайно контактировали или некогда соприкасались с вражеской боевой группой. Например, Цезарь узнал от какого-то захваченного водоноса, что легаты Помпея, Афраний и Петрей, снимаются с лагеря (Front. *Strat*. VIII.9).

Случайный источник. Были случаи, когда какой-то индивид, изначально совершенно не рассматриваемый в качестве потенциального информатора, вдруг оказывался носителем уникальной информации. Как сообщает Аппиан, у Митридата было некое укрепленное место, где в тайных подземных хранилищах было скрыто большое количество денег в медных сундуках. Стратоника, одна из наложниц Митридата, которая знала тайну этого укрепления, выдала Помпею тайну сокровищ. Ее единственным условием было, чтобы Помпей сохранил жизнь ее сыну Ксифару, если он попадет в римский плен (App. *Mith*. 107).

Другим важным источником конфиденциальной информации, позволяющим ориентироваться в планах противника, являлись военные документы. Именно поэтому римляне мало полагались на папирус в таком опасном ремесле, как война. Например, герой 390 г. до н.э. Понтий Коминий не взял никакого письма к защитникам Капитолия, чтобы галлы, если бы он попался им в руки, не разгадали намерений римского командования (Plut. *Cam*. 25). Когда послание нельзя было передать на словах, то использовали тайнопись (Suet. *Caes*. 56.6) или просто писали по-гречески (Caes. *BG*. V.48), если противником были варвары<sup>29</sup>.

---

<sup>29</sup> «Также и в кратких списках, содержащих имена воинов, были у древних соответствующие знаки, с помощью которых они отслеживали, сколько воинов выжило в битве и сколько погибло. Знак □ (тау) с веточками сверху буквы, обозначал имя выжившего, а □ (тхета) приписывалась к имени каждого умершего. Когда же хотели обозначить неопытность воина, то использовали букву □ (лям-

Доставка могла осуществляться одним из шестнадцати способов, представленных военным теоретиком IV в. до н.э., Энеем Тактиком (XXXI.1–32). В 207 г. до н.э. шесть посланников от Газдрубала пытались информировать его брата Ганнибала о прибытии в Италию. Возле Тарента они были пойманы римскими фуражирами. Принужденные под угрозой пытки говорить, гонцы признались, что несли письмо от Газдрубала к Ганнибалу, и были конвоированы к консулу Г. Клавдию Нерону, прочитавшему это письмо через переводчика. Нерон направил письмо в сенат и через некоторое время информировал о плане действий. Вместе со своим товарищем М. Ливием Салинатором он разбил армию Газдрубала на реке Метавре, и повернул войска к югу, чтобы встретить Ганнибала. Последний едва узнал, что произошло, когда голова его брата была подброшена в карфагенский лагерь (Polyb. XI.1–3; Liv. XXVII.43–51).

Необходимо также выделить те критерии, по которым легионера включали в разведывательную группу. Этот незамысловатый список черт и качеств мог быть следующим: опытность (Dion. Hal. AR. XI.26.1); трезвомыслие (Liv. XXII.15.4); бдительность (Front. Strat. II. 7); быстрота (Plut. Cato Mai. 13); наблюдательность (Liv. X.34.7); отличное владение оружием (Polyb. III.45); физическая развитость (Plut. Cam. 4); решительность (App. Ill. V.25); хорошая память (Plut. Sert. 3); располагающая к контакту внешность (Dion. Hal. AR. V.76.2).

Одежда разведчиков, скорее всего, была облегающей и не сковывающей движения, легкая обувь и вооружение заменяли тяжелые сандалии и панцирь (App. Hann. II.11; Polyb. XVIII.21). В платье охотника или пастуха выполнялись многие разведывательные действия (Flor. XII.17; Liv. IX.2.2, IX.36.2). Все атрибуты секретной деятельности должны были быть функциональны, а сама деятельность бесшумной. Мы можем предположить, что римские

---

бда). Также и при начислении выплат имелось множество соответствующих знаков» (Isidor. Etymol. I. 24. 1–2. Пер. Л.А. Харитонова).

разведчики располагали системой специальных знаков. Так, Исидор Севильский писал, что есть некоторые знаки, производимые пальцами и глазами, с помощью которых общаются немые и все люди, находящиеся на большом расстоянии. «Такой же обычай есть и у военных, поскольку они договорились передавать жестами рук то, что невозможно передать голосом. Иначе они, когда голосом не могут, салютуют движением меча» (*Etymol.* I.26.1). Аммиан Марцеллин упомянул другой знак: «Протянув вперед руку, скрутив концы плаща и подняв их вверх, я подавал условный знак, что неприятель близко» (XVIII.6.13)<sup>30</sup>.

Личный состав подразделений, выделенных в разведку (*procursatores, exploratores, speculatores*), должен был действовать смело и скрытно, проявлять находчивость, инициативу и военную хитрость, добывать к установленному времени разведывательные сведения и своевременно их докладывать. Отчеты о результатах разведки должны были быть достоверными и краткими. Возможно, по аналогии с древнегреческой традицией<sup>31</sup>, в них указывалось: какой противник, когда и где обнаружен, характер его действий; где находится подразделение, ведущее разведку; что командир решил делать в дальнейшем (*Xen. Cyr.* VI.3.5–12).

Разнообразие средств, использовавшихся римлянами для сбора сведений стратегического и тактического характера, показывает довольно ясно, что любые методы могли быть действенными для получения необходимой информации о противнике. Большинство из них были в употреблении на протяжении всей истории Рима, но нельзя сказать, что они всегда использовались одинаковым образом или с равной эффективностью.

---

<sup>30</sup> Данный жест имеет сходство с современными войсковыми сигналами и, вероятно, использовался задолго до Аммиана. Поднять руку на высоту головы означает «внимание!» (см.: Сафронов А.Н. Служба разведывательного дозора при разведке местности и местных предметов // Войсковая разведка. Минск, 2004. С. 75).

<sup>31</sup> Подробнее см.: *Russel F.S.* Information Gathering in Classical Greece. Michigan, 1999. P. 1–139.

Тайная война началась одновременно с самим существованием римского государства. Правила ее ведения были заложены в VIII–VI вв. до н.э. как часть дипломатии и военного дела. В период с VI по III в. до н.э. организация разведки поменялась, насколько мы можем судить, незначительно. Ее основу все еще составляли донесения союзников и дипломатов. Ситуация изменилась с началом Пунических войн. Военная разведка вынуждена была «догонять» дипломатическую. Ее стали использовать шире только благодаря усилиям римских командующих, наученных осторожности в тяжелом противостоянии с Ганнибалом. Поэтому, полтора века спустя, уже во времена Цезаря, стремительное применение разведывательной работы было продуктом не столько его римского полководца, сколько роста уровня профессионализма римской армии в республиканский период.

МАНСКОВ О.В. (НОВОЧЕРКАССК)

## ТАРЕНТ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Тарент, один из самых крупных городов на южном побережье Апеннинского полуострова, основан в 706 г. до н.э. выходцами из Спарты. Выгодное географическое расположение города на перекрестке торговых путей из Элады в Италию и Сицилию, в чрезвычайно плодородной и красивой местности, сыграло свою роль в тарентинской истории. Город превосходил остальные поселения южной Италии политическим могуществом, военной мощью, экономическим и культурным развитием.

В труде «отца истории» Геродота Тарент и его жители упоминаются неоднократно. Геродот – родоначальник «критской» версии происхождения италийских племен тарентийского региона – говорит о критянах, выброшенных бурей в Иапии (VII.170). Далее, в том же отрывке, рассказывая о битве тарентинцев и жителей Регия с местными племенами, он называет ее самой кровавой резней между эллинами. Для него эта война междоусобная и он относится к произошедшей битве чуть ли не как к общегреческой трагедии<sup>1</sup>. Геродот сообщает о царской власти в Таренте, упоминая царя Аристофилида, который заключил персидских соглядатаев в темницу (III.136–138). Излагая легенду об Арионе из Мефимны, «несравненном кифареде своего времени», историк вновь говорит о Таренте, который стал отправной точкой путешествия великого музыканта и певца (I.24). Труд Геродота полон не только легенд, но и попыток критически осмыслить увиденное и услышанное. Таким образом, нет оснований не доверять всему сказанному «отцом истории».

Труды логографа V в. до н.э. Антиоха из Сиракуз, напрямую не дошедшие до нашего времени, легли в основу работ других античных историков, в частности Страбона. Современные исследова-

---

<sup>1</sup> *Wuilleumier P. Tarente des origines à la conquête romaine. P., 1939. P. 11.*

тели не вполне доверяют Антиоху. Так, И.А. Шишова обвиняет его в интересе «ко всякого рода легендам, которые нередко толкуются наивно и неупорядоченно»<sup>2</sup>. В противовес этому Л.Г. Печатнова утверждает, что Антиох добросовестно передает местное предание об основании Тарента в том виде, в каком оно существовало в V в. до н.э.<sup>3</sup>

«История» афинянина Фукидида посвящена событиям Пелопоннесской войны, полностью изменившей расстановку сил в Элладе. Фукидид приводит историю, как во время экспедиции афинян в Сицилию Демосфен и Эвримедонт делали заход в порт около Херадских островов (в заливе Таранто) у Иапиигии, и потом добавляет: «Затем они отплыли оттуда и пристали к Херадским островам у Иапиигии, где приняли на борт около 150 иапигских метателей дротиков из племени мессапиев. Они возобновили старинный союз с тамошним властителем Артой, который предоставил им этих метателей дротиков и прибыли в Метапонт в Италии» (VII.33). Благодаря кратким, но емким замечаниям Фукидида, мы можем определить позицию Тарента в Пелопоннесской войне, попытаться установить роль города в разворачивавшихся событиях, прояснить развитие тарентинско-варварских отношений в этот период.

Великий философ Платон был знаком со знаменитым представителем пифагорейской школы Архитом из Тарента, который прославился не только как знаменитый философ и ученый, но и как полководец, а также являлся руководителем тарентинского государства в 366–360 гг. до н. э. При нем Тарент достиг пика своего политического, культурного и экономического развития. Переписка двух философов, которая имеется в нашем распоряжении, дает нам хотя и скудный, но полезный материал о взаимоотношениях этих выдающихся личностей как между собой, так и с другими выдающимися личностями эпохи. Так, тиран Сиракуз Дионисий II

---

<sup>2</sup> Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 145.

<sup>3</sup> Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 295.

сделал Таренту дар, а Архит Тарентский лично посещал Сиракузы (*Ер.* VII. p. 338).

Во «Всемирной истории» Эфора, историка из малоазийского города Кумы, мы видим всеобъемлющее историко-географическое описание ойкумены, что сразу сделало его труд заметным среди современников. Эфор – явный моралист, что приводит иногда к несоответствиям в трудах тех, для кого он стал основным источником. Примером этого может служить версия Эфора об основании Тарента, сильно сокращенная и отредактированная Страбоном (*аруд Strab.* VI.3. p. 279–280).

Знаменитый философ древности, учитель Александра Македонского, Аристотель также не обошел Тарент своим вниманием. В «Политике» он рассказывает о т.н. заговоре парфениев, который сопровождал основание тарентинского полиса (*Pol.* V.6.1. 1306 b 29–31). Упоминает Аристотель и о хозяйственных занятиях жителей Тарента, в частности, о рыболовстве (*Pol.* IV.4.1)

Тесные экономические и культурные связи между греческими городами, их контакты с остальным, «варварским», миром, активная колонизационная политика нашли отражение в увеличении потока информации об окружающем Элладу мире. Наряду с обширными историческими трудами появляются периплы (т.е. обстоятельные руководства для купцов и мореплавателей) и периегесы («землеописания»), отражающие этническую картину в различных регионах ойкумены. Одним из таких источников является перипл неизвестного автора, написанный в начале второй половины IV в. до н.э. Написан он человеком широко осведомленным, по видимому, афинянином. В этом, так называемом перипле псевдо-Скилака явно отражен интерес греков к полисам Великой Греции.

Конец III – начало I вв. до н.э. не очень богаты серьезными произведениями, отражающими это время. Единственный заслуживающий внимание труд – произведение автора, известного под именем псевдо-Скимн. Его работа «Землеописание» написана в основном по Эфору и Деметрию Калатийскому и отражает этническую картину расселения италийских племен интересующего нас

региона. Упоминает псевдо-Скимн и героя-эпонима Таранта-Тараса (Ps.-Scym. 336).

С критикой исократовского направления в историографии, представленного именами Эфора и Феопомпа, выступил знаменитый историк Полибий, уроженец Мегалополя из Аркадии. Его «Всеобщая история» в 40 книгах охватывает события до 146 г. до н.э. До нас дошли пять книг и многочисленные отрывки из остальных. «История» Полибия – это прагматическая история, ограниченная событиями политическими. Это полностью исключает какое бы то ни было содержание этнографического и антропологического характера. Здесь нет места мифологическим преданиям и рассказам об основании городов и колоний<sup>4</sup>. Особенно сильно Полибий критиковал труд своего знаменитого предшественника Тимея из сицилийского города Тавромения, написавшего историю Сицилии и Италии с древнейших времен до первой Пунической войны. «История» Тимея, не дошедшая до нас, изобиловала сведениями о колониях, основании городов, родственных связях, истории отдельных семей, обычаях народов, а также данными из географии и хронологии. Полибий сурово порицал Тимея за рыхлость композиции, растянутость изложения, неуместные философские рассуждения и сентениозную манеру выражаться. Но главное обвинение Полибия состоит в том, что Тимей, по его мнению, искажает историческую истину. Это является следствием того, что Тимей описывал местности, основываясь лишь на чужих изложениях, т.е. он ни разу не бывал в упоминаемых местах. И, самое главное, он не имел опыта в государственных и военных делах<sup>5</sup>. Полибий, видимо, был хорошо знаком как с самим Тарентом, так и с его историей, памятникам и всей округой. Греческий историк был одним из первых, кто показал преимущества тарентинской гавани. До Регия, как пишет Полибий, «не находят другого порта, кроме Тарента» (X.1.1).

---

<sup>4</sup> Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 14.

<sup>5</sup> Там же. С. 15.

Важным источником для нас является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Этот труд охватывает историю древнего мира до эпохи Цезаря. Создан он был на огромном материале, в том числе и на не дошедших до нас сочинениях. Таренту посвящены несколько фрагментов труда Диодора. В одном из них (VIII.21) сообщается, что эпевнакты послали гонца в Дельфы с вопросом, могут ли они колонизовать Сикион. Оракул повелел им отказаться от планов и начать колонизацию Тарента. В этом отрывке, который очень несходен с другим отрывком Диодора, повествующем об основании Тарента (XV.66.3), излагаются два ответа оракула. Второй из ответов тождественен ответу, который приводит Антиох, дошедшему до нас в труде Страбона. Отрывок этот подробно комментирует Дионисий Галикарнасский, но Ж. Берар считает, что он произошел из-за путаницы, так же, как все похождения эпевнактов<sup>6</sup>. На основании труда Диодора мы можем составить и некоторое представление и об отношениях тарентинцев с варварами. Так, он сообщает о длительных войнах Тарента с окружающими его местными племенами (XI.52).

Источником первостепенной важности является для нас «География» Страбона. Написанная на склоне лет, она представляет поистине энциклопедию знаний древних об ойкумене. Следует согласиться с мнением В. Тарна о Страбоне: «Мало найдется писателей, которым мы были бы больше обязаны, чем ему»<sup>7</sup>. Основные источники для географа, когда он сообщает о Таренте, – это труды Антиоха и Эфора. Страбон подробно описывает тарентийскую гавань, город и акрополь, упоминает о произведениях искусства (III.1). Не оставляет он без внимания и историю основания Тарента, излагая две версии этого исторического события, нашедшие отражение в трудах Антиоха и Эфора.

Последним из греческих авторов следует назвать Плутарха. Автор «Сравнительных жизнеописаний» обращается к одним из

---

<sup>6</sup> Bérard J. La colonisation greque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité. P., 1957. P. 166

<sup>7</sup> Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 262.

самых ярких эпизодов в истории Тарента: приглашение тарентинцами в Италию царя Пирра и война с Римом, которая за этим последовала.

Римская традиция известна нам, начиная с того времени, когда Тарент уже давно утратил свое былое значение, войдя в состав Римского государства. Время рубежа I в. до н.э – I в. н.э дало нам первого римского историка, который не принимал участия в политической жизни и не имел никакого военного и административного опыта. Т. Ливий создал огромное историческое сочинение, из 142 книг которого до нас дошло полностью только 35. Ливий не ставил свое задачей исследование причин исторических событий – при широких временных рамках исследования это невозможно. Вынужден он был и ограничить количество используемых им источников – из греческих историков он фактически использует одного Полибия. Явственна у Ливия и идея возвеличивания Рима. К сожалению, те книги, в которых речь шла о войнах с Римом, дошли до нас только в кратких извлечениях – периодах, которые не могут дать ничего, кроме последовательности событий.

Из латинских авторов I в. н.э. в поле нашего внимания попадает Г. Плиний Секунд, который касался вопроса этнографии интересующего нас региона. Плиний широко использовал бытовавшие в то время периплы и дорожники, которые базировались на сведениях, полученных в результате деятельности римской администрации.

В противоположность Ливию, римлянин Помпей Трог, также живший на переломе эпох, в своих трудах восхваляет противников Рима, о победах Рима он говорит сдержанно, зато находит удовольствие вспоминать известные поражения римской армии. Главный труд Трога – «Филиппова история» (*Historiae Philippicae*) в 44 книгах, которые дошли до нас в компендии Юстина, автора начала II в. н.э. Для нас рассказ Юстина важен тем, что в нем мы находим некоторые детали, которые не упоминает Страбона, но в то же время встречаются почти дословные совпадения. Следует, видимо, согла-

ситься с мнением Л.Г. Печатновой, что рассказ Страбона мы вполне можем дополнить сведениями из Юстина<sup>8</sup>.

Определенный интерес представляет сочинение римского историка Л. Аннея Флора, жившего во времена императора Адриана. Автор в обобщенно-риторической форме излагает историю Пирровой войны, которая предопределила судьбу Тарента.

Необычайно ценен для нашей темы труд Павсания, автора историко-археологического «Описания Эллады». Павсаний много путешествовал, для написания своего труда он часто пользовался историческими источниками. Широта вопросов, охваченных в грандиозном труде писателя, достойна изумления. Это и изложение мифологем, генеалогий, описание местностей, исторических памятников (храмов, статуй и пр.) Так, Павсаний упоминает памятник Никоклу из Тарента, «который из всех кифаредов достиг величайшей славы» (I.37.2). Ученый грек, описывая памятники Олимпии, говорит о статуях, поставленных в честь тарентийских олимпийцев. Так, Икк, сын Николанда, впоследствии был лучшим инструктором по атлетике среди своих современников (V.10.5). Павсаний не упоминает легенду о скандальном происхождении основателей Тарента, несмотря на то, что, по-видимому, такая возможность неоднократно представлялась. Отсюда можно сделать вывод, что он обходит этот сюжет сознательно, как не имеющий для него исторической ценности. Следует, очевидно, согласиться с мнением А. Доле, что скандальные подробности происхождения будущих основателей Тарента являются более поздней выдумкой и принадлежат острым на язык афинянам<sup>9</sup>.

Из исторических сочинений эпохи поздней римской империи полезен для нас компендий римской истории, созданный Руфом Фестом. Сверхкраткий обзор Феста посвящен войнам, которые вели римляне. Краткое замечание Феста о дружине Идоменея, добав-

---

<sup>8</sup> Печатнова Л.Г. Указ. соч. С. 291.

<sup>9</sup> Doehle A. Geschichte Tarents bis auf seine Unterverfung unter Rom. Strassburg, 1877. S. 7.

ляет новые детали в гипотезы древних о происхождении италийских племен (*Salentini*)<sup>10</sup>.

Анализируя историческую традицию о Таренте, нетрудно заметить, что античные историки обращаются к тарентийской теме, либо описывая исторические обстоятельства, сопутствовавшие основанию Тарента, либо то противостояние, основным участником которого стал не столько Тарент и его жители, сколько эпирский царь Пирр. Исключением являются те источники, в которых целью является географическое описание региона. Благодаря таким авторам становится возможным прояснить этническую картину расселения местных племен, отношение к ним эллинов, их контакты с ойкуменой и между собой, выяснить специфику географических, климатических условий. Писателей, исходя из их взглядов на Тарент, можно разделить на две группы. В первую группу попадают Антиох, Фукидид, Аристотель, во вторую – Геродот, псевдо-Скимн, Страбон и Павсаний. И если для первых Тарент и его население как бы вне Италии, то для вторых Италия и Тарент – часть Великой Греции, которая объединяет все колонии эллинов в регионе<sup>11</sup>.

Подводя итог исследованию источниковой базы по истории Тарента, следует отметить, что в распоряжении антиковедов оказывается значительный массив исторических источников, которые позволяют сделать выводы о политическом, военном, культурном, экономическом развитии Тарента, о выдающихся личностях этого полиса – его полководцах, музыкантах, олимпиониках, философах. Мы в состоянии охватить практически все стороны тарентийской жизни, сделать попытку воссоздания этнической картины окружающих Тарент племен, проследить отношения Тарента как с ними, так и с остальными городами Великой Греции на всем отрезке его независимого существования, вплоть до его завоевания Римом в 272 г. до н.э.

---

<sup>10</sup> *Doehle A. Op. cit. S. 15.*

<sup>11</sup> *Wuilleumier P. Op. cit. P. 10.*

ЛЕУС В.А. (САРАТОВ)

**«КЛЯТВА» СЦИПИОНА**

Сципион Африканский был великим полководцем, серьезно его военный гений редко оспаривают. Он не потерпел ни одного поражения в битвах, которые вел как главнокомандующий. Сципион одерживал победы над карфагенянами в Испании, в Африке одолел Ганнибала, а в Азии выиграл сражение у Антиоха III Великого. Но есть один эпизод в истории Сципиона, относящийся к началу его военной карьеры, который не получил широкой известности – участие в Каннском сражении и событиях после него.

Как сообщает Ливий, после своего поражения близ Канн римляне из двух лагерей бежали из-под охраны в городок Канузий (XXII.50.4–12, 52.4). Среди бежавших были четыре военных трибуна: Кв. Фабий Максим, Л. Публиций Бибул, П. Корнелий Сципион и Аппий Клавдий Пульхр<sup>1</sup>. С общего согласия главное командование было возложено на двух последних (XXII.53.1–3). На пришедшее известие о желании нескольких знатных юношей, во главе с Л. Цецилием Метеллом, покинуть Италию и отправиться ко двору некоего эллинистического царя, быстрее прочих отреагировал «судьбой назначенный быть вождем в этой войне» П. Сципион. Он отправился с немногими сторонниками к Метеллу и, выхватив меч, произнес клятву, что он никогда не оставит Рим и не допустит, чтобы это совершил кто-то другой. А покарать ослушавшихся должен Юпитер Всеблагий и Величайший. Перепуганные заговорщики по-

---

<sup>1</sup> Q. Fabius Maximus (103) консул 213 г. до н.э.; L. Publicius Bibulus (\*4); P. Cornelius Scipio (336) консул 205 и 194 гг. до н.э.; App. Claudius Pulcher (293) консул 212 г. до н.э. О том, что П. Корнелий Сципион занимал должность военного трибуна, известно, помимо нарративных источников, из данных эпиграфики. CIL I.<sup>2</sup> 1. P. 201: (P. Cornelius P. f.) | Scipio Africanus | cos. bis censor | aedilis curulis | trib. mil.

клялись той же клятвой и сами себя отдали под стражу Сципиону (XXII.53.4–11). Таково изложение Ливия<sup>2</sup>.

Валерий Максим (V.6.7) кратко излагает эпизод, делая упор на благочестие Сципиона, и, по всей видимости, этот материал взят им у Ливия. Если Сципион у Валерия Максима не упоминает при произнесении клятвы никаких божеств, то у Силия Италика в эпический поэме «Пуника» (X.415–448) он ссылается на Капитолийскую триаду божеств (Юпитера, Юнону и Минерву) и богов Италии. Повествование Диона Кассия о Пунических войнах сохранилось не очень хорошо, но фрагмент 15 книги о событиях после Канн дошел до наших дней (fr. 57.28–29). Имена заговорщиков не называются, детали теряются, а роль Сципиона в спасении выживших римлян возрастает. Автор *De viris illustribus* участников заговора называет знаменитейшими юношами (*nobilissimi juvenes*), кроме этого не сообщает ничего нового (49.5). В изложении Орозия сюжет приобретает причудливые черты: сенаторы по побуждению Цецилия Метелла стали обсуждать план бегства из Италии, и только Сципион призвал всех к защите отечества (IV.16.6).

Таким образом, наиболее развернутое и «правдоподобное» изложение предлагает лишь Ливий, последующие авторы в зависимости от характера и замысла своего труда описывают действие вкратце или развивают какую-либо деталь<sup>3</sup>. Так что в первую очередь следует опираться на данные Ливия.

Основной вопрос – есть ли историческое ядро в этом рассказе Ливия? На самом ли деле участвовал Сципион в Каннском сражении и в событиях после него? Если да, то почему столь немногочисленны свидетельства?

---

<sup>2</sup> Откуда черпал сведения сам Ливий достоверно неизвестно. По мнению Р. Эванса, история восходит к «Началам» Катона. См.: *Evans R.J.* Was M. Caecilius Metellus a Renegade? A Note on Livy XXII.53.5 // *Acta Classica*. 1989. Vol. 32. P. 119. См. также: *Klotz A.* Dichtung und Wahrheit in der livianischen Erzählung von der Schlacht bei Cannae // *Gymnasium*. 1949. Bd. 56. S. 58–70.

<sup>3</sup> Более подробный обзор источников см.: *Ridley R.T.* Was Scipio Africanus at Cannae? // *Latomus*. 1975. Vol. 34. P. 161–163, *Zimmerman K.* Scipios Eid nach Cannae – eine propagandistische „Retourkutsche“? // *Chiron*. 1997. Bd. 27. S. 472–474.

словны наши источники? Например, отчего Полибий обходит молчанием этот эпизод? Если деятельность Сципиона в этот период – выдумка, то с какой целью и когда создается эта легенда?

Для начала необходимо рассмотреть обстоятельства «заговора Метелла»<sup>4</sup>. Во-первых, насколько реально существование замыслов побега? После такого сокрушительного поражения, каким были для римлян Канны, до мыслей о бегстве один шаг. Но в действительности речь могла идти лишь о пораженческих восклицаниях в кругу друзей, о которых кто-то донес военачальнику, что они будто бы готовят опасный заговор. Во-вторых, неясно личное имя руководителя Komplota. Сам Ливий называет его вначале Луцием (XXII.53.5), затем при упоминании об этом эпизоде Метелл уже фигурирует как Марк или вовсе без имени, хотя речь идет, как кажется, об одном и том же человеке<sup>5</sup>. Кроме того, Валерий Максим именуется Метелла Квинтом (V.6.7). Ф. Мюнцер признает существование трех братьев: Луция, Марка и Квинта, первый из которых и был главой заговора<sup>6</sup>. Другие исследователи приписывают появление в источнике имени Луция ошибке рукописной традиции<sup>7</sup> и признают «виновным» в подготовке к бегству М. Цецилия Метелла<sup>8</sup>. Мнением же Валерия Максима все исследователи пре-

<sup>4</sup> См.: *Ooteghem J. van. Les Caecilii Metelli de la republique. Brüssel, 1967. P. 45–46, Evans R.J. Op. cit. P. 117–121.*

<sup>5</sup> В 214 г. до н.э. цензоры М. Ацилий Регул и П. Фурий Фил исключили квестора того года М. Цецилия Метелла из трибы и зачислили в эрарии за подготовку *coniuratio deserendae Italiae* (XXIV.18.3–6), а на следующий год народный трибун Метелл призвал к суду обоих цензоров, но потерпел неудачу из-за противодействия своих коллег (XXIV.43.2, см. также: Val. Max. II.9.7). Наконец, в 209 г. до н.э. М. Метелл (*infamis auctor deserendae Italiae post Cannensem cladem*) оказался среди восьми человек, исключенных цензорами из сената (XXVII.11.12).

<sup>6</sup> См.: *Münzer F. Caelius (73) // RE. 1897. Bd. 3. Hbd. 1. Sp. 1204, 1229–1230 (Stemma); см. также: MRR. Vol. 1. P. 260. Note 2, P. 264; Seibert J. Hannibal. Darmstadt, 1993. S. 197–198.*

<sup>7</sup> См., например: *Zimmerman K. Op. cit. S. 475–476.*

<sup>8</sup> М. Саецилиус Метеллус (76) плебейский эдил в 208 г. до н.э., городской претор в 206 г. до н.э., в 205 г. до н.э. участвовал в посольстве в Пергам по подготовке переноса в Рим Великой Матери богов, в 196 г. до н.э., возможно, был в

небрегают вследствие последующей внушительной карьеры Кв. Цецилия Метелла<sup>9</sup>, невозможной, очевидно, при таком ее неблагоприятном начале.

Но нас больше интересует фигура П. Корнелия Сципиона, на тот момент 19-летнего военного трибуна. Возраст никогда не был помехой Сципиону для занятия должностей, да и битва при Тицине дала ему некоторый опыт участия в битвах. Именно по причине юного возраста народные трибуны позднее попытаются воспрепятствовать избранию его курульным эдилом (Liv. XXV.2.6–8, ср. также назначение 24-летнего Сципиона проконсулом в Испанию: Liv. XXVI.18–19). Интересно отметить, что об участии Сципиона в самой битве при Каннах ничего неизвестно, он появляется только после ее печального завершения и сразу становится одним из главных действующих лиц. Но его участие в Каннском сражении несомненно. Не стал бы Ливий (или его источник) выдумывать весь эпизод с присягой, если бы Сципиона вовсе не было при Каннах. К тому же Аппиан и Зонара сообщают, что консул Г. Теренций Варрон передал Сципиону командование над бежавшими в Канузий, но вовсе не упоминают «заговор» Метелла (App. *Hann.* 26, Zon. IX.2.1).

Очевидно, что само присутствие при таком унижении Рима воспринималось как что-то лишнее в жизнеописании будущего победителя Ганнибала, а потому было обойдено молчанием многими авторами. Скорее всего, по той же причине об участии Сципиона ничего не сообщает ни Полибий, ни другие современники событий. Греческий историк Полибий, близкий друг Сципиона Эмилиана, был знаком с Г. Лелием, ближайшим соратником Сципиона Африканского, и, несомненно, был очень хорошо осведомлен о

---

комиссии по установлению новых порядков в Греции. *Münzer F. Caelius* (76) // RE. 1897. Bd. 3. Hbd. 1. Sp. 1205; MRR. Vol. 1. passim.

<sup>9</sup> Q. Caecilius L. f. L. n. Metellus (81) понтифик с 216 г., плебейский и курульный эдил – 209 и 208 гг. соответственно, начальник конницы 207 г., консул 206 г., диктатор 205 г., а также он участвовал в целом ряде посланнических миссий. *Münzer F. Caelius* (81) // RE. 1897. Bd. 3. Hbd. 1. Sp. 1206–1207; MRR. Vol. 1. passim.

жизни Сципиона. Полибий считал, что все прочие историки изображают П. Сципиона баловнем судьбы, предприятия которого удавались не благодаря расчету, а из-за благосклонности богов (X.2.5–6). Мнение «всех прочих» Полибий пытается оспорить. Он начинает свой рассказ о «едва ли не самом знаменитом человеке прошлого времени» (X.2.2) с битвы при Тицине (218 г. до н.э.), в ходе которой Сципион спас жизнь отцу (X.3.3–7). Следующий эпизод изображает избрание Сципиона эдилом (X.4.1–5.8). В своем изложении Полибий допускает несколько серьезных неточностей. Вполне возможно, что здесь он как раз передает народную молву о Сципионе, а не опирается на подлинные свидетельства<sup>10</sup>. И все это, чтобы показать, что не божественное вдохновение, а расчет и умение управлять людьми помогали Сципиону добиться столь существенных результатов. Дальнейшее изложение подтверждает эту мысль – Полибий обращается к штурму Нового Карфагена в 209 г. до н.э.: П. Сципион и на этот раз рассчитал всю операцию до мелочей, а воинам внушил, что план захвата ему во сне подсказал Нептун (X.11.7, 14.12. Ср.: Liv. XXVI.45.9)<sup>11</sup>. С одной стороны, Каннский сюжет, как яркий пример патриотических убеждений Сципиона, не повредил бы общему портрету героя, но с другой стороны, среди таких важных для Сципиона побед не совсем уместно вспоминать о поражении при Каннах. К тому же, думается, изначально роль Сципиона в раскрытии «заговора» Метелла не была столь уж велика, как ее описывает Ливий, а «пятно» участия в битве при Каннах было вполне весомым, так что Полибию (или Лелию) казалось правильным этот пункт биографии обойти молчанием<sup>12</sup>.

<sup>10</sup> По мнению Ф. Уолбанка (НСР. Vol. 2. P. 199), Полибий здесь не утверждает, а скорее намекает на Г. Лелия как на источник сведения, что П. Сципион был избран эдилом. Ср.: Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской Республики. М., 1986. С. 67; Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи пунических войн. М., 1998. С. 52.

<sup>11</sup> См.: НСР. Vol. 2. P. 191–196; Scullard H.H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970. P. 39–67.

<sup>12</sup> Молчание Полибия исследователи оценивают по-разному. Так, Эд. Мейер считал, что если бы рассказ о присяге был историчным, то Полибий непременно бы его использовал, так как положение Сципиона, по мнению ис-

Кроме нескольких письменных источников и одного эпиграфического в нашем распоряжении находится еще нумизматический материал. Сохранилось несколько экземпляров монеты, отчеканенной в Канузии примерно в конце III – начале II в. до н.э. На аверсе изображена голова юноши, повернутая влево, а на реверсе – всадник на коне, с оборотом направо, под ними надпись: ΚΑΝ(ΥΣ)ΙΝΩ(N). Портрет на лицевой стороне обычно определяют как принадлежащий Сципиону Африканскому<sup>13</sup>. Основной аргумент – сходство с изображением на монете из Нового Карфагена, которая четко датируется 209 г. до н.э. (год взятия города римлянами под руководством Сципиона). Монетная серия Нового Карфагена сохранила прежнее изображение на оборотной стороне монет (лошадь и пальма), а на лицевой стороне впервые в этот год появилось явно римское лицо: прежде портреты носили черты пунийских вождей. Естественно предположить, что это изображение римского лица принадлежит П. Сципиону. По предположению Х. Скалларда, чеканка могла осуществиться даже без приказа самого Сципиона, а по решению руководства монетного двора, чтобы почтить нового правителя<sup>14</sup>. Таким образом, изображение портрета Сципиона на монете из Канузии указывает на желание народа Канузия привнести Каннский эпизод в свою местную историю, по-

---

следователя, более выигрышное в Каннской ситуации, чем в истории с эдилитетом. Рассказ же он называет выдумкой поздних анналистов (*Meyer Ed. Ursprung und Entwicklung der Überlieferung über die Persönlichkeit des Scipio Africanus und die Eroberung von Neukarthago // Kleine Schriften. Halle, 1924. Bd. 2. S. 429–430. Anm. 2*). Р. Броутон называет аргументацию Эд. Мейера спорной, а Х. Скаллард объясняет отсутствие сведений в тексте Полибия плохой сохранностью сочинения (*MRR. Vol. 1. P. 253. Note 5; Scullard H.H. Op. cit. P. 30*).

<sup>13</sup> *Robinson E.S.G. Punic Coins of Spain and their Bearing on the Roman Republican Series // Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingly. L., 1956. Fig. 4. C, D. P. 41–42; Vollenweidwer M.L. Das Bildnis des Scipio Africanus // Museum Helveticum. 1958. 15. S. 37–38. Taf. III. Nr. 2–6, 8–9; Scullard H.H. Op. cit. P. 41. Pl. 2, P. 43. Pl. 16, P. 249. Note 18; Hafner G. Das Bildnis des P. Cornelius Scipio Africanus Maior // Archäologischer Anzeiger. 1972. S. 483. Abb. 12.*

<sup>14</sup> *Scullard H.H. Op. cit. P. 249. Note 18; см. также: Robinson E.S.G. Op. cit. P. 41–43; Vollenweidwer M.L. Op. cit. S. 37.*

святив ему монетную серию. Но на деле доказать, что изображение на монете действительно принадлежит Сципиону, невозможно.

Итак, участие Сципиона в битве при Каннах несомненно, причина отсутствия четких сведений об этом в источниках ясна. К подавлению «заговора» Метелла Сципион или не причастен вовсе, или сыграл в этом деле менее значительную роль, чем об этом передает письменная традиция. Возможно, возникновение легенды принадлежит периоду политического противостояния Сципиона Эмилиана и Метелла Македонского<sup>15</sup>. Ситуация соперничества создает идеальный фон для подобного сюжета. Сохранившиеся источники дать окончательный ответ о подлинности «клятвы Сципиона» и времени ее зарождения не могут. То, что Сципион был инициатором выступления против Метелла, утверждает некий анналистический источник, использованный Ливием. Молчание же Полибия отнюдь не означает недостоверности «клятвы».

---

<sup>15</sup> *Evans R.J.* Op. cit. P. 119. Anm. 12, 13; *Zimmerman K.* Op. cit. S. 481. См. также: *Astin A.E.* Scipio Aemilianus. Oxf., 1967. P. 24, 312–315.

ЯКОВЛЕВА С.В. (САМАРА)

**РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА  
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ПИРАТЫ  
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ I В. ДО Н.Э.**

К середине II в.<sup>1</sup> Рим становится сильнейшей державой в Средиземноморье. Однако оставалась значительная трудность, справиться с которой Римскому государству никак не удавалось, – пираты. Во второй половине II – начале I в. средиземноморское пиратство достигает необычайного расцвета. Причиной этого расцвета была та политическая анархия, которая воцарилась в этом регионе после разгрома Римом сильнейших государств – Карфагена, Македонии и царства Селевкидов<sup>2</sup>.

В данной работе предпринята попытка проследить особенности подготовки Рима к антипиратской кампании, оценить качество проведенных операций, а также рассмотреть итоги противостояния Рима и пиратов.

Одним из условий для быстрого распространения морских разбоев по побережьям Средиземного моря послужили происходившие в Италии междоусобные войны со всеми их последствиями, проскрипциями, преследованиями и скитанием изгнанников. А так как за междоусобными войнами последовала еще одна союзническая война, затем невольническая война и перевороты, то морское разбойничество, пользуясь бездействием римских властей, понемногу выросло до значения силы, которая сама себе назвала «плавающее государство» (App. *Mithr.* 92)<sup>3</sup>.

Основное ядро пиратов составляли киликийцы, народ юго-западного побережья Малой Азии, где и находилась их основная

---

<sup>1</sup> Здесь и далее все даты до нашей эры.

<sup>2</sup> Моммзен Т. История Рима. М., 1937. Т. 2. С. 130; Хлезов А.А. Морские войны Рима. СПб., 2005. С. 319.

<sup>3</sup> См.: Егер О. Всемирная история. М., 1999. Т. 1. С. 585.

база (Plut. *Pomp.* 24)<sup>4</sup>. На Крите, издавна славившимся отчаянными пиратами, была создана целая держава морских разбойников. Третий район – это Далматия, но здесь, на Адриатическом море, римляне все-таки старались избавиться от таких неудобных соседей<sup>5</sup>. Позднее «к ним присоединились сирийцы, жители Кипра, Памфилии, прибрежных стран Понта – одним словом, почти все восточные племена» (App. *Mithr.* 92)<sup>6</sup>.

Согласно источникам, самое раннее упоминание о столкновении Рима с пиратами можно датировать 102 г. В Киликию был послан значительный флот, состоявший, главным образом, из кораблей подвластных Риму городов, и находившийся под начальством претора Марка Антония, облеченного проконсульской властью (Liv. *Per.* 68)<sup>7</sup>.

Традиционно принято считать, что Антоний командовал флотом, посланным против пиратов в район Памфилии, и не предпринимал операций на суше (Liv. *Per.* 68; Trog. *Prol.* 39). Однако Цицерон упоминает, что Антоний был задержан в Афинах во время своего путешествия в Киликию в качестве проконсула (Cic. *De orat.* I.82), а его офицер претор Гратидиан был убит в Киликии (Cic. *Brut.* V.168). В найденной на Родосе надписи упоминается Авл Габиний, квестор М. Антония, претора Киликии<sup>8</sup>. Все это позволяет предположить, что Антоний выступал против Киликии как на море, так и на суше. Римский флот захватил несколько кораблей и уничтожил часть пиратских гнезд<sup>9</sup>. В результате в Киликийских

<sup>4</sup> См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 2. С. 130; Мишулин А.В. Спартак. М., 1950. С. 117.

<sup>5</sup> Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 375.

<sup>6</sup> Ormerod H.A. The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates // JRS. 1922. Vol. 12. P. 36.

<sup>7</sup> Ibid. P. 35; Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia and Cilicia, 133–70 B.C. // JRS. 1976. Vol. 66. P. 4; Stuart Jones H. A Roman Law Concerning Piracy // JRS. 1926. Vol. 16. P. 167; см. также: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

<sup>8</sup> Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 8; Абрамзон М.Г. Рим и Киликия: завоевание и романизация // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1. С. 295.

<sup>9</sup> Моммзен Т. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

водах было создано постоянное командование, из которого впоследствии выросла провинция Киликия<sup>10</sup>.

Уже в 100 г., едва преодолев затруднения на западе, римский сенат обратился с призывом ко всем восточным царям и «свободным» городам оказывать помощь римлянам в борьбе с морскими пиратами, препятствовавшими плаванию римских и италийских торговцев. Вслед за этим в 96 г., в ходе борьбы с пиратами римляне оккупировали часть берега Киликии, ранее считавшегося территорией государства Селевкидов<sup>11</sup>.

Известно, что Сулла предпринял ряд серьезных шагов для борьбы с пиратством. Ведя военные действия в Греции, он понимал, что отсутствие у него достаточно сильного военного флота может помешать ему закрепить достигнутые им уже успехи, и Сулла отправил одного из легатов – Л. Лициния Лукулла – в Египет, чтобы просить у царя Птолемея военные корабли. Пытаясь достичь Александрии, Лукулл потерял часть своих судов в стычке с пиратами (Plut. *Luc.* 2; App. *Mithr.* 26–27)<sup>12</sup>. Назначенным Суллой наместником в Азии он оставил поручение снарядить в приморских городах флот против пиратов. Но результаты были невелики. Известно, что Сулла оставил в Азии два легиона, набранных для войны с Митридатом Евпатором еще в 86 г. консулом Л. Валерием Флакком (Memn. 34.1), которые в источниках часто упоминаются как «фимбрианцы». Командование этими легионами Сулла поручил своему легату Л. Лицинию Мурене (Plut. *Luc.* 7)<sup>13</sup>. Официально же Мурена получил от Суллы в управление Киликию, ставшую с этого времени одним из 10 наместничеств, куда посылались проконсулы и пропреторы с полномочиями военного командования<sup>14</sup>.

---

<sup>10</sup> Ormerod H.A. Op. cit. P. 35.

<sup>11</sup> Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1999. Ч. 2. Т. 1. Древний мир. С. 24.

<sup>12</sup> Там же. С. 30.

<sup>13</sup> Мемнон ошибочно говорит о Мурене как о назначенном на этот пост сенатом (Memn. 36.1). См.: Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East (168 B.C. to 1 A.D.). Oklahoma, 1984. P. 149.

<sup>14</sup> Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // САН<sup>2</sup>. Cambr., 1994. P. 229; Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 297.

Видимо, план кампании против пиратов, предполагавший нападение на них со стороны моря и одновременно с севера на Тавр, разработал сам Сулла<sup>15</sup>. В 84 г. Лициний Мурена провел акцию против пиратов. Никаких сведений о ней, кроме самого факта ее проведения, к сожалению, не сохранилось. Действия Мурены не носили крупного масштаба и не привели к успеху (App. *Mithr.* 93; Cic. *Verr.* II.1.86, 89)<sup>16</sup>. Тем не менее, к противодействию пиратам Мурена привлек целый ряд греческих городов Малой Азии, получив от них корабли с экипажами (Cic. *Verr.* II.1.90)<sup>17</sup>. Возможно, в рамках этой акции Мурена захватывает крупнейший город во Фригии – Кибире, свергает там тиранию Моагета и конфискует значительные земли, принадлежавшие ранее Кибирам, в пользу ликийцев (Strabo. XIII.4.17). Видимо, к этому периоду относится надпись, в которой прославляются подвиги Мурены в борьбе с пиратами<sup>18</sup>.

Таким образом, видно, что Мурена нанес удары по пиратам одновременно с суши и моря, но даже эта комбинация не позволила ему добиться решающего успеха. Аппиан отзывается об этих событиях следующим образом: «Мурена попытался вступить с ними [пиратами] в борьбу, но не сделал ничего значительного» (*Mithr.* 93.) Безрезультатность данной антипиратской кампании может быть объяснена как возросшей мощью пиратов, так и не слишком большим желанием Мурены действительно искоренить их. Помимо того, что для римского полководца эта акция, видимо, была важна для того, чтобы поддержать о себе общественное мнение как о борце с пиратством, можно предположить, что Мурена получил от Суллы инструкцию ограничить пиратство, но не уничтожить его полностью<sup>19</sup>.

<sup>15</sup> Ср.: Ormerod H.A. Op. cit. P. 36.

<sup>16</sup> Ср.: Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 229; Т. Моммзен считал, что Мурена предпочел начать войну с Митридатом VI, нежели продолжать военные действия против пиратов (Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 41).

<sup>17</sup> Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. P. 154.

<sup>18</sup> Гуленков К.Л. Вторая Митридатова война и ее последствия // ШН. М., 2001. Вып. 1. С. 77.

<sup>19</sup> Там же. С. 76–78.

В последующие годы (83–82 гг.) в восточном Средиземноморье царило относительное спокойствие, нарушаемое лишь пиратскими набегами<sup>20</sup>.

В 80–79 гг. Киликия Трахея входила в состав владений проконсула Гн. Корнелия Долабеллы. Его первой задачей было изгнать пиратов из укрепленных пунктов в Памфилии. Долабелла предпринял ряд действий, подробных сведений о которых, увы, не сохранилось (*Cic. Verr. II.1.73*)<sup>21</sup>.

Проконсулу П. Сервилию Ватию (*Liv. Per. 90*; *Suet. Caes. 3*; *Sall. Hist. 1 fr. 56, 127*) вначале сопутствовал определенный успех. В 78 г. он начал жесточайшую борьбу с пиратами, причем существенно изменил стратегию своих действий по сравнению с предшественниками. Помимо флота, в его распоряжении было 4 (по другим данным – 5) легионов<sup>22</sup>. Сервилий прекрасно понимал, что ощутимых результатов можно достичь в том случае, если военные действия будут перенесены в логово самих пиратов, как можно ближе к их центральным базам. Именно поэтому он избрал своей целью прежде всего Восточное Средиземноморье. Переведя туда свой флот, Сервилий с исключительным упорством и рвением в течение трех лет – вплоть до 76 г. – пытался проводить свою программу. У Фронтинана мы находим описание одного из эпизодов борьбы Сервилия с пиратами: «П. Сервилий отвел реку, из которой брал воду город Исавра, и жаждой принудил неприятеля сдаться» (*Strat. III.7.1*). Он разгромил пиратские флот в нескольких морских сражениях, неоднократно высаживал десанты на побережье, штурмовал и захватил многочисленные укрепленные поселения и порты, крепости и города на принадлежащих пиратам землях в Исаврии, Киликии, Памфилии и Ликийи (*Flog. I.41.4, 5*; *Liv. Per. 93*). Вклад Сервилия в дело искоренения пиратства был римлянами оценен по

---

<sup>20</sup> Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 34.

<sup>21</sup> *Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. P. 154; idem. Rome, Pamphilia and Cilicia. P. 8.*

<sup>22</sup> *Ormerod H.A. Op. cit. P. 37; Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. P. 154.*

достоинству – проконсул получил триумф в Риме и почетное прозвище «Исаврийский».

Однако Сервилий Исаврийский не смог завершить начатого дела. Он не ликвидировал гнездо, но, скорее, разворошил пчелиный улей: активность пиратов после короткого перерыва резко возросла. Они вновь возвращаются в Западное Средиземноморье, опять проникают в Тирренское и Адриатическое моря и проводят ряд набегов на побережье самой Италии (Cic. *Pro lege Man.* XII.33; Dio Cass. XXXVI.5)<sup>23</sup>.

Ситуация вновь накалилась. Новым героем войны с пиратами должен был стать М. Антоний (сын М. Антония, проконсула 102 г.). В 74 г. сенат дал ему власть над всеми морскими берегами, находящимися под римским управлением. Его полномочия были определены сенатом как *imperium infinitum aequum*, поскольку полководец не был ограничен каким-то пространством (Vell. Pat. 31; Cic. *In Verr.* II.2.8; III.213)<sup>24</sup>. Однако действия Антония не оказались удачными: он не был обеспечен необходимым для поставленной обширной задачи количеством денег и судов, да и его самого более интересовало то, что он лично получит в результате этих действий, нежели то, что может выиграть Рим<sup>25</sup>. К тому же, М. Антоний настолько был уверен в победе, что «вез на кораблях больше оков для пленных, чем оружия» (Flor. I.42.2, 3). С определенным успехом велись действия в западном регионе, по побережьям Сицилии и Испании, но когда Антоний начал борьбу с критскими пиратами, то здесь его постигла неудача. Пятилетние действия против пиратов закончились безрезультатно, более того, флот М. Антония был разбит на

<sup>23</sup> См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 42; Semple E.C. *Pirate Coasts of the Mediterranean Sea* // *Geographical Review*. 1916. Vol. 2. P. 143; Хлезов А.А. Указ. соч. С. 325.

<sup>24</sup> Ср.: Boak A.E.R. *The Extraordinary Commands from 80 to 48 B.C.: A Study in the Origins of the Principate* // *The American Historical Review*. 1918. Vol. 24. No. 1. P. 8; Cary M. *The Lex Gabinia Once More* // *CR*. 1924. Vol. 38. No. 7/8. P. 163; Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East*. P. 157; Stuart Jones H. *Op. cit.* P. 160; Игнатенко А.В. *Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре*. Свердловск, 1988. С. 132–133.

<sup>25</sup> Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 66.

море критским флотом, что заставило римлянина заключить с Критом мирный договор (*App. Sic. VI.1*)<sup>26</sup>. Так ничего и не добившись, Антоний умер на Крите<sup>27</sup>, о чем сообщает Ливий (*Per. 97*): «Претор Марк Антоний вел без всякого успеха войну с критянами и в конце концов погиб».

В начавшейся войне Понтийского царства с Римом Митридат VI Евпатор активно привлекал пиратов на свою сторону, так как Рим был вынужден отвлекаться от военных действий с понтийским правителем, пытаясь решить пиратский вопрос (*App. Mithr. 92*)<sup>28</sup>. В результате, пиратские набеги приобретают качественно новый характер. Кроме того, в источниках есть сведения о том, что пираты выступали на стороне спартаковцев. Косвенно это подтверждает Ливий: «Претор Л. Метелл удачно сражается в Сицилии против пиратов» (*Per. 98*), а нам известно, что оставшееся войско Спартака, после того, как он вывел из «бруттийской ловушки» только треть своей армии, пыталось переправиться в Сицилию, а без помощи пиратов, естественно, оно не в состоянии было это сделать<sup>29</sup>.

В 68 г. проконсул Кв. Цецилий Метелл был отправлен на Крит с заданием ликвидировать это второе по значению после Киликии гнездо пиратов в Средиземном море. В 67 г. он завоевал города Кносс, Ликт, Кидонию и др. (*Flor. I.42.7.4; Oros. 6.3.5; Liv. Per. 98; Vell. Pat. II.33.1*).

В 67 г. по инициативе плебейского трибуна Габиния был принят новый закон, который регламентировал порядок решения проблемы пиратства. На пост главнокомандующего был избран на три года Гн. Помпей. Он был наделен экстраординарными полномочиями, что исходило от комиций и они были предоставлены по предложению плебейских трибунов (*Cic. Pro leg. Man. 34; Sall. Hist.*

<sup>26</sup> *Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249.*

<sup>27</sup> *Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 67.*

<sup>28</sup> См.: *Callander T. Inscriptions from Isauria // AJPh. 1927. Vol. 48. No. 3. P. 239; Мишулин А.В. Указ. соч. С. 69; Молев Е.А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976. С. 65.*

<sup>29</sup> См. также: *Мишулин А.В. Указ. соч. С. 120.*

fr. V.II.19; Liv. *Per.* 99; Plut. *Pomp.* 25; App. *Mithr.* 94; Strabo. XIV.3.3; Vell. Pat. II.31.2; Dio Cass. XXXVI.23; Flor. I.41.7; Eutr. VI.12)<sup>30</sup>.

О приготовлениях Помпея мы имеем достаточно четкое представление. Пожалуй, это единственная антипиратская кампания, наиболее полно отраженная в источниках. Согласно порядкам, утвержденным законом, Помпей получал неограниченную власть над всем побережьем Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива на западе и побережья Черного моря на востоке. Однако права полководца расширились за счет того, что эта власть распространялась и на прибрежные земли глубиной в четыре тысячи стадий (немногим менее 80 км) от береговой черты<sup>31</sup>. Всем царям и правителям, подчинявшимся римлянам или находившимся в союзе с ними, было отправлено указание всячески содействовать Помпею; ему самому было дано право самостоятельно выбирать себе подчиненных командиров, набирать войско и собирать необходимые для нужд его армии денежные средства. Рим выделял в качестве первоначальной суммы шесть тысяч аттических талантов серебра, достаточно солидные воинские контингенты и все наличные корабли. В результате у Помпея оказалось 500 вымпелов. Кроме того, в его распоряжение давалось 120 тысяч пехотинцев и около пяти тысяч всадников (App. *Mithr.* 94)<sup>32</sup>. Ему подчинялись, по сведениям Аппиана, 25 легатов (Плутарх приводит несколько другие цифры – 24 легата и 2 квестора), которых Помпей назначил руководить отдельными отрядами, задача каждого из которых была достаточно строго определена (App. *Mithr.* 94; Plut. *Pomp.* 26; Vell. Pat. II.32.4).

Учитывая уроки предшествовавшей борьбы с пиратами, стратегия была полностью пересмотрена. Помпей разделил всю акваторию Средиземного моря на секторы, в каждый из которых на-

---

<sup>30</sup> См.: Boak A.E.R. Op. cit. P. 11; Cary M. Op. cit. P. 164; Stuart Jones H. Op. cit. P. 169.

<sup>31</sup> Hickson-Hahn F. Pompey's "Supplicatio Duplicata": A Novel Form of Thanksgiving // Phoenix. 2000. Vol. 54. No. 3/4. P. 245; Игнатенко А.В. Указ. соч. С. 132.

<sup>32</sup> Хлевов А.А. Указ. соч. С. 326.

значался командующим один из легатов, получая звание претора с соответствующими полномочиями. За собой Помпей оставлял общее руководство и надзор за выполнением его приказаний и качеством несения службы в каждом из созданных им секторов<sup>33</sup>. Таким способом пресекалась возможность пиратов к стратегическому маневру: Средиземное море разбивалось на «клетки», бегство с каждой из которых приводило разбойников лишь в руки следующего римского командующего. Принцип повсеместного присутствия «полицейских» сил обеспечил полный контроль над морскими пространствами римскими военно-морскими силами.

Мы располагаем данными о 9 больших секторах Средиземного моря и нам известны имена 13 командующих (App. *Mithr.* 95; Flor. I.41.8–11). Остается не вполне ясным, как распорядился Помпей остальными легатами, находившимися в его подчинении. Высока вероятность того, что эти силы ему даже не потребовались, и он справился с задачей, используя почти половину наличных средств. Во всяком случае, в этом перечне учтены почти все территории Средиземноморского побережья, которые имели хоть какое-то отношение к Риму.

Если исходить из имеющихся данных, то получается, что эскадра каждого сектора состояла в среднем из 35 кораблей. Задача перед всеми командирами была поставлена предельно четко: охранять вверенный сектор, причем не пассивно, а максимально активно, зачищая побережье и острова; и самое главное, перехватывать противника если ему удастся бежать от соседа. Сам Помпей оставил в своем распоряжении эскадру из 60 лучших боевых кораблей с отборными экипажами и морской пехотой. Он собирался использовать этот резерв там, где возникнет необходимость быстро нарастить силы.

Районом собственного патрулирования Помпей определил Тирренское море – наиболее ответственный треугольник между Италией, Сардинией и Сицилией. Это имело и практическое, и

---

<sup>33</sup> *Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249.*

пропагандистское значение: Помпей был не только полководцем, но и честолюбивым политическим деятелем, и он прекрасно понимал, что первоочередной задачей является разблокирование торговых путей, по которым снабжалось хлебом население Италии и самого Рима<sup>34</sup>.

Разослав своих флотоводцев по назначенным местам, Помпей сам отправился в инспекционную поездку. Сначала он объехал Западное Средиземноморье, что заняло у него 40 дней. Эта поездка сопровождалась интенсивной боевой деятельностью подопечных флотоводца. Затем, после краткого визита в Рим, Помпей отправился на Восток, где также провел 40 дней. Таким образом, система слежения и ликвидации пиратов была налажена им менее чем за 3 месяца (App. *Mithr.* 96; Plut. *Pomp.* 25).

Скорость, с которой Помпей обустроил «новый порядок» на морях, повергла пиратов в панику. В результате они сняли осаду с нескольких городов, которые пытались в это время захватить, и в массе своей расползлись по контролируемым ими гаваням, под прикрытие портовых стен или скал. Фактически уже в ходе инспекционной поездки Помпея море оказалось очищено от пиратов (Oros. VI.4.1; Plut. *Pomp.* 26). Но и его командиры проявляли активную деятельность: они повсеместно устраивали морские облавы и захватывали пиратские корабли поодиночке или по несколько единиц. В местах концентрации разбойников римляне, пользуясь своими солидными и высококвалифицированными контингентами, обрушивались на их базы. Как пишет Аппиан, «Помпею удалось тотчас без сражения очистить море, а разбойников повсюду постепенно его полководцы захватили в плен» (*Mithr.* 95). В результате в течение нескольких недель пиратские форпосты в Центральном и Западном Средиземноморье были ликвидированы.

После этого Помпей отправился в Киликию. Его приготовления были весьма масштабны. Помимо пехоты и конницы, находившихся на кораблях, он заготовил десятки осадных машин и

---

<sup>34</sup> См.: Хлевов А.А. Указ. соч. С. 328–329.

множество приспособлений для организации штурма укреплений. Помпей не сомневался, что встретит ожесточенное сопротивление (App. *Mithr.* 96).

И действительно, наиболее непримиримые главари пиратов решили дать бой неподалеку от своей столицы – Коракесия. Однако в этом сражении, подробностей которого, увы, не сохранилось, пираты были наголову разбиты. Уцелевшие силы пиратов укрылись в горных крепостях. Устрашенные размахом приготовлений Помпея и, самое главное, невиданной прежде в римских командующих решимостью, пираты решили, что, сдаваясь на милость победителя и не отягощая своей вины дополнительным сопротивлением, они гораздо скорее встретят сочувствие у безжалостного римского полководца. Поэтому начался форменный парад капитуляций (App. *Mithr.* 96; Flor. I.41.13, 14)<sup>35</sup>.

Данные о количественном составе приобретенных Помпеем корабельных трофеев разнятся. Аппиан сообщает, что в ходе операций командиров Помпея на морях был захвачен 71 корабль. В Киликии же Помпей получил сданными без боя 306 кораблей (*Mithr.* 96). Плутарх приводит иные сведения. По его мнению, Помпей захватил 90 судов «с окованными носами» (*Pomp.* 28). Аппиан (*Mithr.* 96) приводит также сведения о якобы уничтоженных 900 недостроенных судах, равно как и о захваченных Помпеем 400 кораблях<sup>36</sup>. Так или иначе, трофеи впечатляют.

Что касается пиратов, то их судьба была решена следующим образом: Помпей провел своего рода отбор, в результате которого пострадали и были казнены лишь наиболее злостные зачинщики и вожди пиратского движения. Но подавляющее большинство этой публики примкнуло к пиратам отнюдь не по доброй воле. Люди, лишившиеся в силу различных обстоятельств средств к существованию и вынужденные промышлять морским разбоем, получили прощение. Их, по приказанию Помпея, расселили в городках Суровой Киликии, опустевших в результате войн с Митридатом – Ма-

<sup>35</sup> Semple E.C. Op. cit. P. 137.

<sup>36</sup> Хлезов А.А. Указ. соч. С. 330.

лее, Адале, Эпифании, Солах и ряде других. Некоторые из этих людей были отправлены на поселение в Ахайю, в Димы<sup>37</sup>.

Чуть позже у Помпея возник конфликт с Метеллом, поскольку тот считал, что «Помпей отнимает у него военную славу, послав на Крит своего легата для принятия сдавшихся городов» (*Liv. Per.* 99), причем Патеркул и Флор по-разному оценивают поведение Помпея<sup>38</sup>. Ситуацию удалось урегулировать, и год спустя (т.е. в 66 г.) «Квинт Метелл подчиняет римским законам» остров Крит (*Oros.* VI.4.2; *Liv. Per.* 100)<sup>39</sup>.

Казалось, пиратская проблема была, наконец, решена, и ситуация в Средиземноморском регионе нормализована. Однако в скором времени, когда прошел страх, внушенный «морским диктатором», пираты снова вооружили свои корабли и «открытое пиратство вновь распространилось на море» (*App. Mithr.* 96).

Таким образом, столкнувшись с незнакомой для себя проблемой, римляне первоначально пытались решить ее традиционными методами. И лишь убедившись в их полной неэффективности, внесли принципиальные изменения не только в свою стратегию, но и в принципы организации власти над подвластными территориями.

---

<sup>37</sup> Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 377.

<sup>38</sup> Патеркул обвиняет Помпея в излишнем стремлении к славе (II.33.2), Флор же объясняет его вмешательство стремлением спасти побежденных критян от жестокости Метелла (I.42.6).

<sup>39</sup> Моммзен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 100–101.

ОДИНЦОВ Д.С. (САРАТОВ)

## **ПРОБЛЕМА ЧИСЛЕННОСТИ ПОНТИЙСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ**

О численности армий Митридата Евпатора, которые участвовали в боевых действиях Первой Митридатовой войны, мы имеем довольно противоречивые данные источников. Но куда более важным является то обстоятельство, что при первом же взгляде эти сведения кажутся совершенно недостоверными. Численность армии Митридата, представленная традицией, поистине огромна, и ее зачастую очень трудно привести в соответствие с описанием военных событий, передвижений войск, битв, которые дают те же самые источники. Из-за неясностей, связанных с численностью войск Митридата, нам трудно судить вообще о противостоянии между Понтом и Римом. Невозможно и реконструировать некоторые сражения той поры без знания состава и количества войск. Но самое главное – без этих знаний мы ничего не можем сказать о мощи Понта, о тех людских ресурсах, которые позволили понтийскому царю четыре десятилетия вести борьбу с Римом.

Первое место по значимости среди источников принадлежит сведениям, сообщаемым Аппианом и Плутархом. Представленные ими числа зачастую принимаются современными исследователями безо всякой критики, хотя эти сведения являются, по-видимому, ошибочными. Указанные античные историки иногда дают повод усомниться в справедливости их собственных слов и, тем самым, построить на их сообщениях совершенно иные предположения. Поэтому некоторые исследователи склонны подвергать данные античных писателей уничижительной критике. Таким образом, есть смысл еще раз рассмотреть, какие данные у нас имеются о численности понтийских войск и насколько они достоверны.

Прежде всего, следует обратить внимание на данные Мемнона, который в общем и целом считается авторитетным информато-

ром по интересующему нас периоду. Источниками для его труда послужили историки Митридатовых войн, о которых упоминает Страбон (XII.7.4). Их пропонтийская ориентация и точные знания очевидны<sup>1</sup>. Опираясь на их сведения, Мемнон считает, что у Митридата находилось в распоряжении 190 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы (XXXI.1).

В свою очередь Аппиан оценивает общую численность армии в 250 тысяч человек (*Mithr.* 17); ее отдельные подразделения находились под командованием родственников и приближенных царя.

Остальные авторы приводят данные о численности армии Митридата только при описании конкретных событий, не указывая ее общей численности. Плутарх подробно рассказывает лишь о событиях кампании в Греции, поэтому итоговую цифру он не называет, зато мы можем сделать некоторые расчеты на основании его описания битвы при Херонее – ведь там собралась бóльшая часть понтийской армии. Численность ее обозначена в 120 тысяч копий (*Sulla.* 22). Веллей Патеркул также не называет точное число воинов, лишь сообщает, что до осады Суллой Афин и Пирея у Архелая было на марше 200 тысяч воинов (II.23.3). Флор в своем произведении говорит о численности понтийской армии лишь в самых общих чертах: «Митридат с большим войском и силами своего царства...» (I.40.14). Подобные же характеристики содержатся у Саллюстия («огромная армия Митридата» – *Hist.* II.47.7) и Юстина («Пусть только воины смело идут за ним, пусть они сообразят, каких успехов может добиться столь многочисленное войско под предводительством его, Митридата...» – XXXVIII.7.9). В другом месте Юстин говорит, что это воинство было не меньше чем в 100 тысяч человек в общей сложности, как в свое время при столкновении с Ариаратом VII (XXXVIII.1.8). Евтропий, как и многие другие определяет размер посланных в Грецию сил в 120 тысяч

---

<sup>1</sup> Гуленков К.Л. Дарданский мир: об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 58.

(V.6.1), однако после военных потерь в ходе операций Митридат послал стратегу еще 70 тысяч (Eutrop. V.6.3; Oros. VI.2.4; 6). Из этого видно, что существовал резервный корпус войск, и слова Евтропия приближают нас к той цифре, которую предложил Аппиан. 80-тысячное подкрепление во главе с Дорилаем упоминает и Плутарх в биографии Суллы (*Sulla*. 20). Такую же цифру называет Аппиан (*Mithr.* 49). Граний Лициниан конкретизирует: это были 65 тысяч пеших и 15 тысяч конников, прибывших к остатку корпуса Архелая, численность которого после поражения при Херонее составляла около 10 тысяч человек (XXXV.24–25).

Принимая во внимание, что Аппиан (*Mithr.* 41; 45), Плутарх (*Sulla*. 15; 22), Евтропий (V.6.3) и Орозий (VI.2.4–6), описывая битву при Херонее, говорят о войске в 120 тысяч, мы, таким образом, с учетом потерь при Афинах и Пирее получаем армию в 190 – 200 тысяч или даже больше, что достаточно близко к тем данным, что сообщает Мемнон. Число Аппиана и прочих историков кажется преувеличенным, но и приводимым ими сообщениям есть вполне логичное объяснение. Как известно, в Азии Митридат вел борьбу с Флакком и Фимбрией, которые переправились в захваченную им римскую провинцию. Мобилизовать новую армию царь не успел бы в силу нехватки времени, однако отпор, который римляне встретили на Востоке, показывает, что для борьбы с римской консульской армией в понтийском стане были использованы какие-то резервы.

Попытаемся взглянуть на проблему с другой стороны, исходя из косвенных данных. В 41 главе «Митридатики» Аппиан упоминает, что войско Суллы было меньше, чем находящаяся в Греции армия Архелая, более чем в три раза. Но у Суллы вряд ли было меньше 15 тысяч легионеров (App. *Mithr.* 30. Plut. *Sulla*. 16). Таким образом, налицо явное несовпадение того, что Аппиан говорит прямо, и того, что следует из его произвольного упоминания.

Некоторый свет на интересующий нас вопрос могут пролить и сражения Митридата и его полководцев против Никомеда и Мания Аквиллия. Самым значительное среди них разыгралось на реке Амнейон. Как сообщает Аппиан, в рядах воинства Никомеда IV насчитывалось 50 тысяч пехоты и 6 тысяч всадников (*Mithr.* 17). При этом он добавляет, что трое митридатовых командующих отправили небольшой отряд для захвата утеса, создавая тем самым тактическое преимущество в предстоящей битве, которую открыли вифинцы, «намного превосходившее их численностью» (*ibid.* 18). Отметим, что, говоря о той битве, Мемнон определяет численность войска Евпатора так: «Митридат передал стратегу Архелая 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы, приказав ему предпринять поход против вифинов» (XXXI.1). Таким образом, разница в численности армий составляет примерно 6 тысяч бойцов, что вряд ли можно определить как подавляющее превосходство.

Как мы точно знаем, решающую атаку в битве провели серпоносные колесницы, которые направил Архелай. А.К. Нефёдкин отмечает, что колесницы впервые появились у Митридата в кампании, направленной против его племянника Ариарата, царя Каппадокии в 101/100 г. до н.э. Численность этого эффективного рода войск составляла, если верить традиции, 600 единиц (*Just.* XXXVIII.1.8); однако, по мнению исследователя, эта цифра весьма преувеличена<sup>2</sup>. При всем при том, что войска Никомеда, видимо, и в самом деле были многочисленнее войск Архелая. Первоначально вифинам удалось опрокинуть большую часть понтийской армии, но они ничего не смогли противопоставить стремительной атаке боевых колесниц<sup>3</sup>. Сплоченное действие понтийских войск и

---

<sup>2</sup> Нефёдкин А.К. Происхождение и история серпоносных колесниц // [http://www.xlegio.ru/armies/nefedkin/scythed\\_chariots.htm](http://www.xlegio.ru/armies/nefedkin/scythed_chariots.htm) (сама статья была опубликована в журнале *Para bellum*. М., 2000. № 9).

<sup>3</sup> Гуленков К.Л. «Особые подразделения» в армии Митридата VI // МННМА. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 238.

тактически правильное применение квадриг позволило Архелаю «полностью уничтожить силы Никомеда Вифинского» (Strabo. XII.3.40). Эта битва показала, что даже с относительно небольшими силами понтийцы могли разбить опаснейшего врага.

Обратимся теперь к тем сообщениям о потерях в армиях, которые есть в наших источниках. Плутарх указывает, что в битве при Херонее у Суллы погибло 12 человек, а Архелай потерял свыше 100 тысяч (*Sulla*. 19). Ему вторят и остальные античные авторы (App. *Mithr.* 45; Eutrop. V.6.3; Liv. *Per.* 82; Vell. II.23.3; Oros. V.2.5). Приведенная цифра (видимо, имеющая источником мемуары Суллы) кажется совершенно невероятной.

Согласно Евтропию и Орозию, Архелай отправился в Элладу со 120-тысячным войском (Eutrop. V.6.1–3; Oros. VI.2.4). Согласно Аппиану, Митридат «Архелая... послал в Элладу, поручив ему любыми средствами или добиться дружественных отношений с ней или принудить ее к этому силой. Сам же он с этого времени, поручив большую часть походов своим военачальникам, занимался набором войск, их вооружением» (*Mithr.* 27). В Греции действовали две армии: северная и южная. Ко времени сражения при Херонее Архелай получил в качестве подкрепления войска Дромихета, которые, видимо, состояли из бастранов<sup>4</sup>. Кроме того, часть его войск составляли войска Аркафия, сына Митридата (*ibid.* 41), который после каких-то успешных действий против римлян скончался близ Тисеи (*ibid.* 35).

По сведениям Аппиана, численность армии, предоставленной Малой Арменией, где правил Аркафий, составляла 10 тысяч всадников (*ibid.* 17). Но, согласно Плутарху, Ариарат-Аркафий действовал во Фракии и Македонии с большим войском. После его смерти командование, по всей вероятности, перешло к Таксилу (Plut. *Sulla.* 15; App. *Mithr.* 35). Мы знаем, что войско у Таксила состояло из 110 тысяч пехоты, 10 тысяч всадников и несколько

---

<sup>4</sup> Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 59.

десятков серпоносных колесниц. А.Н. Шервин-Уайт принимает, что Аркафий действовал вместе с Таксилем против легиона Сентия, а Македония находилась во власти сатрапов Митридата. Вторжение северной армии понтийцев было неожиданным, поэтому слабые войска римлян попятнулись в Центральную Грецию, куда переправился Архелай. Здесь Бретий Сура, хотя появление еще одной варварской армии было неприятным сюрпризом, смог под Херонеей задержать полководца Митридата. Тем временем Аркафий с Таксилем продвигались дальше, взяв Тисею и наладив коммуникацию с Архелаем, который уже оказался запертым в Пирее<sup>5</sup>.

В общем, если доверять словам Плутарха, то Архелай, у которого после объединения с войсками Таксила, вновь оказалось всего лишь 120 тысяч человек, потерял под Афинами и Пиреем почти всю свою армию<sup>6</sup>. Это, конечно, могло бы вполне объяснить, почему в битве при Херонее Таксил стал ведущим военачальником (Paus. I.20.4) – но само предположение о таких потерях находится за гранью вероятности. Единственные сведения о потерях понтийцев при осаде Афин – это упоминания Аппиана о двух боевых эпизодах, в которых они потеряли суммарно 3,5 тысячи человек (*Mithr.* 32; 34) – цифра вполне реальная.

До боевых действий под Херонеей Архелай участвовал с небольшим отрядом в набеге на Сипил (видимо, имеется ввиду Магнесия на реке Сипиле). Этот город, один из немногих городов, оставшихся на стороне римлян, оказался на осадном положении (*Liv. Epit.* 81), однако в конечном счете предприятие едва не стоило стратегу Евпатора жизни, да и многие варвары из его войска были

---

<sup>5</sup> *Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. 168 B. C. to A. D. I. L., 1984. P. 134–135.*

<sup>6</sup> Потери Митридата (или, что то же самое, успехи Суллы) достигают невероятных размеров у Веллея Патеркула, согласно которому, «после огромных усилий вблизи многочисленных укреплений порта Пирея» Сулла убил 200 тысяч врагов и не меньше взял в плен (II.23.3).

убиты (Paus. I.20.6). Если Архелай не смог справиться с Магнесией на Сипиле, пусть даже действовал он с небольшим отрядом, то покорить целую страну ему не удалось бы никогда. Все это, как будто, тоже косвенно свидетельствует о том, что силы Архелая были гораздо меньше, чем приписывает ему традиция.

В битве при Херонее, по словам Аппиана, Плутарха и Орозия, погибло 110 тысяч варваров (App. *Mithr.* 45; 49; 54; 59; 174; Plut. *Sulla.* 19; 22; Oros. VI.2.5)<sup>7</sup>. Приблизительно о такой же цифре погибших сообщает Тит Ливий – 100 тысяч (*Epit.* 82). Однако существуют два пассажа, которые могут пролить иной свет на вопрос о численности понтийских сил в битве при Херонее.

По свидетельству Мемнона, после того, как Таксил захватил Амфиополь ему подчинилась вся Македония, а вскоре он соединился с Архелаем. «Соединив войска, он (Таксил – *Д.О.*) и Архелай имели войско в количестве более 60 тысяч человек» (Мемн. XXXII.3). Как видим, эти данные сильно расходятся с данными всех остальных авторов. Мемнон практически ничего не рассказывает о Херонейской битве, тем не менее в его рассказе присутствует такое упоминание: «Когда войны Архелая неорганизованно отправились на сбор продовольствия, Сулла неожиданно атакует вражеский лагерь. Наиболее сильных из захваченных он тотчас убивает, а тех, со стороны которых он не боялся нападения, ставит вокруг этого места и приказывает зажечь огни, чтобы у возвращающихся с фуражировки не было никакого сомнения относительно совершившегося» (*ibid.*). В принципе, о тех же самых событиях мы читаем и у Плутарха: «Враги, которые и без того не слишком послушны своим многочисленным начальникам, из презрения к римлянам перестали соблюдать какой бы то ни было порядок. Лишь небольшая часть их оставалась в лагере, а все остальные в поисках добычи разбрелись на расстояние многих дней пути от

---

<sup>7</sup> Евтропий вообще утверждает, что после битвы из понтийской армии остались в живых только десять солдат из 120 тысяч войска (V.6.3).

лагеря» (*Sulla*. 16). Итак, в поисках добычи по окрестностям Херонеи бродит едва ли не вся армия, что плохо вяжется с ее огромной численностью.

Теперь обратимся к данным Страбона. «В этой же местности (близ Херонеи – *Д.О.*) и римляне наголову разбили силы Митридата, много десятков тысяч числом, так что только немногим удалось спастись к морю и бежать на своих кораблях, тогда как остальные либо погибли, либо были взяты в плен» (IX.2.37). Таким образом, конкретных сведений он не сообщает, скрывая число погибших под словами «много» и «множество». Возможно, что это происходит из-за разнобоя в источниках, который не позволил ему выбрать достоверную цифру.

Что касается современных исследователей, то здесь царит такой же разнобой, как и в античной традиции. Одни авторы принимают данные источников<sup>8</sup>, другие подвергают их критике<sup>9</sup>.

Так, Е.А. Молев принимает на веру данные Мемнона. «Основные его (Митридата – *Д.О.*) силы численностью около 150 тысяч человек, располагались в долине Амасии, первой столицы Понта. Ими командовал сам царь. Авангард армии Митридата, под командованием стратега Архелая, располагался у границ Вифинии,

---

<sup>8</sup> Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 59–61; *его же*. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 59–78; *его же*. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // ААе. Казань; Н.Новгород; Саратов, 2005. № 1. С. 205–209; Ломоури Н. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 98; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 192–205; Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 387; Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 207; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Prenceton, 1950. Vol. 1. P. 210, 221; Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 89–90; McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Lieden, 1986. P. 85.

<sup>9</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства. М., 1939. Т. 1. С. 352–354; Короленков А.В., Габелко О.Л., Смыков Е.В. Комментарий к переводу Орозия «История против язычников» // ААе. Казань; Н.Новгород; Саратов, 2005. № 1. С. 224; Kromayer J. Antike Schlachtfelder in Griechenland. Berlin, 1907; Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 228.

напротив лагеря Никомеда IV. Он состоял из 40 тысяч легковооруженных воинов и 10 тысяч союзной армянской конницы, которую привел из Малой Армении ее наместник, сын Митридата Аркафий»<sup>10</sup>. Рассказывая про битву при Херонее, Е.А. Молев вновь опирается на мнение Мемнона: «численность понтийской армии составила около 60 тысяч человек. Из них 10 тысяч составляли всадники»<sup>11</sup>. С.Ю. Сапрыкин приводит сведения и Мемнона и Аппиана, но, говоря об общей численности, исследователь подвергает сомнению данные Аппиана, называя их явно завышенными<sup>12</sup>. Б. Макгинг принимает обе цифры<sup>13</sup>. О.Л. Габелко, приводя оба варианта численности, отмечает, что какова бы она ни была, она была не меньше численности вифино-римской армии, а качественно явно превосходила ее<sup>14</sup>. Д. Маги соглашается с данными Аппиана относительно общей численности армии Митридата, но когда он доводит исследование до битвы при Херонее, то принимает указания Мемнона. Однако, с его точки зрения, армия понтийцев, безусловно, была огромной<sup>15</sup>. Л. Баллестерос Пастор отмечает две независимые друг от друга традиции, одна из которых представлена Мемноном, а другая восходит к римскому источнику. Они совершенно разные, и может показаться, что речь при этом идет о номинальной теоретической силе, о совокупности возможностей царства<sup>16</sup>. Возможно также, что численность была преувеличена в рассказе, который дошел до нас<sup>17</sup>.

---

<sup>10</sup> Молев Е.А. Властитель Понта. С. 64.

<sup>11</sup> Там же. С. 73.

<sup>12</sup> Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 200.

<sup>13</sup> McGing B.C. Op. cit. P. 85.

<sup>14</sup> Габелко О.Л. Указ. соч. С. 387.

<sup>15</sup> Magie D. Op. cit. P. 210; 221.

<sup>16</sup> Ballesteros Pastor L. Op. cit. P. 89–90.

<sup>17</sup> Так, по мнению Н. Ломоури, «...сухопутные силы понтийского царя почти вдвое превышали силы римлян. Правда, возможно Аппиан несколько преувеличивает цифры, в особенности количество войск Митридата» (Ломоури Н. Указ. соч. С. 98).

Определить размер армии попытался в свое время Т. Моммзен: «Рассказывают, что армия Митридата, не считая армянских войск, состояла из 250 тысяч пехотинцев и 40 тысяч всадников, а флот – из 300 понтийских кораблей с палубой и 100 открытых кораблей. Эти цифры представляются не слишком преувеличенными, если принять во внимание, что Митридат мог набирать свою армию среди бесчисленных обитателей степей»<sup>18</sup>. Действительно, Митридат постоянно слал подкрепления (App. *Mithr.* 41), помимо Дромихета и его воинов, а затем и Дорилая.

Однако тем мнениям, которые в той или иной степени принимают достоверность источника, существует оппозиция в лице Г. Дельбрюка. Он считает, что римляне, вероятно, «не только качественно, но и количественно имели перевес. Само собой разумеется, что Митридат был настолько умен, чтобы не выводить на поле массы, которые требовали питания и ничего не могли дать взамен. Содержать же способных наемников много лет на военном положении слишком дорого. Громадная армия существовала лишь в фантазии наших источников, в действительности же она представляла собой небольшое войско, не решавшееся до прибытия подкрепления напасть на Рим»<sup>19</sup>.

Действительно, цифровые расчеты говорят сами за себя. Плата каждого гоплита составляла от 4 оболлов до 1 драхмы, таким образом, на жалование армии Дорилая уходило ежедневно от 9 до 13 талантов серебра. Получается, что, например, дань, получаемая Понтом от Боспора, легко могла быть истрачена за 20 дней<sup>20</sup>. Состояние Митридата оценивается в 45 тысяч талантов<sup>21</sup>. Если принять численность войск, о которой сообщают наши авторы, то получается, что Митридат должен был выплачивать ежедневно 3,5–

<sup>18</sup> Моммзен Т. Указ. соч. С. 207.

<sup>19</sup> Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 353.

<sup>20</sup> Молев Е.А. Митридат Евпатор. С. 60.

<sup>21</sup> Гуленков К.Л. Состояние Митридата VI Евпатора // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 166.

4 таланта из расчета 1 драхма на воина, и все его состояние оказалось бы потраченным примерно за четыре года.

Есть еще некоторые основания для недоверия тем цифрам, о которых идет речь. «...Все эти цифры несметных полчищ варваров не стоит принимать всерьез, поскольку они восходит к мемуарам Суллы, естественно, стремившегося преувеличить силы врага и тем приукрасить свою победу. Кстати, число в 110 тысяч убитых персов называется Плутархом в конце рассказа о битве при Иссе (*Alex.* 20), что говорит о ее «нормативности»<sup>22</sup>. Так же считает и Г. Дельбрюк, сравнивая данные Плутарха: в биографиях Суллы и Мария сведения о численности варваров схожи, да и поведение понтийцев напоминает поведение тевтонов и кимвров<sup>23</sup>, из чего мы можем заключить, что это не более, чем образ варваров.

Какова же была реальная численность армии Митридата? Й Кромайер, полагая, что армия Суллы насчитывала 14 – 20 тысяч человек, и ссылаясь на сообщение Аппиана о том, что понтийцев было втрое больше (*Mithr.* 41), определяет численность армии Архелая в Греции в 48 – 60 тысяч воинов, однако и ее считает преувеличенной. В итоге исследователь останавливается на числе не более 40 тысяч, приплюсовывая еще небольшие резервы Дромихета и Дорилая, а также отряд азиатских войск во главе с Митридатом, который впоследствии будет бороться с Фимбрией<sup>24</sup>.

Итак, мы имеем две противоположные оценки – одну явно завышенную и вторую, скорее всего, несколько заниженную. Какова же все-таки была численность армий Митридата? Действительно, сообщаемая источниками численность войск невозможна, если считать, что это армия одновременно ведет боевые действия. Однако отрицать ее действительно большую численность было бы гиперкритикой. Для того, чтобы прокормить большую армию, у государства было несколько вариантов. Во-

---

<sup>22</sup> Короленков А.В., Габелко О.Л., Смыков Е.В. Указ. соч. С. 224.

<sup>23</sup> Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 353.

<sup>24</sup> Kromayer J. Antike Schlachtfelder in Griechenland. В., 1907. S. 395–396.

первых, ее можно было содержать за счет государственного бюджета или путем закупки продовольствия у полисов митрида-товой державы. Может быть, именно вследствие этого понтийская монета распространилась по всему Причерноморью<sup>25</sup>. Во-вторых, армию можно было снабжать по принципу военных поселений, на царских землях или с захватом земли у врага. Так, нам известно, что Митридат, победив хиосцев, разделил их землю среди понтийцев (Метн. XXXIII.1). Наконец, в-третьих, – разместить гарнизон в городе, где войска останавливались на постой, и армию обеспечивали жители. Так поступил, например, Сулла после победы над Митридатом: «Азию же Сулла покарал общим штрафом в двадцать тысяч талантов, а кроме того, наглым вымогательством размещенных на постой солдат разорил чуть не каждый частный дом. Было указано, что домохозяин обязан ежедневно выдавать своему постояльцу по четыре тетрадрахмы и кормить обедом его самого и его друзей, сколько бы тому ни вздумалось привести, а центурион получал пятьдесят драхм в день и одежду – отдельно для дома и для улицы». (Plut. *Sulla*. 25). Если учесть, что армия понтийского монарха была в основном наемная<sup>26</sup>, то Митридат, скорее всего, выбрал именно умеренную третью позицию. Конечно, города, в которых размещались гарнизоны, воспринимали это как наказание, но первоначально, когда понтийский монарх, заигрывая с эллинами, использовал в своей пропаганде имя Александра Великого, он милостиво относился к побежденным врагам и одаривал пленных. Только после неудачи своей предшествующей политики, когда Митридату пришлось перейти к использованию мер, адресованных социальным низам (передел земли, кассация долгов)<sup>27</sup>,

---

<sup>25</sup> Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 227.

<sup>26</sup> Ломоури Н. Указ. соч. С. 75. В подтверждение этого факта свидетельствует рассказ Страбона (VII.4.8), о выплате дани Понту от Боспора хлебом и серебром. Ни о каких рекрутских пересылках речь не идет.

<sup>27</sup> Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 1997. С. 92–93.

размещение гарнизонов стало возможным в более или менее широких масштабах.

Азия приняла Митридата без особого восторга; мы знаем, что ему сопротивлялась Магнесия на Сипиле, ликийцы, Табы, Стратоникея, Иония, Ликия, Памфилия, Лаодикея на Лике. На море упорное сопротивление оказал Родос, Эвбея, Делос; трудности возникли у царя с Хиосом. Как видим, Азия потребовала достаточно серьезных военных усилий<sup>28</sup>. Позицию городов Азии и Греции во время войны лучше всего отображают слова Ливия: «всеобщий страх по городам и островам: некоторые передаются на сторону Митридата, некоторые на сторону римского народа» (*Epit.* 78). Во всяком случае, Мемнон в общем виде сообщает, что одни города Азии сами перешли на сторону царя (προσεχώρου τῷ βασιλεῖ), а другие он захватил (ἠλίσκοιτο – XXXI.3)<sup>29</sup>.

С.Ю. Сапрыкин считает, что «каждая крепость имела гарнизон царских войск из местных этнических групп и на царских землях Понтийской Каппадокии»<sup>30</sup>. Полагаясь на старейший, но все же очень авторитетный труд М.И. Максимовой, мы можем считать, что «греческие города при Митридате не имели собственных вооруженных сил, ни сухопутных, ни морских, хотя отдельные граждане, конечно, могли служить в царских войсках, где они растворялись в массе набранных со всех областей Греции наемников»<sup>31</sup>.

В тексте «Митридатики» мы находим несколько упоминаний о гарнизоне (τὸ φρούριον, τὰ τεῖχη, τὰ χωρία, ἡ κατοικία). Митридат поставил гарнизон в Стратоникее и наложил на нее большой

---

<sup>28</sup> Смыков Е.В. Митридат и эллины (к вопросу о позиции греческих полисов во время Первой Митридатовой войны) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средневековье. Материалы X международной научной конференции (29.05–3.06.2001). Ростов-на-Дону, 2002. С. 110.

<sup>29</sup> Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. С. 94.

<sup>30</sup> Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 230; McGing B. C. Op. cit. P. 85.

<sup>31</sup> Максимова М.И. Указ. соч. С. 186.

штраф (21), там же указание на то, что Митридат поставил над всеми захваченными племенами сатрапов, которые, естественно, располагали некоей армией. Далее Аппиан пишет: «Митридат считал, что ни один из них (из Сатрапов – *Д.О.*) не сохранит ему верности, если приблизится Сулла. Он забрал себе все их имущество, ввел в города гарнизоны и поставил над этим племенем в качестве сатрапа Эвмаха. Но оставшиеся в живых тетрархи, собрав войско из сельских местностей, тотчас же изгнали его из Галатии вместе с гарнизонами. Таким образом, Митридату удалось получить от галатов одни только деньги» (46). И, наконец, согласно Дарданскому миру, царь должен был вывести гарнизоны из всех укреплений, до этого захваченных им самим или его полководцами (55). Известно, что с уничтожения понтийского гарнизона начался мятеж в Эфесе: «И когда он (Митридат – *Д.О.*) убил, таким образом, тысячу шестьсот человек, эфесцы, устрашенные этим, изгнали его гарнизон и закрыли перед царем ворота. Так же поступили жители Смирны, Сард, Колофона и Тралл» (*Oros. VI.2.8*). Размещались гарнизоны и в Греции: мы знаем, что Сулла освободил от гарнизонов Архелая Эвбею и Беотию (*Flor. I.40.11*).

Опираясь на текст «Митридаттики», можно предположить, что войскам понтийского владыки пришлось приложить усилия, чтобы захватить Вифинию, Каппадокию, Фригию, Памфилию и все государства вплоть до Ионии (17–20); скорее всего, для того чтобы удержать эти территории, понадобились значительные силы гарнизонных войск. Данные о военном захвате азиатских стран присутствуют и у других древних авторов (*Plut. Sulla. 11*; *Memn. XXXI.3*; *Eutrop. V.1–2*; *Oros. VI.2.1–2*). Безусловно, гарнизоны находились в Пергаме (поскольку Митридат сделал его своей резиденцией), Эфесе, Смирне, Сардах, Колофоне, Траллах (*Oros.*

VI.2.8), Митилене, Адрамиттии и Кавне (App. *Mithr.* 23), а также на Коце (ibid; Tac. *Ann.* IV.14)<sup>32</sup>.

В Греции, очевидно, также находились и войска и гарнизоны понтийского царя. Источники сообщают, что к Архелаю присоединились: Делос (App. *Mithr.* 28; Flor. I.40.8; Strabo. X.5.4; Paus. III.23.3), ахейцы и жители Лаконии, вся Беотия, Эвбея, Деметриада и Магнесия, Скиаф, Пирей и Афины, Фивы, Халкида, Фокида (App. *Mithr.* 28–41), какая-то часть Македонии (ibid. 35). Согласно рассказу Плутарха, можно добавить, что были заняты все Киклады, Фракия, острова по ту сторону мыса Малей, племена до границ Фессалии, Беотия, укрепления между Аконтием и Геделием (*Sulla.* 11–17). Мемнон добавляет к этому списку Эретрию, лакедемонян и Амфиополь (XXXII.1–2). Для того, чтобы контролировать эти центры, разбросанные по всей Греции, скорее всего, также использовались гарнизоны.

Итак, было бы неправильно говорить о силах Митридата, исходя только из численности вступавших в сражение армий. С учетом системы гарнизонов можно несколько повысить те числа, что были предложены исследователями критического направления, и поместить в пределах 70 – 80 тысяч человек, что позволяет назвать армию весьма значительной, и чью численность еще «приумножил» Сулла в своих воспоминаниях, а вслед за ним – и другие античные авторы.

---

<sup>32</sup> Гуленков К.Л. «Эфесская вечерня» // ШН. М., 2002. № 2. С. 110; Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. С. 49.

БУГАЕВА Н.В. (МОСКВА)

***DE TEMPORIBUS SUIIS*:  
УТРАЧЕННАЯ ПОЭМА ЦИЦЕРОНА**

Публикация этой статьи обусловлена интересом автора к античной традиции о заговоре Катилины, в частности, к недошедшим трудам Цицерона; и именно в данном аспекте мы рассматриваем здесь поэму *De temporibus suis*. Так как отечественные исследователи почти не уделили ей внимания, а большинство зарубежных работ недоступно<sup>1</sup>, мы надеемся, что сделанные наблюдения окажутся небесполезными.

Из российских ученых XIX–нач. XX в. к утраченному стихотворному наследию Цицерона обращались только В.И. Модестов и Д.И. Нагуевский<sup>2</sup>, которые были стеснены рамками общего курса по истории римской литературы со значительным уклоном в сторону классической филологии<sup>3</sup>. Автор единственной отечественной монографии, посвященной заговору Катилины, Г.М. Лившиц приводит информацию о несохранившихся трудах Цицерона – потенциальных источниках сведений о событиях 63–62 гг.<sup>4</sup> – даже не упоминая поэму<sup>5</sup>. Диссертация П.Б. Гурвича<sup>6</sup> в интересующей части опубликована не была. Диссертант рассматривал *De temporibus suis* на двух (sic!) машинописных страницах, и в настоящее время методика его работы с письменными источниками неприемлема. Поэтому, на наш взгляд, следует еще раз обратиться к недошедше-

---

<sup>1</sup> Ссылки на труды европейских филологов XIX в. см. *Нагуевский Д.И.* История римской литературы. Казань, 1911. С. 431 и *Модестов В.И.* Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. С. 265.

<sup>2</sup> *Модестов В.И.* Указ. соч. С. 251–253, 261–265; *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 303–306, 387, 420–431.

<sup>3</sup> См. анализ юношеских и переводных поэм Цицерона: *Модестов В.И.* Указ. соч. С. 263–264; *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 425–427.

<sup>4</sup> Здесь и далее все даты до н.э.

<sup>5</sup> *Лившиц Г.М.* Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск, 1960. С. 9–11.

<sup>6</sup> *Гурвич П.Б.* Античное повествование о заговоре Катилины. М., 1946.

му труду Цицерона. В послереволюционной историографии принято переводить заглавие поэмы как «О своем (моем) времени»<sup>7</sup>. Мы надеемся показать, что предпочтительнее другой вариант интерпретации; и, пока доказательства не приведены, будем употреблять латинское название.

Переписка Цицерона показывает, что в 50-ых гг. он работал над несколькими поэмами. Поскольку комментарии В.О. Горенштейна к единственному русскому переводу писем великого оратора не совсем точны, определим, в каких именно случаях Цицерон говорил о работе *De temporibus suis*. В июне 54 г. М.Туллий желает добиться благосклонности Цезаря, воюющего в Британии. Он пишет брату Квинту, легату последнего, о стремлении наверстать упущенное: «Так [и] я, из-за того, что столь долго проспал в изъявлении должной почтительности к тому человеку (Цезарю – Н. Б.) <...> исправляю [свою] медлительность бегом как коней, так даже – поскольку ты пишешь, что наша поэма им одобряется (*quoniam scribis poeta ab eo nostrum probari*) – поэтических квадриг. Только дайте мне Британию, чтобы я описал ее твоими красками, моей кистью» (*Q. fr.* II.13.2). Слова Цицерона можно понимать двояко. Либо Цезарь уже прочел некую поэму<sup>8</sup> и одобрил ее, из-за чего Отец Отечества решил взяться за новую тематику; либо Г. Юлий предварительно одобрил замысел поэмы о себе, и тогда имеется в виду лишь одно сочинение. В связи с этим большую важность приобретает сентябрьское письмо брату: «Все мои книги, которые ты ждешь, я начал, но за эти дни не могу завершить <...>. Поэму, [обращенную] к Цезарю, к которой приступил, я оборвал (*poeta ad Caesarem, quod institueram, incidi*)» (*ibid.* III.1.11). И почти в самом конце: «Я думаю включить во вторую книгу [поэмы] *De temporibus suis* дивную интермедию (*mirificum ἐμβόλιον cogito in secundum librum*

<sup>7</sup> Ковалев С.И. Марк Туллий Цицерон // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М., 1994. Т. 1. С. 392. Горенштейн В.О. Примечания // Письма... Т. 1. С. 481. Прим. 1 к письму СXXXII. Авторы XIX–нач. XX в. предпочитали название поэмы не переводить. См. Нагуевский Д.И. Указ. соч. С. 428. Ср. Модестов В.И. Указ. соч. С. 265.

<sup>8</sup> Горенштейн В.О. Указ. соч. С. 489. Прим. 4 к письму СXXXVIII.

*teorum temporum includere*) – [пророчество] Аполлона, говорящего в совете богов, каким будет возвращение двух императоров, из которых один погубит войско, другой продаст» (*ibid.* III.1.24). Подразумевались заклые враги – консулы 58 г. Л. Кальпурний Пизон и А. Габиний. В.О. Горенштейн полагает, что в обоих случаях речь идет исключительно о *De temporibus suis*<sup>9</sup>.

Можно допустить, что мысли Цицерона вернулись назад, однако зачем вставлять в восхваляющую Цезаря поэму резкий выпад против личных противников? Чтобы подчеркнуть контраст? Почему тогда в форме пророчества<sup>10</sup>? Мы помним желание великого оратора описать Британию красками, позаимствованными у брата (*ibid.* II.13.2). А по прочтении одного из писем Квинта Цицерон восклицал: «Каким приятным для меня было твое письмо из Британии! Я страшился Океана, страшился берега острова. <...> Я вижу, что ты имеешь превосходную тему для описания (*te vero ὑπόθεσιν scribendi egregiam habere video*). Какие географические условия, какую природу, какие нравы, какие племена, какие битвы, а какого самого военачальника ты имеешь [чтобы описать]!» (*ibid.* II.15.4). Мы полагаем, что таким образом М. Туллий дал набросок и своей поэмы о британском походе. Вставка о Габинии и Пизоне была бы здесь излишней.

Переписка позволяет проследить различные стадии работы над поэмой, адресованной Цезарю. В ноябре – нач. декабря 54 г. Цицерон продолжает трудиться над ней: «Ты велишь мне завершить эту начатую поэму, [обращенную] к нему (*quod me institutum ad illum poeta iubet perficere*) <...> поскольку Цезарь узнал из письма, которое я послал тебе, что я кое к чему приступил (*me aliquid esse exorsum*); я вернусь к начатому и закончу (*revertar ad institutum idque perficiam*) в эти предоставляющие досуг дни умиловительных молебствий» (*ibid.* III.8.3). А в декабре 54 г. сочинение завершено: «Каковой ты побуждаешь меня закончить, я закончил приятный –

<sup>9</sup> Горенштейн В.О. Указ. соч. С. 495. Прим. 24 к письму CXLV.

<sup>10</sup> Возвращение Пизона и Габиния уже состоялось. Прорицание имело смысл лишь в том случае, если поэма затрагивала более ранние события.

по крайней мере мне так кажется – эпос, [обращенный] к Цезарю (*quod me hortaris, ut absolvam, habeo absolutum suave* <...> ἔπος *ad Caesarem*)» (ibid. III.9.6). Отечественные издатели переписки продолжают считать, что Цицерон подразумевал *De temporibus suis*<sup>11</sup>; однако он явно имел в виду британскую поэму<sup>12</sup>.

Столь долгий экскурс в область хронологии оправдан необходимостью показать: Цицерон начал писать о походе Цезаря летом, а закончил около декабря 54 г. В конце года М. Туллий ждет надежного посланца в Галлию, чтобы передать свой эпос (ibid. III.9.6). Следовательно, отзыв Цезаря, о котором упоминается в письме за август 54 г., не может относиться к поэме о Британии. Он известен нам со слов Цицерона, спрашивающего брата: «Какого отношения <...> к нашим стихам (*quo modo* <...> *de nostris versibus*) Цезарь? Ведь он ранее написал мне, что прочитал первую книгу (*primum librum se legisse*), и начало такое, что он говорит, что [никогда] не читал лучше даже по-гречески (*prima sic ut neget se ne Graeca quidem meliora legisse*), прочее [же вплоть] до некоего места слишком небрежное<sup>13</sup> (*reliqua ad quendam locum ῥαθυμότερα*). Он использует [именно] это слово (*hoc enim utitur verbo*). Скажи мне правду: неужели ему не нравится либо предмет, либо характер [повествования] (*num aut res eum aut χαρακτήρ non delectat*)?» (ibid. II.15.5). Подчеркнем, что Цицерон всерьез рассматривает обе возможности, и это дополнительный довод против кандидатуры поэмы о Британии. Едва ли

<sup>11</sup> Горенштейн В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 502. Прим. 4 к письму CLIV; ср.: Розенблюм Н.Г. Указатель собственных имен // Письма... Т. 3. С. 806.

<sup>12</sup> Тема похода в Британию еще дважды присутствует в письмах Отца Отечества в связи с некими стихами (*Q. fr.* II.15.4; III.4.4). Однако нет полной уверенности, что обсуждаются именно наброски *Ad Caesarem*. Настораживает подчеркивание братской помощи и отсутствие каких-либо свидетельств, что стихи предназначались для более широкой аудитории. Возможно, речь идет об эпосе, над которым работал Квинт Цицерон (*Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 442; *Грарбарь-Пассек М.Е.* Цицерон // История римской литературы. М., 1959. Т. 1. С. 200).

<sup>13</sup> В.О. Горенштейн переводит «менее продуманное» (Указ. соч. Т. 1. С. 283). Мы ориентируемся на перевод данного места в «Греко-английском лексиконе» Г. Лидделла и Р. Скотта.

речь шла об одной из давних юношеских или известных нам лишь по заглавию поэм М. Туллия<sup>14</sup>. Их гипотетическое содержание тоже не соответствует отзыву Цезаря и опасениям великого оратора. Таким образом, выбирать следует между «О своем консульстве» (61–60 гг.) и *De temporibus suis*<sup>15</sup>.

Едва ли имелся глубокий смысл посылать на край света стихи, которые Цезарь читал шесть лет назад<sup>16</sup>. Кроме того, сам предмет *De consulatu suo* плохо отвечал текущим задачам Цицерона. Переисполненная самовосхваления поэма не способствовала сближению, и великий оратор уже имел горький опыт переписки с Помпеем (*Schol. Bob. ad Cic. Pro Planc.* р. 270). Следовательно, предпочтительнее исходить из предположения, что Цицерон отправил именно *De temporibus suis*<sup>17</sup>. Античная традиция о ней весьма скудна, однако кое-что проясняет эпистолярное наследие Цицерона за 56–54 гг. Особый интерес представляет послание к историку (а некогда сопернику на консульских выборах) Л. Лукцею. В июне 56 г. тот заканчивал рассказ об италийской и гражданской войне (*Cic. Fam. V.12.2*), собираясь, видимо, продвигаться дальше в хронологической последовательности. Цицерон предлагал ему немедленно

<sup>14</sup> Поэтическое наследие Цицерона было довольно обширно. К 54 г. до н.э. помимо *De consulatu suo* существовали «Главк Понтийский» (*Plut. Cic.* 2), «Аратея» – относящийся также к очень молодым годам перевод греческой поэмы (*Cic. De nat. deor.* II.104), *Prognostica* – еще один перевод из Арата (*Cic. Att.* II.1.11) и *De temporibus suis*. Возможно, к юношескому возрасту относится поэма «Марий», упомянутая в мае 45 г. до н.э. (*ibid.* XII.49.1). Нам ближе точка зрения В.И. Модестова (указ. соч. С. 264) и М.Е. Грабарь-Пассек (указ. соч. С. 179), нежели немецких филологов XIX в., датирующих стихи 54 г. до н.э. (*Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 429). «Марий» скорее был плодом восхищения молодого человека своим земляком, нежели желанием угодить «Цезарю, питавшему тоже расположение к народным массам», что и прежний «руководитель народной партии» (там же). Об этих и о других известных только по названию поэмах Цицерона см.: *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 429–430; *Модестов В.И.* Указ. соч. С. 264.

<sup>15</sup> В декабре 54 г. до н.э. Цицерон говорит о ней как о давно законченной (*Fam. I.9.23*).

<sup>16</sup> В этом вряд ли можно усомниться – *De consulatu suo* представляло для него интерес и как для политика, и как для образованного человека.

<sup>17</sup> *Горенштейн В.О.* Указ. соч. Т. 1. С. 493. Прим. 8 к письму CXIV.

приступить к отдельному труду о своих деяниях, причем снабжал Лукция приблизительной схемой повествования. Желательно было охватить «события от начала заговора до нашего возвращения (*a principio <...> coniurationis usque ad reditum nostrum*)» (ibid. 4), порицать заслуживающее порицания и восхвалять достойное восхваления (ibid.). М. Туллий хотел, чтобы отмечались «вероломство, козни и предательство многих (*multorum <...> perfidiam, insidias, proditorem*)» (ibid.) по отношению к нему. Наконец, открыто задавался лейтмотив труда историка: «изменчивая и претерпевающая резкие смены взлетов и падений жизнь выдающегося человека часто вызывает восхищение, ожидание, радость, душевные тяготы, надежду, страх (*virī saepe excellentis ancipites varique casus habent admirationem, expectationem, laetitiam, molestiam, spem, timorem*); если же они завершаются примечательным концом, душа наполняется приятнейшим наслаждением от чтения (*si vero exitu notabili concluduntur, expletur animus iucundissima lectionis voluptate*)» (ibid. 5). Временные рамки, указанные в письме, позволяют предположить, как эта схема реализовалась бы применительно к Цицерону. В основе всего, видимо, должен был лежать контраст: выдающаяся личность, ее великие деяния, постигшая катастрофа, бедствия и торжество справедливости – триумфальное возвращение вкупе с обретением прежнего высокого положения<sup>18</sup>.

Не совсем ясно, написал ли Лукцей о событиях 63–57 гг.; вроде бы он согласился исполнить просьбу (Cic. Att. IV.6.4). Но обычно считается, что Цицерон не получил желаемого, основываясь на фразе «Если я этого не добыю от тебя [просьбами], <...> я буду, возможно, вынужден сделать то, что некоторые часто порицают: напишу о себе сам, однако по примеру многих и славных мужей (*cogar fortasse facere quod non nulli saepe reprehendunt: scribam ipse de me, multorum tamen exemplo et clarorum virorum*)» (Fam. V.12.8) и на факте

<sup>18</sup> М. Грант сравнивает труд, увидеть который желал Цицерон, с элогием и энкомием (Grant M. The Ancient Historians. N. Y., 1970. P. 178).

существования поэмы *De temporibus suis*<sup>19</sup>. Примечательно, что в письме к Лукцею Цицерон выражал готовность в случае согласия «завершить записки обо всех событиях (*conficiam commentarios rerum omnium*)» (*ibid.* 10). В апреле 55 г. (т.е. почти год спустя) великий оратор просит Аттика дать историку некую «нашу книгу (*nostrum librum*)» (*Att.* IV.11.2). В.О. Горенштейн видит в ней «сочинение Цицерона о своем консульстве»<sup>20</sup>. Но – если он прав – какое именно? *Commentarius*, Ὑπόμνημα или поэму *De consulatu suo*, написанные пятью годами раньше, которыми должен был располагать пишущий современную историю образованный человек и активный политический деятель? Стихотворный труд *De temporibus suis* или вариант «Изложения своих замыслов»? Данный вопрос выходит за рамки статьи, сейчас важно другое: уже в середине 56 г. Цицерон имеет концепцию рассказа о событиях 63–57 гг., пишет какие-то записки<sup>21</sup>. Не исключено, что на момент обращения к Лукцею это были черновые наброски. Как бы то ни было, Цицерон, видимо, реализовывал здесь схему, изложенную в письме.

<sup>19</sup> Либо потому что «не успел включить в свою историю союзнической и гражданской войны его деяний» (*Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 428), либо потому что не захотел (*Grant M.* *Op. cit.* P. 178). Однако, как правильно замечают М. Гриффин (*Griffin M.* *The Intellectual Developments of the Ciceronian Age // САН*<sup>2</sup>. *Cambr.*, 2001. Vol. 9. P. 711) и М. Лэйстнер (*Laistner M.L.W.* *The Great Roman Historians.* Berkeley, 1963. P. 33), речь изначально шла о самостоятельном труде средних размеров (*Cic. Fam.* V.12.2; 4) и Цицерон писал Аттику о Лукции: «Побуди его поторопиться и поблагодари за то, что он написал мне в ответ, что сделает так [как я просил] (*quod mihi se ita facturum rescripsit agas gratias*)» (*Cic. Att.* IV.6.4). Вряд ли корректно сравнивать поведение Лукцея с прямым отказом Посидония (*Grant M.* *Op. cit.* P. 178; ср.: *Griffin M.* *Op. cit.* P. 712).

<sup>20</sup> *Горенштейн В.О.* Указ. соч. Т. 1. С. 484. Прим. 8 к письму СХХV.

<sup>21</sup> М. Гриффин считает, что это был скупой перечень фактов, без литературных украшений – опора сюжетной канвы (*Griffin M.* *Op. cit.* P. 712). Доказать обратное невозможно, хотя было бы соблазнительно связать «нашу книгу» с обещанными записками. Однако исследовательница явно не права, полагая, что «схожий набросок на греческом был послан в 60 г. Посидонию» (*ibid.*). Цицерон четко говорит, что опрaвленнoе на Родос сочинение было написано со всей старательностью и весьма изысканно (*Att.* II.1.1).

Мы считаем, что первое упоминание о поэме *De temporibus suis* приходится на ноябрь 56 г. (*ibid.* IV.8b.3)<sup>22</sup>. Какую-то редакцию читал в феврале 55 г. Квинт Цицерон (*Cic. Q. fr.* II.7.1), а к концу сентября 54 г. относятся слова об интермедии в виде пророчества Аполлона (*ibid.* III.1.24). Поскольку они допускают толкование «сделал вставку, дополнил», похоже, что Цезарь держал в руках вариант без предсказания о позоре Габиния и своего тестя, хотя композиционно и стилистически заверченный. Важно, что в декабре 54 г. Цицерон говорит о стихах как об уже давно (*iam pridem*) написанных (*Fam.* I.9.23). Он отвечает на просьбу П. Корнелия Лентула Спинтера прислать труды, законченные после отъезда последнего в провинцию. Известно, что Спинтер отсутствовал в Риме уже в январские иды 56 г. (*ibid.* I.1.3). Таким образом примерное время работы Цицерона над поэмой – вторая пол. 56 г.<sup>23</sup> – первая пол. 54 г.<sup>24</sup>

<sup>22</sup> Горенштейн В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 480. Прим. 11 к письму СХVII.

<sup>23</sup> Как известно, великий оратор вернулся из изгнания в сентябре 57 г. до н.э. Первое время он был занят решением «жилищного вопроса» (см.: *Cic. Pro domo sua*) и первостепенными проблемами. Наиболее ранние выступления в суде – речи «За Сестия», «За Целия» – приходятся на весну 56 г. до н.э., так что едва ли Цицерон активно работал над поэмой до этого времени. С другой стороны, в июне 56 г. до н.э. М. Туллий как минимум начал писать «записки обо всех событиях» (*Cic. Fam.* V.12.10), а в ноябре обращается к Аттику по поводу «страстно жаждущей ускользнуть» поэмы (*Att.* IV.8b.3). Ср. датировку В.О. Горенштейна: Цицерон приступил к работе над поэмой в 55 г. до н.э. (Указ. соч. Т. 1. С. 481. Прим. 1 к письму СХХII).

<sup>24</sup> Цицерон спрашивает брата о реакции Цезаря в августе 54 г. до н.э. (*Q. fr.* II.15.5). До этого Отец Отечества отправил поэму в Британию и успел получить ответ (*ibid.*). Хронологически допустимо, что стихи, о которых говорится как об одобренных Цезарем (*ibid.* 13.2), были именно *De temporibus suis*. Обратим внимание, что в письме *Q. fr.* II.15 великий оратор упрекает Квинта за некую скрытность, т.е. уточняет сообщенную ранее информацию. Ср. датировку Д.И. Нагуевского: поэма была издана (*sic!*) в конце 54 г. до н.э. (указ. соч. С. 428); В.И. Модестова: стихи написаны в 55 г. до н.э. (указ. соч. С. 265), и Э. Мартини: 54 г. до н.э. (*Мартини Э.* История римской литературы. СПб., 1913. Ч. 1. С. 296). М. Гриффин вслед за рядом зарубежных авторов полагает, что Цицерон думал о посмертной публикации поэмы (*op. cit.* P. 712. Note 126). Однако из приведенных цитат – очень двусмысленной из *Cic. Att.* IV.8a.3 и анализируемой нами далее из *Cic. Fam.* I.9.23 – это не следует.

М. Туллий выражает готовность прислать «в стихах три книги *De temporibus meis* (*versibus tres libros de temporibus meis*)» (ibid. I.9.23); следовательно, никаких сомнений относительно количества частей в поэме быть не может<sup>25</sup>. Согласно великому оратору, Аполлон приносит свое пророчество в совете богов (*in concilio deorum*) (*Q. fr.* III.1.24), а брат читал речь Юпитера, видимо, произнесенную тогда же (ibid. II.7.1). Известно, что в автобиографическом стихотворном труде «О своем консульстве» значительное место занимали монологи муз (*Cic. De div.* I.17; *Att.* I.3.4). Теперь автор вывел в качестве действующих лиц богов-олимпийцев. Поскольку их совет засвидетельствован именно в связи с *De temporibus suis*, правомерно отнести сохраненные античной традицией насмешки врагов Цицерона в первую очередь к этой поэме. Так псевдо-Саллюстий язвительно говорит, что «Юпитер Наилучший Величайший допустил [М. Туллия] в совет богов (*in concilio deorum admisit*)» (*Inv. in Cic.* 7). Квинтилиан называет предметом постоянных нападок «того Юпитера, которым [Цицерон] призывается в совет богов (*in concilium deorum advocatur*)» (*Orat.* XI.I.24). К сожалению, из переписки Отца Отечества нельзя составить представление о речи Юпитера. В.О. Горенштейн считает, что тот «советует поэту предпочесть политике занятия литературой и философией»<sup>26</sup>. Нам данная гипотеза кажется маловероятной, если исходить из схемы, предложенной в письме к Лукцею, а также слов псевдо-Саллюстия: «Цицерон говорит, что он был в совете бессмертных богов, оттуда был послан как страж этому городу и гражданам, а не под именем палача (*se Cicero dicit in concilio deorum immortalium fuisse, inde missum huic urbi civibusque custodem absque carnificis nomine*)» (*Inv. in Cic.* 3)<sup>27</sup>. «Заключение (καταλείς)» Каллиопы

<sup>25</sup> Ср.: Гурвич П.Б. Указ. соч. С. 82–83. Подчеркнем, что все доступные нам издания единодушны в чтении числа «три», в то время как письмо Квинту дошло в испорченном виде.

<sup>26</sup> Горенштейн В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 481. Прим. 1 к письму СХХII.

<sup>27</sup> Отметим, что в комментированных изданиях «Инвективы» возможные аллюзии к *De temporibus suis* не рассматриваются; внимание акцентируется на близости мотивов псевдо-Саллюстия к сохранившимся речам Цицерона (Горенштейн В.О. Примечания // Г. Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981.

из третьей книги «О своем консульстве» также содержало напутствие продолжать идти путем доблести (Cic. Att. II.3.4). Вероятно, речь Юпитера была выдержана в подобном духе.

Вернемся с небес на землю: какие люди и какие события упоминались в *De temporibus suis*? На этот счет высказывались самые разные мнения<sup>28</sup>. Единственный имеющийся ориентир – слова самого автора. Цицерон пишет П. Корнелию Лентулу Спинтеру, в консульство и при содействии которого вернулся из изгнания: «Я также написал в стихах три книги *De temporibus meis* (*versibus tres libros de temporibus meis*), которые уже давно (*iam pridem*) послал бы тебе, если бы полагал, что их следует издать (*si esse edendos putassem*). Ведь они являются и будут [являться] вечными свидетелями твоих заслуг по отношению ко мне и моей преданности (*meritorum erga me tuorum meaeque pietatis*). Я боялся не тех, кто счел бы себя оскорбленным (ведь я это сделал мягко и щадяще) (*verebar, non eos, qui se laesos arbitrarentur – etenim id feci parce et molliter*), но оказавших мне услуги, называть которых было бы делом бесконечным (*eos quos erat infinitum bene de me meritos omnis nominare*)» (Fam. I.9.23). Полностью доверять автору этих строк нельзя, ведь вставка о Габинии и Пизоне уже имела место, да и отзыв Цезаря был двусмысленным. Обратим, однако, внимание на следующее: заслуги Лентула Спинтера состояли прежде всего в помощи изгнаннику Цицерону. Значит, *De temporibus suis* включала в себя рассказ об изгнании и возвращении сочинителя, т.е. о 58–57 г. Можно осторожно предположить, что, поскольку

С. 207. Прим. 12, 13, 29, 30; Kurfess A. Appendix Sallustiana. Lipsiae, 1958. Fasc. 2. P. 3. Anm. 7, 8). С поэтическим наследием оратора связываются лишь две цитируемые (Pseudo-Sall. Inv. in Cic. 5; 6) строки (Kurfess A. Op. cit. P.3. Anm. 5; P. 5. Anm. 12) и подтверждаемые свидетельством Квинтилиана образы Юпитера и Минервы.

<sup>28</sup> *De temporibus suis* служила продолжением поэмы «О своем консульстве» (Мартини Э. Указ. соч. С. 296); прославляла деяния Цицерона в 63 г. до н.э. (Sikes E. E. Literature in the Age of Cicero // САН. Cambr., 1932. Vol. 9. P. 744); охватывала жизнь Цицерона вплоть до возвращения из изгнания (Гурвич П.Б. Указ. соч. С. 82–83); в поэме «описывались обстоятельства, связанные с изгнанием и последующие события» (Горенштейн В.О. Примечания // Письма... Т. 1. С. 477. Прим. 17 к письму CXII).

выпад против врагов принял форму пророчества, события 55–54 гг. выходили за намеченные хронологические рамки.

Задеты, видимо, были те, кто – как Пизон и Габиний – приложили руку к изгнанию или не оказали должной помощи. Согласно античной традиции, участь оратора в значительной степени определило поведение триумвиров – Помпея, Красса и Цезаря (Plut. *Pomp.* 46; *Caes.* 14; *Cic.* 30–31)<sup>29</sup>. Поэтому последнему мог не понравиться как предмет, так и характер повествования. Даже если Цицерон действительно затронул эту тему «мягко и щадяще», сам сюжет поэмы и образ главного героя – наилучшего консула, безвинного страдальца, стойко перенесшего тяжкие испытания и достойно за них вознагражденного – вызвали бы у Цезаря целую гамму негативных чувств. Следовательно, вовсе не обязательно предполагать здесь намеки на его участие в заговоре. Интересно, что уже после чтения Г. Юлием поэмы Цицерон пишет, что не считает нужным издать *De temporibus suis* (*Fam.* I.9.23). Чтобы ознакомить благодетеля с новым трудом он дожидается надежного человека (*si quem cui recte commitam invenero* – *ibid.*). Таким образом, поэма вращалась в очень узком кругу, отсутствуя в открытой продаже, и возникает вопрос: не отзыв ли из Британии обусловил окончательное решение Цицерона? П.Б. Гурвич рассматривает факт знакомства Цезаря с *De temporibus suis* как свидетельство того, что «поэма была написана в дружественном к триумвирам духе»<sup>30</sup>. Мы попытались доказать обратное, но как тогда объяснить действия Цицерона? Если он подозревал, что может вызвать недовольство адресата, зачем посылал ему стихи? Возможно, инициатива исходила от самого автора, не осознававшего последствий в полной мере. Однако интереснее другой вариант: «предложение, от которого нельзя отказаться», сделал читатель. Намечалось сближение с Цицероном (*Cic. Q. fr.* II.13), в чем последний был весьма заинтересован, и Цезарь мог

---

<sup>29</sup> О враждебных отношениях Цезаря и Цицерона в 59–58 гг. до н.э. см.: Suet. *Div. Iul.* 20.4 и Dio Cass. XXXVIII.10.

<sup>30</sup> Гурвич П. Б. Указ. соч. С. 82.

вежливо потребовать экземпляр поэмы, о существовании которой знал.

При современном состоянии источниковой базы едва ли можно реконструировать композицию *De temporibus suis* и на основе этого делать выводы о месте, которое отводилось в ней тому или иному эпизоду<sup>31</sup>. Более перспективен, на наш взгляд, другой путь: изучение творчества<sup>32</sup> и переписки Цицерона, прежде всего за 56–54 гг. Попробуем исходить из того, что письмо к Лукцею в значительной степени отражает содержание и идейную направленность как записок (*Cic. Fam. V.12.10*), так и хронологически близкой поэмы. Цицерон просил историка написать о заговоре (*ibid.* 2; 4). Однако сам он не акцентирует внимание на нем; скорее он хочет, чтобы Лукцей реализовал более широкий замысел. Цицерон подчеркивает «разнообразие обстоятельств и чередование фортуны (*temporum varietates fortunaequae vicissitudines*)» (*ibid.* 4), «претерпевающую резкие смены взлетов и падений жизнь выдающегося мужа (*viri*

<sup>31</sup> Нам известно лишь общее число книг в поэме, отзыв Цезаря в передаче Цицерона и то, что во второй книге действие разворачивалось в совете богов, на котором произносили речи Аполлон, Юпитер (если *Q. fr.* II.7.1 восстанавливается как *librum II*), возможно, Минерва (*Quint. Orat. XI.I.24*; ср. *Pseudo-Sall. Inv. in Cic.* 7). П.Б. Гурвич считает, что *De temporibus suis* включала в себя 2 (*sic!*) книги; вся первая была посвящена периоду до 63 г. до н.э., вторая – консулату, изгнанию и возвращению (указ соч. С. 82–83). Не говоря уже о явной ошибке в количестве частей поэмы, далеко не очевиден главный тезис, из которого исходит автор: «Так как вся жизнь Цицерона охватывалась двумя книгами, то пропорции между периодом до консульства и после консульства по крайней мере были 1:1» (там же. С. 83). Доказательств, что М. Туллий подробно изложил свою жизнь до 63 г. до н.э., нет. Письмо к Лукцею говорит об особой важности освещения периода с 63 г. до н.э. по 57 г. до н.э. П.Б. Гурвич неправильно понял слова Цезаря как похвалу в адрес *всей* первой книги (ср.: *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 428), и порицание до определенного места *второй* (*Cic. Q. fr.* II.15.5). Поэтому выводы, что во второй книге «заговор занимал самое маленькое место и рассказ о нем был написан небрежно и сухо», зато в первой Цицерон «обширно и удачно» освещал «свое сотрудничество с Цезарем и другими помпеянами» (*Гурвич П.Б.* Указ. соч. С. 83), построены на неверных посылах.

<sup>32</sup> Мы присоединяемся к мнению М.Е. Грабарь-Пассек, что в речах за 50-ые гг. до н.э. «большинство <...> экскурсов, повторений и отклонений касаются самого Цицерона, его «героизма», его страданий в изгнании, его торжественного возвращения в Рим, его любви к отечеству» (указ. соч. С. 227)

<...> *excellentis ancipites variique casus*)» (ibid. 5). Безусловно, заговор Катилины должен был стать важным, но все же эпизодом поэмы и рассматриваться наряду с триумфальным возвращением в 57 г. как апогей карьеры Цицерона<sup>33</sup>. Неоднократно отмечалось, что, в сущности, от Лукция ждали драму<sup>34</sup> или, по образному выражению М. Гранта, «волнующую театральную пьесу, в которой драматическим языком рассказывалось бы о взлетах и падениях»<sup>35</sup>. Используемая Цицероном лексика, действительно, свидетельствует, что тот осознавал специфику жанра. Он, например, просит «выделить эту, своего рода, драматическую пьесу о делах и событиях, относящихся к нам (*secernas hanc quasi fabulam rerum eventorum nostrorum*)» (ibid. 6)<sup>36</sup>. В.О. Горенштейн переводит, используя слово «трагедия», однако это не совсем удачно. Трагичность – лишь одна из сторон замысла; не менее важно, что пьесе следовало завершиться «примечательным исходом» (ibid. 5). В центре ее находилась фигура Цицерона (ср.: ibid. 2), а отнюдь не исторические события сами по себе. Автор не имел целью дать читателю портрет своей эпохи, равно как не писал «биографию обычного человека в необычное время». Все внимание должно было быть приковано к личности выдающегося мужа, и возникает вопрос: правилен ли общепринятый перевод названия поэмы? *De temporibus suis* можно понимать не только как «О своем времени». Латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого дает другие допустимые контексты для *tempus*: «удобный момент, благоприятный случай; обстоятельства, стечение обстоятельств, положение; тяжелые обстоятельства, бедственное

<sup>33</sup> Ср. вывод П.Б. Гурвича о проявленном в *De temporibus suis* «безразличии к событиям 63 года» (указ. соч. С. 83).

<sup>34</sup> *Laistner M.L.W.* Op. cit. P. 35.

<sup>35</sup> *Grant M.* Op. cit. P. 178.

<sup>36</sup> В данном контексте мы настаиваем на этом варианте перевода, хотя *fabula* может пониматься более нейтрально как «сюжет, рассказ». Цицерон продолжает фразу: «ведь она содержит разнообразные действия и многие перемены в решениях и обстоятельствах (*habet enim varios actus multasque <mut>ationes et consiliorum et temporum*)» (*Fam. V.12.6*). *Actus* здесь вкупе с *fabula* явно имеет оттенок «часть театральной постановки, действие, акт».

положение, опасность»<sup>37</sup>. Что если Цицерон вложил в заглавие *De temporibus suis* смысл «жизненные перипетии», «превратности судьбы», подразумевая перенесенные тяготы и «претерпевающую резкие смены взлетов и падений жизнь»<sup>38</sup>?

Сделанные выше выводы остаются в силе, как бы ни решался вопрос о принадлежности двух стихотворных строк, цитируемых псевдо-Саллюстием и Квинтилианом: «Да уступит оружие тоге, да подчинятся лавры языку! (*cedant arma togae, concedat laurea linguae*)» (Pseudo-Sall. *Inv. in Cic.* 6; Quint. *Orat.* XI.1.24) и «О счастливый рожденный при мне консуле Рим! (*o fortunatam natam me consule Romam!*)» (Pseudo-Sall. *Inv. in Cic.* 5; Quint. *Orat.* XI.1.24). Сам Цицерон приводит первый стих как «Да уступит оружие тоге, да подчинятся лавры заслуге! (*cedant arma togae concedat laurea laudi*)» (*De off.* I.77; *In Pis.* 73; 74). Предпочтение, на наш взгляд, должно быть отдано самому автору: недоброжелатели могли исказить слова, утрируя смысл. К сожалению, контекст не позволяет сделать выбор между автобиографическими поэмами «О своем консульстве» и *De temporibus suis*. С нашей датировкой последней лучше согласуется гипотеза, что строка *cedant arma togae...* принадлежит сочинению «О своем консульстве»<sup>39</sup>. Кроме того, трудно поверить, что мотив «императора в тоге» (ср. *Cic. Cat.* III. 15; 23; *Cat.* II. 28; *Cat.* IV. 5) и сравнение своих *res gestae* с основанием Города (ср. *Cic. Cat.* III. 2; 23–25) отсутствовали в *De consulatu suo*, поэме написанной одновременно с публикацией Катилинарий. И все-таки, учитывая повторное обращение Цицерона к теме заговора в *De temporibus suis*, нельзя полностью исключить вероятность, что именно эти строки вошли в нее<sup>40</sup>.

<sup>37</sup> Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 764.

<sup>38</sup> Цицерон четыре раза использует по отношению к будущему труду Лукция слово *tempus* (*Fam.* V.12.2; 4; 6; 9). Как минимум дважды в виду имеются именно обстоятельства.

<sup>39</sup> Противник Цицерона Л. Кальпурний Пизон в 55 г. до н.э. высмеивал эту строку (*Cic. In Pis.* 73; 74).

<sup>40</sup> В научной литературе точки зрения сосуществуют. В.И. Модестов соглашается с господствующим мнением о принадлежности обоих стихов поэме «О своем времени» (указ. соч. С. 265). Д.И. Нагуевский, напротив, относит их к «О своем консульстве» (указ. соч. С. 428). Однако этот автор исходит из оши-

Подводя итог, мы можем сказать следующее. Заговор Катилины, видимо, рассматривался Цицероном в качестве отправной точки рассказа о событиях 63–62 гг. Без сомнения, заговор был изображен яркими красками, а деятельность консула преподносилась как спасение Отчизны в духе Катилинарий и автобиографических сочинений 61–60 гг. Однако, на наш взгляд, *annus mirabilis* занимал не самое большое место в поэме: во-первых, потому что эта тема уже неоднократно эксплуатировалась Цицероном; а во-вторых, поскольку имелись весьма перспективные новые: допущенная по отношению к спасителю Родины вопиющая неблагодарность, стойкое перенесение тягот изгнания, триумфальное возвращение на радость всей Италии. Возможно, была утрачена уникальная информация, отсутствующая в *Ἰπόμνημα*, *Commentarius*, и *De consulatu suo*. Но скорее всего поэма представляла бы для нас интерес в первую очередь с точки зрения того, как Цицерон вплел заговор в общую канву политической жизни второй половины 60 – первой половины 50 гг.

---

бочного заключения, что упомянутая в *Q. fr.* II.7 поэма есть *De consulatu suo*. Согласно В.О. Горенштейну, строки об оружии и языке относятся к «поэме Цицерона о его консулате (60 г.)» (Примечания // Г. Саллюстий Крисп... С. 207. Прим. 27).

ГУСЬКОВ Е.А. (САМАРА)

**ПРЕТОРИАНЦЫ ОТОНА И ВИТЕЛЛИЯ  
В ГВАРДИИ ВЕСПАСИАНА:  
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ**

В декабре 69 г.<sup>1</sup> с приходом к власти Флавия Веспасиана в Римском государстве закончилась гражданская война. Среди многих трудностей, порожденных продолжавшимися около года боевыми действиями, была необходимость создания нового преторианского корпуса взамен сильно пострадавшей гвардии побежденного соперника.

Было бы вполне естественно ожидать, что Веспасиан в данном случае поступит точно так же, как в свое время Вителлий, распустивший охрану своего предшественника Отона и набравший заново собственный преторий из воинов германских легионов, которые и обеспечили ему императорскую аккламацию в январе 69 г. Однако Лициний Муциан, фактический глава Римского государства в отсутствие Веспасиана, включил в число гвардейцев флавианского корпуса не только непосредственных участников иудео-сирийского восстания войск, приведшего в итоге к утверждению новой династии, но и преторианцев Вителлия (Тас. *Hist.* IV.46). Таким образом, в первые годы правления Флавиев в составе преторианской гвардии можно выделить две группы, которые в дальнейшем мы будем условно именовать «флавианцами» и «вителлианцами». Из числа первых целесообразно выделить тех, кто прежде служил в охране Отона и лишь затем поддержал Веспасиана (Тас. *Hist.* II.82), – «отонианцев».

В своей предыдущей работе я пришел к выводу, что новая гвардия состояла примерно из 10 тысяч человек<sup>2</sup>. Эти воины были

---

<sup>1</sup> Здесь и далее все даты нашей эры.

<sup>2</sup> Гуськов Е.А. К вопросу о квингенарном и миллиарном типе преторианских когорт // *Antiquitas juventae*. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 188. В исследованиях встречается и другое число – 7 200 чел. (напр.: Rankov B. *The Praetorian Guard*.

сведены в 9 когорт (CIL. XVI.21), которые, таким образом, могут быть определены как милиарные (тысячные)<sup>3</sup>. Французский историк М. Дюрри, считавший, что каждая преторианская когорта в период от Августа до Септимия Севера насчитывала приблизительно 500 человек, признавал увеличение их штата в период гражданской войны 68–69 гг. По его мнению, вслед за этим Веспасиан отказался от эксперимента Вителлия по набору тысячных когорт и возвратился к привычному квингенарному составу. Нарративная традиция, казалось бы, подтверждает данную точку зрения, сообщая о последовавшей позже череде увольнений (Suet. *Vesp.* 8.2; Tac. *Hist.* IV.46). В связи с этим легко предположить, будто сокращение гвардии произошло преимущественно за счет казавшихся менее надежными «вителлианцев»; освобождаемые при этом места не восполнялись набором добровольцев, по крайней мере, в количестве, равном демобилизовавшимся, благодаря чему, собственно, и осуществлялось сокращение претория. Но есть ли объективные основания для данной версии?

Проблема, как можно заметить, упирается в вопрос о принципе пополнения и обновления императорского претория. М. Дюрри считал, что стандартный порядок этой процедуры был таков: каждый год в отставку выходило обыкновенно пять человек на центурию пятисотенной когорты (по его мнению, это было характерно для большей части истории преторианского корпуса) и 11 человек при тысячном типе когорт (во времена Северов и далее);

---

L., 1994. P. 8), т.е. по 800 воинов на когорту. Это число вытекает из того предположения, что структура преторианских подразделений напоминала первую (удвоенную) легионную когорту.

<sup>3</sup> Принадлежность к милиарному или квингенарному типу, конечно, еще не означает, что в когорту входило, соответственно, строго 1 000 или 500 человек. В действительности, как следует из работ античных авторов (Veget. II.6; Ps.-Nug. 5) и что подтверждается современными исследованиями, наименование типа данного подразделения происходило из округления штатной численности состава, которая, однако, также не слишком часто соответствовала реальному положению. По этой причине всякие расчеты с целью определить действительное и номинальное количество воинов в каждой когорте претория принципиально будут приблизительными.

соответственно с этим, столько же добровольцев ежегодно вербовались в гвардию. Не касаясь сейчас абстрактно-идеального характера предложенной схемы увольнений<sup>4</sup>, важно отметить, что новое руководство должно было, во всяком случае, проводить гибкую демобилизационную политику, чтобы разорвать «круговую поруку» и не вызвать массового возмущения гвардейцев.

Тацит (*Hist.* IV.46) описывает каким образом проходила реорганизация императорской охраны: *quibus aetas et iusta stipendia, dimissum cum honore, alii ob culpam, sed carptim ac singuli*, т.е. часть воинов отставлялась по истечении положенного срока, но некоторые были уволены прежде этого времени за различные провинности (*ob culpam*). Демобилизация осуществлялась, таким образом, в форме обычных и неординарных увольнений. Точное число последних, конечно, теперь уже не представляется возможным установить, но по поводу тех преторианцев, которые целиком отслужили свой срок, могут быть высказаны некоторые соображения. Отмечу, что в данном случае необязательно речь идет именно о шестнадцати годах, поскольку в срок службы новым гвардейцам полностью или частично включили время их службы в легионах, что позволяло проводить увольнения более равномерно в количественном отношении. Эпиграфические данные подтверждают предположение о неполной продолжительности их преторианской службы (напр., ILS. 2035;2036 – в последнем случае, правда, это вызвано было прежде-

---

<sup>4</sup> В частности, данная схема не учитывает потери состава в течение довольно длительного срока службы рядовых воинов (16 лет – *Durry M. Praetoriae cohortes* // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1628; во II в. – 17, в III в. – 12 лет), как бы автоматически подразумевая, что все преторианцы, однажды вступив в гвардейский корпус, покидали его по истечении положенного времени. Это весьма сомнительно. Необходимо иметь в виду погибших во время военных столкновений, которых было не так уж и мало, как это обычно считается, во время несчастных случаев, болезней, эпидемий и т.д. Следовательно, получаемая из эпиграфических источников цифра в пять человек, уходящих в отставку, еще не означает, что шестнадцатью годами ранее именно столько же новобранцев было зачислено в центурию. В действительности их было больше (подробнее см.: *Kennedy D.L. Some Observations on the Praetorian Guard* // *Ancient Society*. 1978. Vol. 9. P. 276–286).

временной смертью, но и такой вариант завершения военной карьеры не должен исключаться)<sup>5</sup>.

Естественно, что в новых условиях, создавшихся в связи с милиаризацией преторианских когорт, пришлось отказаться от прежнего порядка набора и увольнения воинов, существовавшего при Юлиях-Клавдиях. При последовательной реализации этой схемы возвращение к квингенарному составу (при условии, что Веспасиан действительно преследовал такую цель) происходило бы в течение довольно длительного времени<sup>6</sup>. Теперь, когда подразделения претория стали насчитывать по 1 000 человек в каждом, в отставку ежегодно в связи с завершением срока службы стало отправляться большее число воинов. Число это нельзя назвать точно, тем более что оно вряд ли было постоянным; правильнее поэтому будет говорить о средних цифрах, колеблющихся в пределах 5–11 человек на центурию. В критические моменты истории преторианского корпуса данные показатели из-за боевых потерь становились существенно выше, но о каких-либо закономерностях в данном контексте не могло быть и речи.

Поскольку 70-е гг. I в. не отмечены никакими заметными военными событиями в жизни гвардии, названные цифры можно

---

<sup>5</sup> В противном случае, т.е. если бы время предшествующей службы не учитывалось, в первые годы ординарные увольнения затрагивали бы почти исключительно преторианцев Отона, которые в качестве таковых поступили на службу гораздо раньше «вителлианцев» и «флавианцев»: первая их группа была набрана в 54 г., тогда как воины Вителлия вошли в преторий единовременно в 69 г., а легионеры Веспасиана – в начале 70 г., и должны были покинуть его, соответственно, в 86 и 87 гг. Таким образом, в середине 80-х гг. преторианский корпус (если бы все воины дожили до этого времени) лишился бы чуть ли не 50–70% своего состава, что выглядит просто невероятно.

<sup>6</sup> Если считать, как предлагает М. Дюрри для истории корпуса вообще, что ежегодно уходили в отставку 270 человек (на 9 когорт), то сокращение с 10 тысяч до 4,5 тысяч только в рамках привычной демобилизации должно было занять около 20 лет без проведения восполняющего набора (!), а это превышает срок службы рядовых в гвардии. С учетом «провинившихся» общая продолжительность периода «реорганизации», безусловно, снижается, но вряд ли намного. К тому же применение данного варианта в возникших условиях выглядело бы более чем странно просто с точки зрения логики.

взять для дальнейших расчетов. Понятно, что крайний показатель в 11 отслуживших полностью срок солдат является идеальным: все рекруты-добровольцы завершают службу по истечении стандартных 16–17 лет; по этой причине можно считать его исключительным и редким. Минимальная цифра (5 демобилизовавшихся преторианцев), как кажется, более близка к реальности. М. Дюрри полагал, что этот показатель был равен численности ранее набранных молодых воинов и соответствовал пятисотенному составу: 5 чел. (на центурию) × 6 центурий (в когорте) = 30 чел., т.е. за полный срок службы (16 лет) состав когорты обновлялся на 480 чел. (16 × 30).

Однако если следовать выводам Д. Кеннеди, что потери в рядах претория в середине II в. составляли около 46%<sup>7</sup>, число набранных на службу значительно превышало число отслуживших весь положенный срок, а значит, указанная цифра демобилизуемых приближает штат преторианской когорты к тысяче человек (в идеале – 1056). Из этого, в свою очередь, следует, что для поддержания стабильного состава корпуса необходимо было ежегодно вербовать *tirones* почти вдвое больше против числа покидающих его ряды.

Д. Кеннеди, как, впрочем, и М. Дюрри, привлекал для своих расчетов списки преторианцев (*laterculi praetorianorum*), относящиеся ко времени принципата Антонина Пия, который, как известно, ни разу не покидал Италии (SHA. *Ant. Pius.* 7.11–12). Гвардия в это время, следовательно, не принимала участия в военных операциях. Это позволяет распространить выводы Кеннеди и на правление Веспасиана.

Поставим теперь вопрос: каким образом путем увольнений можно было сократить гвардию вполовину ее состава, или точнее: какой должна была быть обеспечивающая эту цель разница в числе набранных и выбывших по различным причинам преторианских воинов? Эта разница, с другой стороны, должна была отвечать еще одному требованию – способствовать поддержанию преемственно-

---

<sup>7</sup> Kennedy D.L. Op. cit. P. 285, 288.

сти штата и в конечном итоге не выходить за рамки продолжительности службы.

Отправной точкой является показатель в 11 человек (соответствующий идеальному:  $11 \times 6 \times 16 = 1\ 056$ ), включающий как тех солдат, что умерли во время службы, так и тех, кто были живыми к моменту ее завершения. Последние, включая различные причины ухода в отставку (*ob culpam, cum honore dimissi*) составляли лишь чуть больше половины этого показателя. В нашем случае можно предполагать повышение средней цифры за счет «провинившихся», но из этого еще непосредственно не вытекает, что их общее число в центурии превышало 11 человек. Даже если их было больше названной цифры, судить о масштабах сокращения сложно, так как мало что известно о наборе. В качестве некоторой опоры в рассуждениях о нем можно воспользоваться сообщением Тацита, где он специально подчеркивает мирный характер реорганизации претория. Спокойно демобилизация осуществлялась, как отмечает древний историк, только благодаря тому, что удалось разорвать устоявшиеся связи между солдатами (*Hist. IV.46: consensus multitudinis extenuatur*). Слишком большая разница в числе набранных и уволенных со всей очевидностью свидетельствовала бы о нацеленном характере демобилизации. Жертвами этой «дискриминации» могли считать себя (быть может, не без оснований) «вителлианцы»<sup>8</sup>. Преодолеть «круговую поруку» тогда было бы крайне затруднительно. Поэтому значительная часть освобождавшихся мест, видимо, все же занималась новичками. Отсюда, если сокращение гвардии имело место, то было оно, скорее всего, не очень значительным – быть может, в количестве, необходимом для устранения возможных диспропорций состава когорт или же для приближения реального штата к номинальному. Таким образом, нельзя утверждать об об-

<sup>8</sup> Светоний (*Vesp. 8.2*), не конкретизируя род войск, прямо указывает, что в отставку были отправлены многие из воинов Вителлия: *Vitellianorum... et exauctoravit plurimos et coercuit*. Учитывая кроме этого, что преторианцы, набранные им, численно преобладали в новой гвардии, можно признать, что они составляли большинство среди всех уволенных, особенно по причине *ob culpam*.

ратной «квингенаризацией» подразделений претория. Помня о том, что во II в. они, скорее всего, насчитывали по 1 000 воинов в каждом, естественно предположить, что они оставались такими с эпохи Флавиев.

В целом, без привлечения новых источников определить типологию преторианских когорт представляется задачей почти неосуществимой, так как мы располагаем слишком скудным количеством источников. Практически любой из приводимых аргументов в пользу той или иной версии может быть с некоторыми изменениями использован для доказательства противоположной точки зрения.

СУРОВЕНКОВ Д.И. (МОСКВА)

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ  
ОТНОСИТЕЛЬНО ОПИСАНИЙ ТРИУМФОВ  
В *SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE***

Среди исследований, посвященных изучению сборника императорских биографий, известного как *Scriptores Historiae Augustae*, уже стало стандартным утверждение, что данный античный памятник – источник странный.

Начиная с эпохальных работ Германа Дессау, в антиковедении уже более ста лет ведется спор относительно авторства и времени создания этого биографического сборника. Именно Дессау первым предположил, что вопреки утверждениям, содержащимся внутри самого источника, императорские жизнеописания были написаны не шестью авторами<sup>1</sup> и не на рубеже III и IV столетий, но, напротив, одним автором в конце IV века.

Судя по всему, спор вокруг *SHA* никогда не будет разрешен. Следует, впрочем, признать, что аргументы, которые выдвигают Дессау и его сторонники, в числе которых, к примеру, был один из крупнейших антиковедов минувшего века Рональд Сайм<sup>2</sup>, представляются весьма убедительными. Однако, вставая на данную позицию, то есть, отвергая базисную информацию об источнике (кто автор и время создания), дальнейшим естественным выводом становится утверждение о необходимости подвергать сомнению подлинность любое фактическое сведение, которое представлено в этом памятнике и не имеет подтверждений в других источниках. Соответственно, источниковая информация, в отношении которой

---

<sup>1</sup> Авторами биографий указываются Элий Спатиан, Юлий Капитолин, Элий Лампридий, Вулкаций Галликан, Требеллий Поллион и Флавий Вописк Сиракузянин. Помимо *SHA*, эти персонажи нигде более в античной литературе не упоминаются.

<sup>2</sup> В числе работ Сайма, посвященных *SHA*, см.: *Syme R. Ammianus and the Historia Augusta*. Oxf., 1968; *idem. Emperors and Biography*. Oxf., 1973; *idem. Historia Augusta Papers*. Oxf., 1983.

есть такие подозрения, не может быть надежным основанием в научных исследованиях.

Учитывая, что *SHA* представляет собой чуть ли не единственный развернутый рассказ о событиях, составляющих так называемый кризис III в., то – отказывая в достоверности этому источнику – исследователям приходится отказываться и от огромного массива нарративной информации, освещающей один из ключевых периодов в истории Римской империи. Вероятно, именно чтобы избежать столь радикальных и категоричных действий в отношении императорских биографий и сделать возможным научную опору на этот источник, ряд исследователей пытаются оспорить позицию Дессау и согласных с ним ученых, приводя различные контраргументы и возражения<sup>3</sup>.

В любом случае, все антиковеды, изучавшие данный источник, сходятся на том, что жизнеописания, составляющие этот сборник, наполнены – в большей или меньшей степени – различного рода фальсифицированной информацией и, прежде всего, в них включены очевидно подложные документы: письма, отчеты о заседании сената и прочее.

Что касается писем, цитируемых в этих биографиях, то их общее число составляет 83<sup>4</sup>. Важно отметить, что из них для 28 писем надежно установлена подложность<sup>5</sup>. Это составляет треть от

---

<sup>3</sup> Собственно, точку зрения Г. Дессау оспаривал еще Т. Моммзен, предложивший теорию «позднего, общего редактора», согласно которой *SHA* были действительно созданы в начале IV в., однако позднее некий редактор внес туда дополнения. Одним из крупнейших сторонников этой теории в XX веке может быть назван А. Момильяно (см., например: *Momigliano A. An Unsolved Problem of Historical Forgery: The S.H.A. // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1954. No. 17. P. 22–46*). Одно из последних исследований, где также защищается ранняя датировка написания *SHA*: *Lippold A. Die Historia Augusta: eine Sammlung römischer Kaiserbiographien aus der Zeit Konstantins. Stuttgart, 1998*.

<sup>4</sup> Помимо этого, одно письмо не цитируется, но пересказывается в жизнеописании Тридцати тиранов (*Trig. tyr. 18.11*) и еще на одно послание есть просто ссылка: в биографии Пертинакса (*Pert. 15.8*).

<sup>5</sup> Здесь я опираюсь на данные исследований Анри Шастаньола (*Chastagnol A. Histoire Auguste. P., 1994*), количественные подсчеты мои собственные.

общего количества и, безусловно, бросает тень сомнения на остальные 55. Также следует подчеркнуть, что большинство (60) из всех посланий содержатся в завершающей дюжине жизнеописаний, то есть в последних 12 биографиях<sup>6</sup> (от жизнеописания Двух Максиминов до жизнеописания Кара, Карина и Нумериана). Однако к этому обстоятельству вернемся чуть ниже.

Отчеты заседаний и постановления сената составляют другую группу документов, цитируемых в *SHA*, и встречаются довольно часто. Особо примечательны те случаи, когда в жизнеописаниях указана точная дата (день и месяц) прошедшего заседания: их 11. Из них – 7 случаев развернутого описания заседания сената<sup>7</sup> и три случая, когда цитируется сенатское постановление<sup>8</sup>. Еще один случай – когда цитируется речь императора Александра Севера перед сенатом и возгласы сенаторов (*Alex. Sev.* 56.1–57.6) – непосредственно связан с описанием триумфа, и о нем речь ниже пойдет особо.

Важно отметить, что для семи таких цитаций на основании других источников<sup>9</sup> возможно независимое от *SHA* установление точной или приблизительной даты. И всякий раз дата, полученная на основе указаний иных античных источников, будет противоречить датировке, которая сообщается в императорском жизнеописании<sup>10</sup>. Расхождения порой довольно значительны: так, например, заседание сената, посвященное тому, что императором стал Клавдий II Готский, в биографии датируется 24 марта<sup>11</sup>, одна-

<sup>6</sup> Всего в дошедшем виде в сборнике представлено 30 императорских биографий, последние 12 выделяются в особую группу, поскольку, начиная с жизнеописания Двух Максиминов, в этом собрании появляются биографии, в которых могут быть жизнеописания нескольких царственных персон.

<sup>7</sup> *Alex. Sev.* 6.1–12.2; *Max. et Balb.* 1.1–2.12; *Duo Valer.* 5.4–8; *Aurel.* 19.1–20.8; 41.3–15; *Tacit.* 3.2–7.1; *Prob.* 11.5–12.8.

<sup>8</sup> *Duo Max.* 26.1–5; *Trig. tyr.* 21.3–5; *Claud.* 4.1–4.

<sup>9</sup> Как правило, это эпиграфические и нумизматические источники, которые *a priori* могут считаться более надежными.

<sup>10</sup> *Chastagnol A.* Op. cit. P. 122.

<sup>11</sup> «Когда за восемь дней до апрельских календ было объявлено..., что Клавдий стал императором» (*Cum esset nuntiatum VIII. kal. Aprilis... Claudium imperatorem factum* – *Claud.* 4.2; здесь и далее цитаты из *SHA* даны в переводе С.Н. Кондратьева).

ко из нумизматических источников известно, что тот начал царствовать не ранее поздней осени 275 г.

Очевидным образом, все эти хронологические несоответствия свидетельствуют об ошибочности приведенных сенатских постановлений и отчетов о заседаниях, ставя под сомнения всю группу подобных «документов»<sup>12</sup>. В действительности речь идет о довольно значительном количестве сообщений. Ведь в различных жизнеописаниях есть множество случаев цитации без указания на точную дату «возгласов» сенаторов (*adclamationses senatus*) по разным поводам или выступления императоров в сенате<sup>13</sup>. Сюда же следует прибавить сообщения, где приводятся речи императоров на придворных советах, а также выступления разных людей (прежде всего, конечно, тех же императоров) на военных сходках<sup>14</sup>. Эти сообщения примыкают к аналогичным рассказам о заседании сената в повествовательном плане<sup>15</sup>, а также в структурном отношении – что важнее! – наличием прямой речи.

<sup>12</sup> Любопытно, что в биографии императора Тацита автор, предупреждая подобные подозрения в фальсификации, указывает точное место нахождения цитируемого сенатского постановления в Ульпиевой библиотеке: «в шестом шкафу» (*in armario sexto* – Tacit. 8.1), однако далее он сообщает, что данное постановление было записано в книге из слоновой кости (*librum elephantinum*) и, более того, указывает: «В течение долгого времени сенатские постановления, касающиеся императоров, записывались в книги из слоновой кости» (*diu haec senatus consulta, quae ad principes pertinebant, in libris elephantinis scribebantur* – Tacit. 8.2). Нигде более в античной литературе подобное не засвидетельствовано, а значит, это указание биографа может считаться авторским вымыслом, что лишней раз подтверждает подложность приводимых сенатских постановлений.

<sup>13</sup> Avid. 13.1–5; Comm. 18.1–19.9; 20.2–5; Op. Macr. 2.3–4; Duo Max. 18.1–3; Tres Gord. 11.1–10; 27.4–8; Trig. tyr. 12.15–18; Claud. 18.1–3; Tacit. 9.1–6; Car., Carin. et Numer. 5.1–3.

<sup>14</sup> Clod. Alb. 3.2–3; 13.5–10; Diad. Ant. 1.4–2.4; Alex. Sev. 53.1, 4–54.6; Duo Max. 18.1–3.; Tres Gord. 4.6–7; 8.1–4; 14.1–4; Duo Valer. 6.1–9; Trig. tyr. 8.8–13; 23.3; Claud. 13.1–14.7; Tacit. 7.2–4; 8.3–5; Prob. 5.3.

<sup>15</sup> В жизнеописании Двух Валерианов указывается, что император Деций созвал совет придворных, *после того как* получил постановление сената (*Duo Valer.* 6.1); в биографии императора Тацита сообщается, что он отправился на Марсово поле, чтобы произнести речь перед воинами, *сразу после* заседания сената (*Tacit.* 7.2).

Сомнение всем этим сообщениям прибавляет то обстоятельство, что практически никогда автор биографии не указывает источник, откуда он цитирует все эти речи<sup>16</sup>. Отметим также, что подавляющее большинство подобных сообщений – где приводится прямая речь – опять-таки встречается именно в последних 12 биографиях сборника, включая и те, где есть точная датировка, о которых речь шла выше: 9 из 11 случаев.

Однако основным предметом рассмотрения данной работы являются описания триумфов, которые встречаются в *SHA*. Всего в биографиях подробно описаны четыре триумфа: императоров Александра Севера (*Alex. Sev.* 41.1–42.6), Галлиена (*Duo Gall.* 8.1–7), Аврелиана (*Aurel.* 33.1–34.6)<sup>17</sup> и Проба (*Prob.* 19.1–8).

К этим описаниям уже *a priori* можно относиться как к сомнительным, фальсифицированным сообщениям. Во-первых, четыре из пяти указанных фрагментов присутствуют в последней дюжине биографий. Эта группа биографий уже традиционно считается исследователями как содержащая мало достоверной информации<sup>18</sup>. Выше мы отмечали, что на долю этих завершающих жизнеописаний приходится подавляющая часть цитируемых писем<sup>19</sup>, а также

---

<sup>16</sup> Лишь в жизнеописании Коммода есть ссылка на Мария Максима как источник «возгласов сенаторов», последовавших за смертью этого императора (*Com. 18.2*), а также в биографии Александра Севера рассказ о заседании сената ведется со ссылкой на «городские новости» (*ex actis urbis – Alex. Sev.* 6.2). Еще в одном случае – приводя возгласы африканцев по поводу будущего императора Гордиана – автор биографии ссылается на «Юния» (*Tres Gord.* 6.6), то есть Юния Корда. Этого автора, упоминания о котором встречаются только в *SHA*, большинство исследователей считают вымышленным, главным образом потому, что в одних случаях он назван Элием Кордом (*Aelius Cordus – Clod. Alb.* 5.10; *Duo Max.* 12.7), а в других – Юнием Кордом (*Junius Cordus – Op. Macr.* 1.3; *Duo Max.* 27.7; *Tres Gord.* 12.1; 14.7; 17.3; 21.3; 22.2; *Max. et Balb.* 4.2; 4.5).

<sup>17</sup> Отдельный пассаж, связанный с триумфом императора Аврелиана: о том, как на этом триумфе вели плененную Зенобию – присутствует в жизнеописании Тридцати тиранов (*Trig. tyr.* 30.24–26).

<sup>18</sup> См., например: *Гаспаров М.Л.* Послесловие // Властелины Рима. М., 1999. С. 776–778.

<sup>19</sup> Выше уже отмечалось, что для 28 писем, из числа приводимых в жизнеописаниях, надежно установлена подложность – здесь подчеркнем, что, в свою

«подлинных» заседаний сената и императорских выступлений с приведением якобы произнесенных на них речей.

Немаловажным обстоятельством представляется и то, что эти последние 12 биографий в значительной мере<sup>20</sup> (по сравнению с предшествующими 18) наполнены всякого рода авторскими отступлениями и рассуждениями самого разного характера: мифологические и географические экскурсы, описания различных уникальных материальных объектов (особой одежды, кулинарных блюд, механизмов и проч.), описание императорских домов и т.д. К этим отступлениям следует относиться либо как к заимствованиям из других источников<sup>21</sup>, либо как к прямому вымыслу биографа<sup>22</sup>.

Итак, само нахождение описаний императорских триумфов в последних биографиях сборника ставит их достоверность под законное сомнение.

Во-вторых, вызывают подозрение описания триумфов так как эти пассажи в литературно-структурном отношении близки к выше рассмотренным описаниям заседаний сената, а также к так называемым «спискам». Связь рассказа о триумфальном императорском шествии и заседании сената наглядно представлена в биографии Александра Севера, где сообщается, что император «прибыл в Рим и, отпраздновав блестящий триумф, прежде всего, произнес в сена-

---

очередь, из них 24 (!) послания цитируются именно в последней дюжине биографий *SNA*.

<sup>20</sup> На последнюю дюжину биографического сборника приходится четыре пятых (!) подобных сообщений.

<sup>21</sup> Так, например, рассуждение по поводу тетрафармакона – особого блюда, изобретенного императором Адрианом (*Hadr.* 21.4), – приводимое в биографии Элия (*Ael.* 5.5), содержит в себе ссылку на Мария Максима.

<sup>22</sup> Так, очевидно вымышленными являются описания якобы находящихся в Риме домов императоров Песценния Нигера (*Pesc.* 12.4) и Бальбина (*Max. et Balb.* 16.1), а также семьи Тетриков (*Trig. tyr.* 25.4): про дом Бальбина сказано, что он располагался на некоем Юпитеровом поле (*in campo Iovis*), которого в реальности никогда не существовало; дом Бальбина, названный «большим и внушительным» (*magna et potens*), ни в каких других источниках более не засвидетельствован точно так же, как и храм Изиды на Целийском холме (*Isium... in monte Caelio*), напротив которого якобы находился дом Тетриков.

те следующую речь<sup>23</sup>», – далее идет «цитирование» этого выступления (*Alex. Sev.* 56.2–9), после чего автор биографии описывает сам триумф.

Что касается «списков», то такое наименование получает авторский прием, когда идет простое перечисление чего бы то ни было: вещей, принадлежащих императору (*Pert.* 8.2–7; *Duo Max.* 27.7–8; *Claud.* 17.1–7; *Aurel.* 12.1; *Prob.* 4.5; *Quadr. tyr.* 15.8), кулинарных блюд и продовольствия (*Clod. Alb.* 11.3; *Claud.* 14.1–5; *Aurel.* 9.6; *Prob.* 4.6), каких-либо людей (*Sev.* 13.1–7) и т.д. Сами списки кажутся довольно сомнительными: прежде всего, два раза (*Clod. Alb.* 11.3; *Duo Max.* 27.7–8) автор, приведя список, ссылается на Корда – автора, в вымышленности которого можно быть уверенным (см. выше прим. 16), а, кроме того, около половины всех «списков», встречающихся в биографиях, приводятся внутри писем<sup>24</sup>.

Что касается описания триумфов, то они как раз во многом и строятся по «списочному принципу»: путем перечисления элементов и участников торжественного шествия, а также цирковых и театральных представлений.

Рассмотрим подробнее все четыре выделенных фрагмента с триумфами. Во всех них можно проследить единый «триумфальный сценарий», состоящий из нескольких частей:

- 1) выступление императора в сенате (*Alex. Sev.* 41.1–10);
- 2) торжественное шествие из сената на Капитолий (*Alex. Sev.* 42.1; *Duo Gall.* 8.1–7; *Aurel.* 34.5)
- 3) совершение священнодействий на Капитолии, произнесение речи перед собравшейся толпой (*Alex. Sev.* 42.1), после чего уход императора в свой дворец на Палатине (*Alex. Sev.* 42.4; *Aurel.* 34.5)

---

<sup>23</sup> *Romam venit triumphoque pulcherrimo acto apud senatum primum haec verba habuit* (*Alex. Sev.* 56.1).

<sup>24</sup> *Claud.* 14.1–5; 16.1–3; 17.1–7; *Aurel.* 9.1–7; 12.1–2; *Prob.* 4.3–7; *Quadr. tyr.* 15.8 (здесь идет список вещей, прилагавшихся к письму).

- 4) раздача даров народу и устройство цирковых и театральных представлений в последующие дни (*Alex. Sev.* 42.6; *Aurel.* 34.6; *Prob.* 19.1–8).

На первый взгляд, подобное единство *повторяющихся* действий проще всего объяснить тем, что все четыре императора – Александр Север, Галлиен, Аврелиан и Проб – строго следовали одной и той же традиции, модели проведения триумфа. Однако учитывая специфику самого источника, изначальное сомнение в подлинности данных сообщений, можно предложить и иное толкование. А именно, что перед нами описание не четырех разных триумфов, но *одного*, по-разному воспроизведенное в жизнеописаниях четырех императоров.

К подобному объяснению подталкивает *распределенное и несогласованное* внимание автора на различные этапы этих четырех триумфов. Действительно, в рассказе о триумфе Александра Севера подробно описано его выступление в сенате (*Alex. Sev.* 41.1–10), а также приводится речь императора перед торжественной толпой на Капитолии (*Alex. Sev.* 42.1) и сообщаются детали перехода Александра с Капитолия на Палатин (*Alex. Sev.* 42.4–5); относительно самого шествия на Капитолий и о представлениях и раздачах на следующий день сказано кратко, одной фразой<sup>25</sup>.

В описании триумфа Галлиена, напротив, подробно повествуется о шествии на Капитолий (*Duo Gall.* 8.1–7), а о речи императора в сенате и о последовавших праздничных представлениях вообще ничего не говорится. Также и в биографии Аврелиана с обилием деталей рассказано о торжественном шествии на Капитолий (*Aurel.* 33.1–34.4), а об отбытии императора на Палатин и о развлечениях,

---

<sup>25</sup> Соответственно: «отпустив сенат, он поднялся на Капитолий» (*dimisso senatu Capitolium ascendit* – *Alex. Sev.* 42.1) и «на следующий день, по окончании цирковых игр и театральных представлений, он затем произвел раздачу народу» (*alia die actis circensibus et item ludis scaenicis deinceps congiarium populo Romano dedit* – *Alex. Sev.* 42.6).

устроенных в следующие дни для народа, сказано опять-таки кратко<sup>26</sup>.

Наконец, в рассказе о триумфе Проба ничего не говорится ни о выступлении в сенате, ни о шествии на Капитолий<sup>27</sup>, зато подробно описаны цирковые зрелища: охота на диких зверей в амфитеатре и гладиаторские бои, – которые были устроены по приказу этого императора.

Итак, весьма заманчиво полагать, что перед автором императорских жизнеописаний было некое повествование о триумфе, где подробно сообщалось о выступлении триумфатора в сенате, о последующем торжественном шествии на Капитолий, о священнодействии там и об устроенных затем театральных представлениях и цирковых играх. Автор, соответственно, разделил это описание на несколько частей, каждую из которых перенес в одну из четырех биографий.

Если наше предположение верно, то эти описания триумфа могут быть очень хорошим примером, иллюстрирующим то, как автор писал (фактически конструировал) свои жизнеописания, а именно, отталкиваясь и делая заимствования из своих источников, он мог переносить полученную информацию о реалиях и событиях, связанных с одними людьми (императорами), на совершенно других, возможно даже разделенных значительным временным периодом.

Выше отмечалось, что именно последние 12 биографий насыщены фальсифицированными письмами и отчетами о заседании

---

<sup>26</sup> Соответственно: «Наконец, лишь в девятом часу он прибыл на Капитолий и поздно вечером – в Палатинский дворец. В следующие дни для народа были устроены развлечения – театральные представления, цирковые игры, охоты, бои гладиаторов, морские сражения» (*Denique vix nona hora in Capitolium pervenit, sero autem ad Palatium. Sequentibus diebus datae sunt populo voluptates ludorum scaenicorum, ludorum circensium, venationum, gladiatorum, naumachiae – Aurel. 34.5–6*).

<sup>27</sup> Лишь на намек на это содержится в указании: «он... во время своего триумфа вел перед собой отряды всех племен, численностью до пятидесяти человек каждый» (*omnium gentium drungos usque ad quinquagenos homines ante triumphum duxit – Prob. 19.1*).

сената и речах императоров, разного рода отступлениями и рассуждениями. Возможно, подобная ситуация объясняется тем, что автор, создавший сборник императорских биографий, находился в ситуации отчасти схожей с той, в какой находятся и современные исследователи. Весьма вероятно, что он так же, как и нынешние антиковеды, располагал весьма скудными нарративными источниками относительно жизни и деяний императоров, царствовавших во второй половине III столетия н.э. Именно поэтому автор начал объединять в одном жизнеописании рассказы о жизни нескольких императоров, поэтому – чтобы «ликвидировать» свою «источниковую лакуну» – он стал вставлять в биографии различные экскурсы и собственные замечания; начал «мультиплицировать» данные источников и переносить их на другие исторические персонажи; стал сочинять речи, которые могли произнести его герои и, наконец, перешел к прямой фальсификации документов.

ДАВЫДКИНА О.И. (САМАРА)

## К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОСТГОТОВ И ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ КРАХА ОСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Распад гуннской державы способствовал росту политического значения остготского племенного союза. К середине V в. остготы находились в Паннонии на правах федератов<sup>1</sup>. Они воевали против различных варварских народов в поисках новых земель, более благоприятных для поселения, чем прежнее место обитания – опустошенная Паннония. В итоге остготы оказались в пределах Иллирика. Известно, что в это время между ними и Римской империей были мирные отношения (*Iord. Get.* CCLXXI). Вскоре остготы создали свое государство на территории Италии.

Наивысшего расцвета государство остготов достигло при его непосредственном основателе Теодерихе, сыне Тиудимера<sup>2</sup>. Каким образом остготы оказались на территории Италии – источники не рисуют единой картины<sup>3</sup>. Диалог между Велизарием (римским полководцем, сражавшимся с готами в Италии)<sup>4</sup> и остготами в Риме, со-

---

<sup>1</sup> Банников А.В. Последние армии Римской империи // ААе. Казань; Н. Новгород; Саратов, 2007. Вып. 2. С. 215–219. Подробнее о федератах см.: Nicolle D. Romano-Byzantine Armies 4<sup>th</sup>–9<sup>th</sup> centuries. L., 1992. P. 4–10; Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491–641 гг. СПб, 2006. С. 60–73.

<sup>2</sup> Martindale J.R. The Prosopography of the Late Roman Empire. Cambr., 1980. Vol. 2. P. 1077.

<sup>3</sup> Ср.: Прокопий утверждает, что Теодерих был отправлен туда Зеноном, так как последний хотел избавиться от опасного вассала и предотвратить очередную атаку готов на Константинополь (*Procop. Goth.* II.6.16). Аноним Вalezия говорит о стремлении императора отблагодарить Теодериха за помощь в борьбе с Василиском (*Anon. Vales.* XI.49). Иордан же свидетельствует, что поход в Италию Теодерих совершил по собственной воле, получив, однако, согласие императора (*Iord. Get.* CCXC–CCXCII). Евагрий Схоластик утверждает, что Теодерих двинулся в Италию самовольно, так как узнал о заговоре императора против себя (*Euag. Scholas. Hist. eccl.* III.27).

<sup>4</sup> Martindale J.R. The Prosopography of the Late Roman Empire. Cambr., 1982. Vol. 3. P. 181.

стоявшийся в 537–538 гг., в котором говорилось, что «если бы готы... могли процитировать формальный договор или разрешение, уполномочивающие Теодериха править Италией, они бы обязательно это сделали» (Procop. *Goth.* VI.6.14), доказывает, что конституционное положение Теодериха никогда не было четко определено. Говорить о статусе готского короля весьма затруднительно. В чем мы можем быть уверены, так это в том, что Теодерих не стал королем италийцев и варваров. В этот период не существовало у италийцев короля. Поэтому в официальных документах единственный титул Теодериха – это титул *rex* без уточнения<sup>5</sup>. Он не называет себя *rex Gothorum*, так как после завоевания Италии в его войско вошли воины из бывшей армии Одоакра, которые являлись представителями различных народов. С другой стороны, такой титул ограничил бы власть Теодериха лишь властью над варварами, исключив италийцев. В то же время он не *rex Romanorum* или *rex Italiae*. Он просто *rex*, без уточнения кого именно<sup>6</sup>.

Показателен еще один пример. Когда Амаласунта, которая управляла остготским государством в 526–534 гг., решила обратиться к помощи Юстиниана, то она предложила ему забрать власть над готами и италийцами (*ibid.* V.1.2; 3.12; 6.19), хотя в действительности сама она такой властью не обладала: с точки зрения римских законов, Амаласунта была королевой готов, а не италийцев. Следует еще вспомнить, что когда в 540 г. Велизарий определенно должен был стать императором Западной империи, то остготы называли его императором италийцев и готов (βασιλεὺς τὸ λοιπὸν Ἰταλιωτῶν αὐτὸς καὶ Γόθων εἴη – *ibid.* VI.29.26). Вряд ли готы могли бы склонить Велизария на свою сторону обещанием более низкого титула. В своем втором предложении Велизарию они пообещали, что готский король сложит свои пурпурные одежды к его ногам и окажет ему почес-

---

<sup>5</sup> Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по *Variae* Кассиодора. М., 2003. С. 44–47.

<sup>6</sup> Томпсон. Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 66.

ти как императору готов и римлян, то есть как императору Западной империи (*ibid.* VI.30.26).

Во всяком случае, каким бы ни был титул Теодориха, известно, что главным для него, предводителя остготов, было победить засевшего в Италии Одоакра<sup>7</sup>. Оказавшись в Италии, остготы селились как военные постояльцы («гости»)<sup>8</sup>. За это вождь остготов был удостоен восточноримским императором Зеноном (474–491 гг.) звания патриция и должности военного магистрата<sup>9</sup>, а его соплеменники могли расселяться на землях, отвоеванных у Одоакра. По просьбе римского сената и папы император Зенон признал Теодориха королем и послал ему знаки королевского достоинства. Более того, Зенон «усыновил» его по оружию (*in arma sibi eum filium adoptavit*) и сделал консулом (*ibid.* 289). Предполагалось, что «сын по оружию» не пойдет войной на своего «отца по оружию» (*Cassiod. Var. I.1*). Теодорих, выступив в Риме перед сенатом, дал обещание сохранить законы, изданные императорами<sup>10</sup>. В общем, он продолжил политику Одоакра и римских императоров в этом регионе<sup>11</sup>.

На протяжении остготского владычества римская аристократия была разделена на два лагеря. С одной стороны, надежды тех, кто мечтал об изгнании готов и освобождении с помощью Восточной римской империи, были связаны с Константинополем; с другой, те, кто были больше привязаны к Риму, чем собственно к империи, мечтали о независимости Италии и стремились к сотрудничеству с готами<sup>12</sup>. Таким образом, итальянское население не было едино в своем отношении к очередным пришельцам.

<sup>7</sup> *Gregory T. Odoacer // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxf., 1991. Vol. 1. P. 1512.*

<sup>8</sup> *Неусыхин А.И. Остготское королевство в Италии // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 15.*

<sup>9</sup> *Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб, 2003. Т. 1. С. 370.*

<sup>10</sup> *Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств. М., 1984. С.170.*

<sup>11</sup> *Wolfram H. The Goths in Aquitaine // German Studies Review. 1979. Vol. 2. No. 2. P. 154.*

<sup>12</sup> *Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 52.*

Как и до завоевания Италии готами, на Востоке и Западе ежегодно назначались два консула, но теперь один из них – остготским королем (*Mal. Chron.* XV.383). В титуле остготского короля присутствовало старое обозначение римских императоров – *Flavius*<sup>13</sup>.

Расселяясь на римских территориях, остготская знать все больше романизировалась<sup>14</sup>. Многие из вождей ценили удовольствия и комфорт, которые давала римская цивилизация, и мечтали любой ценой навсегда покинуть Италию и получить место в византийском обществе вблизи Константинополя. В то же время, именно боязнь того, что им придется уйти из Италии и поселиться вблизи Византии, не позволила основной массе остготов сдаться Велизарии в 540 г. (*Procop. Goth.* VI. 29. 17).

Напомним, что готы по вероисповеданию были арианами. Однако на завоеванной территории они предоставили населению полную свободу религии: они не заставляли италийцев принимать арианское вероисповедание, а если даже кто-либо из готов переходил в католичество, то это никоим образом не каралось. Право католических храмов служить убежищем строго соблюдалось<sup>15</sup>.

Теодерих укреплял и внешнеполитическое положение своего государства через династические браки. Сам он был женат на сестре франкского короля Хлодвига, а король Сигизмунд был женат на дочери Теодориха (*Gregor. Turonen. Hist. Franc.* III.5, 31), одну из своих дочерей он отдал королю везеготов, а другую – королю бургундов, сестру – за вандальского короля (*Procop. Vand.* I.8.12), племянницу – за короля турингов (*Iord. Get.* 297–298). В 508 г. Теодерих оказал помощь вестготам против франков и занял Прованс. Упрочив власть своего малолетнего внука Аталариха на вестготском престоле, Теодерих в качестве регента правил Испанией. В стране находились остготские гарнизоны.

---

<sup>13</sup> Jones A.H.M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // JRS. 1962. Vol. 52. P. 129.

<sup>14</sup> Пржигодзкая О.Ю. Процесс вхождения варваров в состав общества Римской империи: романизация (IV–V вв.) // Мнемон. СПб., 2007. Вып. 6. С. 575.

<sup>15</sup> Томпсон Э.А. Указ. соч. С. 96.

Но эти связи не продержались более одного поколения. Уже в 539 г. франкский король Теодоберт, воспользовавшись войной готов против римлян, несмотря на договор с Византией и готами, вторгся в Италию и опустошил Лигурию и Эмилию. В 514 г. франки укрепились в Северной Италии. (Gregor. Turonen. *Hist. Franc.* III.32). Вандальский король заточил в плен сестру Теодериха, а присланную с ней стражу убил (Procop. *Vand.* I.9.5). Испания стала самостоятельной. В 531 г., после гибели Амалариха в битве с франками, королем стал Теид, прежний остготский правитель страны, занявший теперь независимую по отношению к Остготскому королевству позицию<sup>16</sup>.

После смерти Теодериха его политику продолжали наследовавший ему Аталарих<sup>17</sup> (526–534 гг.) и мать его Амаласунта (534 г.), которая сначала выступала в качестве регента при сыне, а потом, правда, на короткий срок и королевой. Когда Аталарих, внук и наследник Теодериха, в 526 г. объявил императору Юстину<sup>18</sup>, что собирается занять трон деда, то он также выразил надежду, что Юстин удостоит его своей дружбы «на тех же договоренностях и условиях», на которых он и его предшественник строили свои отношения с Теодерихом.

И Аталарих, и Амаласунта продолжали политику Теодериха. Более того, Амаласунта в своей внутренней политике предприняла шаги, направленные на сближение с римской знатью. Проримская позиция королевы встретила противодействие со стороны части готской знати, внешним выражением которой явилось требование отказаться от чуждого готским традициям чисто римского воспитания малолетнего короля. Дальнейшие события знаменовали собой отсутствие стабильности и рост внутренних противоречий в правящей верхушке остготской Италии – вынужденная уступка Амала-

---

<sup>16</sup> Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2007. С. 66.

<sup>17</sup> Martindale J.R. Op. cit. Vol. 2. P. 175.

<sup>18</sup> Kaegi W.E., Cutler A. Justin I // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxf., 1991. Vol. 1. P. 1082.

сунты, а затем репрессии против руководителей готской оппозиции, тайные переговоры королевы с Юстинианом, ее обещание предоставить византийскому императору Юстиниану власть над Италией (то, что ему и так принадлежало по закону), замужество Амаласунты за племянника Теодериха Теодата, который вскоре лишил свою жену власти, а затем и жизни (Iord. *Get.* 305–308). Последнее и стало предлогом войны римлян с остготами. В июне 535 г. началась война, через 18 лет закончившаяся гибелью Италии и поражением остготов.



# **ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ**

ЧЕРВЯЦОВ Е.В. (КАЗАНЬ)

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ  
О КУЛЬТАХ ФРАКИЙСКОГО ГЕРОЯ И АРЕСА:  
ВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ**

В отечественной и западной историографии разнообразные аспекты вопроса, связанного с фракийским конным божеством охоты, которого по традиции<sup>1</sup> еще называют Хэросом или Героем, исследуются уже достаточно давно. В XX в. изучение этого культа проходило в нескольких направлениях: от рассмотрения отдельных аспектов культа в работе А. Кука<sup>2</sup> историография прошла путь к фундаментальному исследованию Г. Кацарова, изучившего материалы 1128 рельефов со всей территории древней Фракии и Мёзии и выявившего увеличение частотности их расположения к югу и юго-востоку региона, то есть на территории, сопредельной древнегреческим государствам<sup>3</sup>. Именно Г. Кацаров первым высказал предположение о связи Хэроса едва ли не со всеми божествами греческого пантеона<sup>4</sup>, а также с героем-конником времен Троянской войны Резом<sup>5</sup>. В трудах Д. Дечева содержатся рассуждения об этимологии фракийского имени бога, о воздействии фракийского теонима на образование греческого понятия «герой»<sup>6</sup>. Д. Дечев первым приписал Хэросу хтонические, загробные свойства, говоря о функции «ловца душ», которые тот сопровождал в подземное царство, чтобы приобщить к себе<sup>7</sup>. В статьях М. Мирчева, изучившего

---

<sup>1</sup> В соответствии с данными фрако-греческих votivных надписей из района Варны, датированных II в. до н.э. – I в. н.э.

<sup>2</sup> Cook A. Zeus. Cambr., 1914. Vol. 1. P. 269–279.

<sup>3</sup> Kazarow G. Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938. Bd. 1. S. 3.

<sup>4</sup> Ibid. S. 3–15.

<sup>5</sup> Штаерман Е.М. Религия и мораль угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 251.

<sup>6</sup> Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 200.

<sup>7</sup> Дечев Д. Тракийският Херос като бог-ловец // Списание на българската Академия на науките. София, 1945. Кл. ист.-фил. Т. 33. С. 186–198.

два вотива из района Варны, прослеживается попытка объяснить смысл одного из эпитетов Хэроса – «Перкон»<sup>8</sup>, связанного этимологически с именами грозовых божеств хеттов (Пирва), балтов (Перкунас) и славян (Перун)<sup>9</sup>. В работе Ф. Шахермейра отмечены параллели между образами и культурами Героя и Посейдона<sup>10</sup>. Развивая идеи Г. Кацарова и Ф. Шахермейра, Э. Вилль на богатом археологическом материале из Фракии и других областей Европы показал, что в образе всадников могли изображаться самые различные божества<sup>11</sup>, а также ввел в научный оборот некоторые доримские изображения, определив тем самым нижнюю хронологическую границу возникновения культа более ранним временем<sup>12</sup>.

Существенный вклад в изучение культов богов-всадников внесла историк и этнограф Ф. Ле Ру. Разрешая поставленную предшественниками проблему о сущности культа, она выдвинула смелое предположение о том, что конь для всех индоевропейцев являлся одновременно и солярным (связанным с возрождающимся солнцем и победой над злом), и хтоническим (связанным с культом мертвых) божеством<sup>13</sup>. Вместе с тем Ф. Ле Ру попыталась доказать, что конь у индоевропейцев всегда был божеством, связанным с царской властью и кастой воинов<sup>14</sup>.

Систематическое обобщение и критический анализ источников и литературы по проблеме фракийского и близкого ему дунай-

<sup>8</sup> *Мирчев М.* Гръцки епиграфски паметници от черноморското крайбрежие и вътрешността // Известия на Варненското Археологическо дружество. Варна, 1951. Кн. 8. С. 21; *idem.* Нови епиграфски паметници от Черноморието // Известия на Варненското Археологическо дружество. Варна, 1960. Кн. 11. С. 44. № 23.

<sup>9</sup> *Гундин Л.А.* Население гомеровской Трои. М., 1993. С. 30–36; *Гундин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 254–256.

<sup>10</sup> *Schachermeyr F.* Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Salzburg, 1950.

<sup>11</sup> *Will É.* Le relief culturel gréco-romain. P., 1955. P. 104.

<sup>12</sup> *Ibid.* P. 60.

<sup>13</sup> *Le Roux F.* Le cheval divin et le zoomorphisme chez les Celtes // *Ogam.* P., 1955. Vol. 7. P. 102–120.

<sup>14</sup> *Idem.* Notes d'histoire des religions // *Ogam.* P., 1955. Vol. 7. P. 293.

ского всадника провела Е.М. Штаерман. Особое значение имеют ее выводы о многочисленных связях культа конного Героя с культурами Сильвана, Диониса, Аполлона, Посейдона, Дианы, Асклепия, нимф, Немезиды, императора-победителя, Юпитера и что особенно важно для нас – Ареса и Марса. Она подробно рассмотрела вопрос о так называемом «совете» Героя, сравнивая его с *Marti amico consentienti* (CIL. III.1061) и другими подобными «советами». Датируя время наибольшей популярности культа всадников на Рейне и Дунае серединой II–III вв. н.э., исследовательница определила его доримскую древность. Соглашаясь с основными позициями Ф. Ле Ру о солярно-хтонической природе коня, символизирующего плодородие, Е.М. Штаерман выделяет и такие специфические персонажи, которые изображались вместе с всадником, как кабан, олень, дерево, змея, слуга, женщины, собака, лев, бык, баран и козел. В то же время она отметила связь Героя, наделенного функцией охотника, с лесными богами. Существенное значение для нас имеют разделение культов фракийского «охотящегося» и дунайского «военного» всадников и выявление социального состава лиц, почитавших последнего: цари, знать, дунайско-фракийские магистраты и военные<sup>15</sup>.

В дальнейшем отечественная историография исследовала культ всадника в основном в двух аспектах: во-первых, в сравнительно-лингвистическом гомероведческом<sup>16</sup> и, во-вторых, в северо-причерноморско-боспорском<sup>17</sup>.

Сравнительно-сопоставительный анализ культов Хэроса и Ареса необходимо предпринять для того, чтобы выяснить, имеет ли какое-нибудь отношение общеиндоевропейский культ всадника

<sup>15</sup> Штаерман Е.М. Указ. соч. М., 1961. С. 224 слл.

<sup>16</sup> Гиндин Л.А. Указ. соч. М., 1993; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Указ. соч. М., 1996.

<sup>17</sup> Белецкий А.А. «Благосклонно внемлющий герой» в Ольвии // ВДИ. 1969. № 1. С. 155–161; Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001; Крыкин С.М. К вопросу о существовании культа конного героя на Боспоре // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 73–81.

к генезису культа Ареса у микенских греков; какие сходные черты мы можем обнаружить этих двух культов; является ли Арес аналогом Хэроса в эллинской религии. Считая хтоническо-солярную сущность фракийского и дунайского всадников вполне доказанным фактом, мы не ставим перед собой задачу изложить все аспекты культов Героя и Ареса, а потому рассмотрим лишь отдельные элементы, значимые для установления их возможного тождества. Для начала отметим, что совпадение атрибутов Ареса и Героя четко прослеживается по материалам письменных источников<sup>18</sup>.

В историографии культа Ареса особого внимания (с точки зрения сопоставления его с культом Героя) заслуживают статья Э.Д. Юра «Арес в Коронее», посвященная чернофигурной лекане из Южной Беотии (датируется последней четвертью V в. до н.э.<sup>19</sup>), и труды Г. Надя по греческой мифологии и поэтике, косвенно затрагивающие проблемы культа.

Основным сюжетом изображения на лекане, описанного Э.Д. Юра, является бой Геракла с Кикном, на стороне которых выступают соответственно Афина и Арес<sup>20</sup>. Подчеркивая хтоническое начало изображенного на лекане мужского военного божества, Э.Д. Юра обращает внимание на то, что рисунок на сосуде изобилует растительностью (пальметты, мясистые лотосы) и свастиками,

<sup>18</sup> Конь: *Hom. Il.* II.764–767; IV.440–445; V.355–363; XV.113–120; *Hom. Hymn.* VIII.7; *Hesiod. Scut.* 191–192, 337; *Pseudo-Hdt. Il. Min. frg.* 2; *Antimach. frg.* 45; *Callim. Hymn.* IV.55–69, 275–282; *Apollod. Epit.* II.5; *Philostrat Major.* 29.2; *Paus.* V.15.4. Копье: *Hom. Il.* XIII.441–444, XV.604, XVI.543; XXI.392–402; *Hom. Hymn.* VIII.3; *Orph. Hymn.* LXV.6; *Hesiod. Scut.* 193; *Pind. Pyth.* I; *Nem.* X; *Bacchyl. Nem.* XIII; *Timoph. Pers. frg.* 12.21–25; *Apollon. Rhod.* 1187; *Callim. Hymn.* IV.133–147; *Clem. Alex. Protr.* IV.46.4. Лев: *Hesiod. Scut.* 168–169, 177, 426; *Euripid. Rhes.* 50–60; *Aisch. Choeph.* 937–938. Собака: *Clem. Alex. Protr.* II.29.2. Вепрь: *Hesiod. Scut.* 168, 177. *Paus.* III.14.9. Змея, дракон: *Apollod. III.4.1.* *Paus.* IX.10.5. *Paleph. De incred.* III–IV. *Apollon. Rhod.* 1269, 1280–83. Дерево: *Paus.* II.25.1, III.22.5. *Apollod.* I.9.1, 16.

<sup>19</sup> *Ure A.D. Ares in Coronea // JHS.* 1935. Vol. 55. P. 79–80.

<sup>20</sup> О сюжете борьбы между Гераклом и Кикном, которого часто считают сыном Ареса, см. специально: *Селиванова Л.Л.* Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях античности) // *Человек и общество в античном мире.* М., 1998. С. 395.

а вокруг священного камня художник изображает рощу. Всадник-Арес расположен в этой композиции на большой скале. Отметив присутствие на сосуде деревьев и коней, обратим внимание и на другие обстоятельства. Во-первых, один из эпитетов Героя – «Перкон» – происходит от слова, имеющего значение «камень, скала»<sup>21</sup>. Во-вторых, высокая плотность размещения на сосуде свастик вновь возвращает нас к длительному спору о том, был ли Герой солярным или хтоническим божеством. Уверенно трактуя Ареса-всадника на чернофигурном коронейском лекане как божество хтоническое<sup>22</sup>, Э.Д. Юра не придала значения тому, что сам лекан имеет круглую форму солнца, а свастика во многих индоевропейских культурах традиционно интерпретировалась как солярный символ, знак света и щедрости<sup>23</sup>.

Еще более любопытные рассуждения представил Г. Надь. Анализируя смысл эпитета «служитель Муз» (см.: Hesiod. *Theog.* 100), он выдвигает гипотезу, что именуемый таковым Гесиод непосредственно отождествляет себя с Музами и подразумевает под этим не только ритуальную смерть, но и свое посмертное почитание в форме героического культа<sup>24</sup>. Выводя греческий эпитет *therapon* из хеттско-анатолийского *tarpanalli* («заместитель»), Г. Надь сопоставляет его с родовым эпитетом гомеровских воинов – «служитель Ареса» (Hom. *Il.* II.110; VI.67), отождествляющим героя в момент его смерти с богом войны<sup>25</sup>.

Обращаясь к источникам, мы видим, что восприятие мужского военного божества как Ареса-«губителя» и Ареса, «ненасытимого кровью», было у греков довольно распространено (Hom. *Il.* II.651; IV.441; V.31; V.455; V.518; V.704; V.909; VI.203; VII.166; VII.264; VIII.394; XI.295; XII.130; XIII.298; XIII.444; XIII.521; XIII.806;

<sup>21</sup> Гундин Л.А. Указ. соч. С. 30–31.

<sup>22</sup> *Ure A.D.* Op. cit. P. 80.

<sup>23</sup> Сыркин А.Я. Свастика // Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 490.

<sup>24</sup> *Nagy G.* The Best of Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. Baltimore, 1979. P. 297.

<sup>25</sup> Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002. С. 73.

XVII.259; XX.78; XXI.421; XXIV.498; *Od.* VIII.115; *Orph. Hymn.* LXV.3; *Hesiod. Scut.* 192, 333, 425; *Pseudo-Heraclit. Ep.* VII.6; *Aesch. Agam.* 642; *Suppl.* 667, 678; *Soph. El.* 96; *Call. frg.* 194.36–37; *Philostrat Major.* 29.2). Источники фиксируют и посвященные Аресу человеческие жертвоприношения (PY Tn 316 verso 7; *Schol. Pynd. Olymp.* II.82; X.15; *Apollod.* III.6.7, *Epit.* II.4–5; *Philostrat Minor.* 10.5). Кроме того, руководствуясь концепцией Д. Дечева о Герое как «ловце душ», мы не можем не обратить внимания на употребляемый Софоклом применительно к Аресу эпитет «ловец» (*Soph. El.* 1385). Современник Софокла – Еврипид – называет Ареса «промыслителем» (*Eur. Andr.* 1013–1014) и говорит о его спасительных функциях при посмертном перемещении душ на Острова блаженных (*Eur. Bacch.* 1330–1339). Как и Эсхил, Еврипид называет Ареса судьей и не раз вспоминает об Ареевом «судном» холме в Афинах (*Aesch. Sept.* 910; *Eur. Phoen.* 1031). Не случайно, в период активизации контактов греческих полисов с Фракией великие афинские трагики гораздо более глубоко, чем их предшественники (Гомер, Гесиод, Пиндар и др.), изучили образ греческого мужского военного божества, уловив близость «ловца» ахейских героев с Героем фракийских племен.

Таким образом, мы можем заключить, что существовало некоторое родство культов фракийского и, особенно, дунайского всадников с культом греческого мужского военного божества. Эту тему мы и планируем исследовать в дальнейшем.

КРАСНОБАЕВА Ю.Е. (МОСКВА)

## **ИНСТИТУТ ВДОВИЦ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ**

Мы решили обратиться к исследованию раннего христианского института вдовиц<sup>1</sup>, когда при изучении диаконата столкнулись с пусть и не принятым широко мнением, что упоминаемые в раннехристианских текстах вдовицы суть то же, что диакониссы. Этой точки зрения придерживается прот. П. Преображенский: «Диакониссы, хотя были девственницами, назывались вдовами, потому что в первые времена Церкви обыкновенно избирались в эту должность вдовы»<sup>2</sup>. Мы посчитали необходимым разобраться в этом вопросе и определить как отношения между этими институтами, так и роль института вдовиц в ранней Церкви.

Специальных работ, посвященных исследованию института вдовиц, не существовало. Даже крупные исследователи истории Церкви ограничиваются лишь их упоминанием, как, например, М.Э. Поснов, который говорит о вдовицах лишь как о не причисляющемся к клиру институте<sup>3</sup>.

Самым «многословным» в этом смысле исследователем может считаться лишь И.С. Свенцицкая. Она не считает вдовиц диакониссами, но относит этот институт к раннеиерархическим, впоследствии не получившим развития. В разбираемом ниже фрагменте из Первого Послания Тимофею исследовательница видит эпизод поставления не вдовиц вообще, а старшей над ними. И.С. Свенцицкая оговаривается, что функции такой «избираемой вдовицы не вполне ясны», но считает, что «упоминание избрания вдовицы говорит о поисках организационных форм, о появлении различных

---

<sup>1</sup> Здесь и далее мы будем называть представительниц особого раннехристианского института вдовицами, в отличие от вдов в обычном смысле.

<sup>2</sup> Писания Апостольских мужей / Пер. прот. П. Преображенского. Киев, 2001. С. 307. Прим. 1.

<sup>3</sup> *Поснов М.Э.* История христианской Церкви (До разделения Церквей 1054 г.). М., 2005. С. 335.

должностей внутри христианской экклесии – одни из них закреплялись в дальнейшей практике, другие – отмирали»<sup>4</sup>.

В нашей работе мы изложим имеющиеся в источниках сведения о вдовицах и докажем, что институты диаконисс и вдовиц – явления совершенно различные. И довольно несложно показать, что институт вдовиц – выборный в целом, а не только в своем «руководстве».

Наиболее ранние упоминания раннехристианского института вдовиц – это новозаветные тексты – Деяния Апостольские и Первое Послание к Тимофею.

В *Act.* 9:39, 41 содержится знаменитый эпизод воскрешения Тавифы Петром. Когда Апостол приходит в дом умершей, его встречают члены христианской общины и некие вдовицы, в которых наиболее логично усмотреть именно представительниц этого морального раннехристианского института, во-первых, исходя из благотворительной роли самой Тавифы в общине – вполне естественно, что за ней, умирающей, ухаживали вдовицы, о которых она пеклась; а во-вторых, исходя из того, что в обязанности вдов, помимо тех, о которых речь пойдет ниже, входил подобный уход за больными: «Когда он (Петр – Ю.К.) прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы (χήραι) со слезами предстали перед ним ... Он, подав ей (Тавифе – Ю.К.) руку, поднял ее; и, призвав святых и вдовиц (τοὺς ἀγίους καὶ χήρας), поставил ее перед ними живою».

Второе упоминание гораздо более обширно и подробно и, несомненно, содержит ценную информацию об институте вдовиц. Мы получаем сведения о необходимых для вдовицы моральных качествах, о том, что вдовицы – это избираемый институт, о возрастной границе избрания вдовиц. Мы впервые получаем информацию, что вдовицы – это моральный раннехристианский институт, основанный на выборных началах, в том смысле, что для принятия этого статуса женщине необходимо было иметь проверенные, надежные, подтвержденные и определенные моральные качества и добродетели.

---

<sup>4</sup> Свенцицкая И.С. От общины к Церкви (О формировании христианской Церкви). М., 1985. С. 137.

тели, риск нарушения которых должен был быть минимальным. Такая надежная моральная основа была необходима, так как вдовицы содержались за счет общины, на ее пожертвования, и Церковь в данном случае должна была заботиться только о достойных. Кроме того, как мы увидим впоследствии, сама забота о вдовицах означает своего рода служение Господу. В источнике сообщается следующее: «Вдовиц почитай, истинных вдовиц (χήρα τίμα τὰς ὄντως χήρας). Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу. Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; а сластолюбивая заживо умерла. И сие внушай им, чтобы были беспорочны. Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекается от веры и хуже неверного. Вдовица должна быть избираема (καταλεγέσθω) не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам, если она воспитывала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу. Молодых же вдовиц не принимай; ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению; потому что отвергли прежнюю веру. Притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак, я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию: ибо некоторые уже совратились вслед сатаны. Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать и не обременять Церкви, чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц (ὡς καὶ ταῖς ὄντως χήραις ἐπαρκέσῃ)» (I Т. 5:3–16).

То, что раннехристианская община брала на себя заботу о вдовицах, подтверждается известным эпизодом поставления семи: «...произошел у еллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей» (Акт. 6:1).

Более поздние упоминания содержатся в посланиях Игнатия Богоносца: «Приветствую дома братьев моих с их женами и детьми, и девственницами, именуемыми вдовицами (χήρας)» (Ignat. *Smyr.* 13). «Вдовицы (χήραι) не должны быть пренебрегаемы. После Господа ты (Поликарп – Ю.К.) будь попечителем их» (Polyc. 4).

Нравственная характеристика вдовиц содержится в Послании Поликарпа Филиппийцам: «...будем учить и вдов, чтобы они здраво судили о вере Господней, предстательствовали непрестанно за всех, удалялись всякой клеветы, злоречия, лжесвидетельства, сребролюбия и всякого порока, и знали, что они – жертвенник Божий» (Polyc. *Phil.* 5). Мы видим, что в раннехристианских общинах вдовицы исполняли роль своего рода «копилки» благотворительности и добродетельной помощи. Они должны были быть достойны помощи общины по своим моральным качествам, а сами в свою очередь предоставляли членам христианской общины возможность дополнительно служить Богу через помощь вдовицам и своими молитвами «предстательствуют» за всех.

Характеристика вдовицы как «жертвенника Божьего» содержится и в таком интереснейшем памятнике как Постановления Апостольские, где институту вдовиц посвящена отдельная глава. Здесь необыкновенно ярко подтверждается приведенная выше мысль о нравственном «очистительно-служительном» статусе этого раннехристианского института: «Да знает вдовица, что она есть жертвенник Божий, и пусть сидит в доме своем, и ни под каким предлогом не ходит в дома верующих, чтобы получить что-нибудь, ибо жертвенник Божий никогда не ходит, но стоит на одном месте. Ни дева, говорим, ни вдовица да не ходит или не таскается по чужим домам, ибо подобные им не покоят ног своих на одном месте (*Prover.* 7:11), потому что они не вдовицы, но сумицы (μη χήρας, ἀλλὰ πῆρας), т.е. склонны брать, болтливы, злоречивы, сплетницы, наглы, бессовестны. Которые таковы, те недостойны Призвавшего их» (*Const. Apost.* III.6). «Ни о чем другом пусть не заботится вдовица, кроме молитвы за подающих и за всю Церковь» (*ibid.* III.5). «А которая желает устремить ум к Богу, та, сидя дома, помышляет о

Господнем, ночью и днем непрестанными устами принося Богу чистую молитву» (ibid. III.7). «И вдовица пусть молится за давшего, кто бы он ни был, ибо она – святой жертвенник Божий» (ibid. III.14). Более того, в связи с представлением вдовиц как «жертвенника Божиего», по аналогии со служением культовым, т.е. при жертвеннике, служение вдовицы называется словом *λατρεία*: «такая вдовица, подвязавшись в стяжании денег, вместо Бога служит мамоне (*λατρεύει τῷ μαμωνᾷ*), рабствует корысти (*δουλεύει τῷ κέρδει*), но быть благоугодною Богу и послушною служениям (*ταῖς λατρείας*) Его не может» (ibid. III.7).

В целом глава Постановлений Апостольских, посвященная вдовицам, – это выдержки из Первого Послания Тимофею, дополненные необходимыми злободневными комментариями. Также даются необходимые указания относительно возраста вдовиц: «А вдовиц поставляйте не менее как шестидесятилетних, чтобы, судя по возрасту, вы некоторым образом с основательностью не подозревали, что они вступят во второй брак» (ibid. I.1). Если молодая, женщина вступает во вдовичество и, переоценив свои силы, поддастся искушению и вступает во второй брак, то она «причинит бесславию славному сонму вдовическому» (ibid. III.1). Однако относительно молодых вдовиц постановления Апостольские не столь строги, как Послание к Тимофею. Если молодая вдова считает себя в силах нести этот статус в качестве вдовицы и если, что немало важно, она имеет «дар (*δῶρον*) вдовства» (ibid.), то стремление ее нужно поощрить и поддержать: «Если же какая молодлица, пожив малое время с мужем, после того как лишится его через смерть или по другому какому случаю, пребудет одинокою, имея дар вдовства, то окажется блаженною, подобною вдовице Сарепты Сидонской, у которой пребывал святой пророк божий Илия... Таковая, получив одобрение, будет почтена и как на земле будет иметь славу от людей, так и на небесах – вечную хвалу от Бога» (ibid.).

Вдовица должна обладать высокими моральными качествами: «Истинные же вдовицы суть одномужние, известные очень многим по добрым делам, истинно вдовицы, целомудренные, непорочные,

верные, благочестивые, хорошо воспитавшие детей и беспорочно принимавшие странных» (ibid. III.3). Да будет же всякая вдовица кротка, молчалива, тиха, не злобна, не гневна, не многоглаголива, не криклива, не болтлива, не клеветница, не скоро на язык, не двуязычна, не охотница вмешиваться в чужие дела» (ibid. III.5).

Как уже упоминалось, вдовицы, как и другие категории нуждающихся, существуют на пожертвования членов общины: «...а всякую десятину приносить на пропитание прочих клириков, и девственников, и вдовиц (χήρων)» (ibid. III.30).

Вдовицы получают помощь от общины, но они не должны ею злоупотреблять и стяжать во имя вдовства: «...у таких вдовиц уши сердца заключены не на то, чтобы, сидя дома под кровлями своими, беседовать с Господом, но чтобы, обходя дома ради прибытка, чрез болтовню исполнять желания диавола. Такие вдовицы не могут быть сравниваемы с жертвенником Христовым. Ибо есть некоторые вдовицы, которые всю деятельность свою полагают в доходах, а как они просят бессовестно и принимают с жадностью, то многих уже сделали ленивейшими к подаянию. Надлежало бы им довольствоваться церковным пособием по мере надобности; они, напротив, обходя дома богатых, потрясают их, и, собирая себе много денег, отдают их взаймы с большими процентами, и заботятся об одной мамоне» (ibid. III.7).

Не должна вдовица знать зависти и ревности по отношению к своим совдовицам, которых пособие от общины больше. В Пост. Апост. III.13 приводится молитва за совдовицу: «Благословен еси, Боже, ожививый совдовицу! Благослови, господи и прослави послужившего ей (τὸν διακονήσαντα), и дело его да взыдет к Тебе во истине, и да помянешь его во благо в день посещения его; [благослови и прослави] и епископа моего, добре послужившего (λεϊτουρήσαντα) Тебе и научившего бытию благовременней милостыни состарице моей, нагой сущей. Приложи ему славу, и даждь ему венец радования в день откровения посещения Твоего».

Во избежание упреков и зависти, а также во имя соблюдения завета «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы

милостыня твоя была втайне» (*Mt.* 6:3,4), благотворителям желательно скрывать свое имя (*Const. Apost.* III.14).

Теперь вернемся к тождеству между вдовицами и диакониссами. Из текста Постановлений Апостольских явственно следует, что такого тождества просто не может быть. Так как, во-первых, очевидно, что институт вдовичества относился к разряду неиерархических служений. Вдовицы выбирались, но не рукополагались: «И я, Левий, прозванный Фаддеем, постановляю о вдовицах сие: вдовица не рукополагается, но если она издавна потеряла мужа, и жила целомудренно и безукоризненно, и отлично занималась домашним, как чеснейшие Иудифь и Анна, то да примется в сонм вдовиц» (*ibid.* VIII.25). Во вдовичество принимались женщины исключительно согласно их моральным качествам и никаким обязанностям, кроме соблюдения нравственности, некоторой богоугодной деятельности (странноприимства, ухода за больными и др.) и молитв за членов общины, они не несли. Тогда как диакониссы – это иерархическое служение, по своему статусу почти приравненное к диаконату.

Во-вторых, вдовицы как раз и состояли под прямым надзором диаконисс, и призрение вдовиц относится к прямым обязанностям последних: «Итак, вдовицы должны быть степенны, покорны епископам, и пресвитерам, и диаконам, а сверх сего – диакониссам» (*ibid.* III.8).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что вдовицы не имеют с диакониссами ничего общего. Вдовичество представляло собой раннехристианский неиерархический моральный институт. Вдовицы – женщины, чаще всего, достигшие почтенного возраста, уважаемые и достойные, которым община оказывала материальную помощь, что, разумеется, является богоугодным делом. А вдовицы, блюдя нравственность, чтобы быть достойными своего высокого звания, молились за членов общины и исполняли посильные богоугодные обязанности.

РОЗЕНБЛЮМ Е.М. (МОСКВА)

## **ИДЕАЛ ПОВЕДЕНИЯ МУЧЕНИКА В ПОЭМЕ ПРУДЕНЦИЯ «О ВЕНЦАХ»**

IV в. н.э. представляет собой уникальный период в истории Церкви и всей европейской цивилизации. В результате религиозной реформы Константина возникли новые отношения между Церковью и Империей, которые стали мощным творческим стимулом развития христианской литературы. Не случайно IV в. называют «золотым веком патристики». Перед церковными авторами встала задача осмыслить не только сложившуюся ситуацию, но и эпоху гонений.

Одной из актуальных для этого времени интеллектуальных задач было создание агиографического канона; он должен был зафиксировать образцовые поведенческие модели, все вместе составляющие образ идеального христианина. А поскольку святой для Церкви IV в. – это прежде всего мученик, именно описания жизни и подвига жертв недавних гонений сформировали этот канон.

Первым таким произведением стала написанная по-гречески «Церковная история» Евсевия Кесарийского, которая была переведена на латинский язык и продолжена Руфином Аквилейским<sup>1</sup>. Идущая от Евсевия традиция прижилась на латинской почве, но в иной форме. Латинские авторы, создавшие крупные литературные произведения, посвященные мученикам, были, за исключением Виктора Витенского, поэтами, а не историками. Мартирологические поэмы создали Павлин Ноланский, Григорий Турский, Виктриций из Руана. На этом фоне выделяется имя Аврелия Пруденция Климента, который остался непревзойден ни по поэтическому достоинству, ни по объему своей поэмы.

Эта поэма, озаглавленная по-гречески *Περὶ στεφάνων* («О венцах»), состоит из 14 гимнов, независимых по сюжету, но связанных

---

<sup>1</sup> Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 84.

между собой концептуально. Проанализировать поведение мучеников и выявить те черты, которые Пруденций преподносит как присущие святому, составляет задачу данной статьи.

*§1. Образ жизни мучеников до осуждения*

Герои Пруденция не только мужественно переносят пытки и побеждают смерть. Они и до своего подвига исполняют обязанности хороших христиан. Так, герой десятого гимна Роман, узнав о грядущем гонении, ободряет братьев по вере, «увещевает робких, дабы они были готовы и не уступали буре» (*Prudent. Perist.* X.51–55). Подобным образом укрепляет свою паству перед гонениями и св. Киприан Карфагенский (*ibid.* XIII.38–48), которому посвящен тринадцатый гимн поэмы «О венцах». Киприан обещает быть для верных «вождем в пролитии крови» и укрепить их собственным примером. Здесь уместно вспомнить, что в «Постановлениях апостольских» – памятнике, представляющем собой сделанную около 380 г. компиляцию из нескольких литургико-канонических текстов I–III вв. (интересующая нас книга V – это почти дословное изложение составленных в первой половине III в. «Дидакалий»)² – сказано, что мученик своим примером укрепляет оглашенных и новокрещенных (*Const. Ap.* V.6), т.е. тех, за чье возрастание в вере несет ответственность вся община. Понятно, что епископ отвечает подобным образом не только за них, но и за всех христиан своей Церкви, что мы и видим на примере св. Киприана. Квирин, епископ сиссийский, уже находясь на пороге смерти, тоже укрепляет в вере свою паству и умоляет ее не бояться мученичества и не считать смерть наказанием (*Prudent. Perist.* VII.41–45).

Но не только укрепление других верующих составляет обязанность мучеников. Епископ Фруктуоз, когда ему, ведомому на казнь, кто-то предложил пить, отказывается, потому что даже на пороге смерти продолжает соблюдать пост (*ibid.* VI.52–57). Кроме того, он смиренно отвергает заботу о себе: когда один из христиан

---

² Желтов М.С. Апостольские постановления // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 113.

попытался снять сандалии с ног Фруктуоза<sup>3</sup>, епископ воспрещает ему и разувается сам (ibid. VI.73–81).

Анализ того, как ведут себя в обычной жизни, т.е. до того как будут призваны на свидетельство кровью будущие мученики, может частично раскрыть нам тот процесс пересмотра ценностей, который проходил в стремительно христианизирующемся античном мире во времена Пруденция. Поскольку эти черты поведения не являются для Пруденция главными, а встречаются в его поэме мимоходом, как само собой разумеющиеся, я постараюсь показать и другие источники, современные или немного более ранние, где утверждаются эти новые ценности.

В десятом гимне мученик Роман под пыткой говорит: «не кровь родителей и не декрет сената сделали меня *благородным*; *облагораживает* мужей достославное учение Христа. Если ты проследишь в порядке родословия, от кого мы приходим первоначально, то (найдешь, что) мы приходим от Отца (нашего) Бога. Кто служит Ему, тот истинно *благороден*; кто противится Отцу (своему), тот – выродок. <...> Язви члены мои, дабы я сделался *благороден*: если я украшусь сими отличиями, то я ни во что вмещаю род отца и матери» (ibid. X.123–130, 138–140). В этом не очень длинном отрывке Роман трижды произносит слово *nobilis* и один раз однокоренной глагол<sup>4</sup>.

Мы видим, что в этом месте Пруденций переосмысляет такую традиционную для римского общества категорию как *nobilitas* и вкладывает в нее новый – христианский – смысл. Теперь знатность – это христианское благочестие. В одиннадцатом гимне поэт резюмирует этот переворот такими словами: «К патрициям, исполненным в равной степени религиозной ревности, присоединяется фаланга плебеев, имеющих одинаковое вооружение; ибо вера уничтожает различие по происхождению» (*Perist.* XI.200–202).

<sup>3</sup> По мнению А.-М. Палмер (*Palmer A.-M. Prudentius on the martyrs. Oxf., 1989. P. 218. Note. 28*), это обычная подготовка к сожжению. Ср.: *Mart. Polyc.* 13.2.

<sup>4</sup> PL. 60, 454–455.

Новое отношение к знатности присутствует и у Иеронима Стридонского, когда он говорит о знатной и благочестивой римлянке Павле. Хотя Иероним и не говорит о том, что подлинная знатность – это благочестие, но подходит к этому вплотную. «Знаменитая своим родом, она еще знаменитее стала своим благочестием. Славная некогда своими богатствами, ныне еще славнее сделалась она нищетою Христовою. Отрасль Гракхов и Сципионов, наследница Павла Емилия, имя которого и сама носила, истинная и достойная ветвь Марции Папирии, матери Африканского, она предпочла Вифлеем Риму и блиставшие золотом палаты променяла на убогую хижину. <...> Пусть другие начинают речь свою издалека, от самого младенчества Павлы и, так сказать, от первых ее игрушек; пусть выставляют мать ее Блезиллу и отца Рогата, из которых первая есть отрасль Сципионов и Гракхов, а последний ведет род свой, как еще и доселе помнят во всех почти Грециях, от знатной и богатой фамилии Агамемнона, сокрушившего десятилетнею осадой Трою. Мы будем хвалить в Павле только то, что собственно ей принадлежит и истекает из чистого источника святой души ее» (Hieron. *Ep.* 108.1, 3)<sup>5</sup>.

Старший современник Пруденция, чьи труды не могли не быть знакомы поэту, св. Амвросий Медиоланский переосмысляет старинное римское понятие *dignitas* тем же образом, каким Пруденций переосмысляет понятие *nobilitas*. В своем трактате «Увещание к девству» епископ Медиолана говорит: «Не знатность (*dignitas*) рода, а вера дарует заслуженную награду. <...> Нет, собственно, большего достоинства (*nulla major est dignitas*), чем служить Христу» (*Exhort. virg.* 1.3)<sup>6</sup>.

Другая древнеримская добродетель – ученость – теперь воспринимается как дар Божий и служение Богу. Пруденций восхваляет ученость св. Киприана Карфагенского, но утверждает, что

---

<sup>5</sup> Русский перевод дается по изданию: Подвижники. Самара, 1999. Кн. 2. С. 146–147.

<sup>6</sup> Здесь и далее русский перевод дается по изданию: Амвросий Медиоланский. *О девстве и браке*. М., 2000. С. 236–237.

красноречие епископа исходит от Святого Духа («Тот (Самый) Дух, Который вдохновлял пророков, облагодатствовал и тебя свыше потоками красноречия») и помогает людям глубже познать Бога (*Perist.* XIII.6–14). Здесь Пруденций проявляет и сходство и различие с предшествующей ему христианской традицией.

Евсевий Памфил «большое внимание <...> уделяет образованности своего героя»<sup>7</sup>, но образованность для кесарийского епископа – это знание философии и риторики, причем в одном месте первый церковный историк говорит о Мелетии, епископе понтийском: «Невозможно по достоинству оценить силу его риторики. Кто-нибудь скажет: это даровано ему от природы, но кто превзошел его богатством опыта и обширностью познаний?» (*Hist. Eccl.* VII.32.26)<sup>8</sup>. Хотя, строго говоря, с богословской точки зрения, между благодатью Святого Духа, о которой говорит Пруденций, и опытом и познаниями, которые упоминает Евсевий, нет противоречия, а может и должно быть содействие (*συνεργία*), но все же стоит заметить, что Евсевий склонен подчеркивать в учении своих героев светский аспект и человеческие заслуги, а Пруденций – знание Писания и Божью благодать.

Говоря о деве Евлалии, Пруденций повествует, что она еще в детстве так стремилась к престолу Бога, что отвергала игрушки, игры, украшения, цветы, и отличалась строгим лицом, скромной поступью и необыкновенно чистыми нравами (*Perist.* III.16–25). Эта характеристика отсылает нас к весьма распространенному в раннехристианской назидательной литературе требованию, чтобы женщины – а особенно посвященные девы – украшали себя не украшениями, а добродетелями. Св. Амвросий свои долгие рассуждения о косметике и украшениях заканчивает так: «Вы же, блаженные девы, которые не ведаете подобных мучений, а тем более украшений – вы, у которых по стыдливим лицам разлито святое целомуд-

<sup>7</sup> Ващева И.Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006. С. 156.

<sup>8</sup> Русский перевод дается по изданию: Евсевий Памфил. *Церковная история*. М., 1993.

рие и благая непорочность служит украшением – вы, которые предназначены не для человеческих взоров, вместо чуждого (вам) заблуждения, возвышаете свои достоинства. Конечно, и вы имеете оплот своей красоты, у которой воинствует облик, но только не тела, а добродетели: этот облик добродетели не уничтожит никакой возраст, не может истребить никакая смерть, сокрушить никакая болезнь. Пусть для этого облика (добродетели) один только Бог, Судия (красоты), составляет предмет стремлений – Тот Бог, Который даже в некрасивом теле любит души, обладающие красотой» (*De virg.* I.30). То, о чем говорит св. Амвросий, не ново для христианства. Еще в новозаветном корпусе посланий апостолы Петр и Павел требовали от женщин украшать себя не драгоценностями, не нарядами, не особыми прическами, а добродетелями (1 Пет. 3:3–4; 1 Тим. 2:9–10).

Из этого параграфа видно, что в поэме Пруденция источником и целью добродетелей считается Бог. Он как Творец людей – источник знатности, сохранить которую можно, служа Ему. Он дает людям ученость, нужную, чтобы познавать Его. И дева – невеста Христова – украшает себя добродетелями, чтобы быть угодной Ему.

Наиболее ярко этот тезис – о том, что добродетели по Пруденцию исходят от Бога – подкрепляется рассказом об обращении св. Киприана Карфагенского. Пруденций говорит про него, что в юности он был колдуном-некромантом и развратником, но «внезапно Христос обуздывает таковое развращение, удаляет от сердца мрак и неистовство, наполняет любовью к Нему, поселяет веру, научает стыдиться содеянного (зла)» (*Perist.* XIII.25–27). В поэме не сказано ни слова о том, как произошло обращение Киприана. Перерождение происходит внезапной силою Божией.

Итак, мы видим, что будущие мученики и до страдания являются собой образец христианской жизни: укрепляют в вере других людей, соблюдают пост, девушки предпочитают добродетели украшениям. Знатностью теперь является служба Христу, а мудрость считается данной от Бога.

*§2. Отношение к язычникам*

Мученики в поэме Пруденция ведут себя по отношению к язычеству весьма вызывающе. Так, когда деве Евлалии претор предлагает принести богам жертву или хотя бы коснуться пальцами жертвенной соли и ладана, «воспламеняется гневом мученица при этих словах и, вместо ответа, плюет в лицо тирана; потом повергает ниц изображения (богов) и попирает ногами (жертвенный) хлебец, положенный у камины» (ibid. III.121–130). Диакон Винценций произносит перед судьей речь о том, что языческие боги – мертвые идолы, не имеющие чувств, а религия язычников глупа (ibid. V.29–92). Еще более резко высмеивает язычество диакон Роман, повторяя в оскорбительной форме стандартный набор аргументов раннехристианских апологетов: боги должны быть наказаны по законам о разврате; язычники сами оскорбляют своих богов, рассказывая в поэмах и театральных постановках о их преступлениях и несчастьях; боги порождены греческим искусством, причем на их статуи часто переплавляются самые презренные предметы; смешно почитать животных и растения, как это делают египтяне, и считать, что боги живут в лесах и прудах, как это делают сельские жители (ibid. X.151–390).

Но, несмотря на вызывающее и резкое отношение к языческой религии, мученики не испытывают ненависти к самим язычникам. Тот же самый Роман, который столь яростно обличает язычество, желает обращения своих мучителей. Он говорит префекту: «Разве только ты, сделавшись нашим, заслужишь быть принятым в наше общество, что да устроит Отец (наш) Бог!» (ibid. X.106–107). Ниже он заявляет, что молится за императора и его войско, но молится о том, чтобы они отвергли язычество и, приняв крещение, стали детьми Отца Небесного (ibid. X.426–445). Под пыткой он даже утверждает, что боль ему причиняет не терзание, а то, что его палачи и толпа, пришедшая смотреть на казнь, увлечены на путь гибели (ibid. X.461–465).

Это желание обратить язычников в некоторых случаях оказывается осуществленным. В конце второго гимна Пруденций описы-

вает, как пораженные мужеством Лаврентия язычники, среди которых сенаторы, жрецы и весталки, обращаются ко Христу в таком множестве, что «с того дня как бы замерло чествование скверных богов. <...> Смерть святого мученика стала истинною смертью храмов (языческих)» (ibid. II.489–528). Хотя такие сильные выражения и являются, несомненно, преувеличением, но, видимо, не таким сильным, как это может показаться. Впрочем, вряд ли тут дело в одном только мужестве Лаврентия. Лаврентий был казнен в августе 258 г., т.е. сразу после выхода второго, более жестокого, чем первый, эдикта императора Валериана против христиан<sup>9</sup>. Но уже в 259 г. Валериан попал в плен к персам<sup>10</sup>, а его преемник Галлиен был терпим к христианам и даже издал эдикт, отменяющий антихристианские эдикты своего отца<sup>11</sup>. О том, сколь сильно популярность языческих культов могла меняться с началом и концом гонений, сообщает еще за век до описываемых событий Плиний Младший, рассказывая о результатах предпринятого им преследования христиан: «Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные службы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продается мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находилась покупатель» (*Ep.* X.96.10, пер. М.Е. Сергеев). За прошедший век эта ситуация могла только усилиться.

Не только Лаврентий, но и другие мученики обращают, по словам Пруденция, своей смертью язычников ко Христу: в четвертом гимне поэт говорит, что города Тингий (*Perist.* IV.45–48) и Сарагоса (ibid. IV.65–76) обращены ко Христу кровью своих мучеников. Тюремщик, охранявший Винценция, тоже становится христианином (ibid. V.345–352), что напоминает аналогичный эпизод из жизни апостола Павла (Деян. 16:25–34).

---

<sup>9</sup> Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 2. С. 128.

<sup>10</sup> Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. Т. 3. С. 459.

<sup>11</sup> Болотов В.В. Указ. соч. Т. 2. С. 133.

Любовь мучеников к язычникам проявляется не только в том, что они желают им вечного спасения. Так, дева Агния молитвой исцеляет юношу, который ослеп, посмеив взглянуть с похотью на ее наготу (Prud. *Perist.* XIV.57–60).

Все это позволяет Пруденцию говорить о том, что сами демоны побеждены мучениками в той битве, где последние пролили свою кровь (ibid. II.1–16).

Особенного внимания заслуживает отношение воспетых Пруденцием мучеников к Римской империи. Римский патриотизм не чужд поэме «О венцах». Лаврентий в своей молитве об обращении Вечного Города не только «сожалеет о городе Ромула», но и высказывает убеждение в провиденциальном значении объединения всех народов под единой властью Рима, утверждая, что по воле Христа все народы служат Риму и подчиняются его оружию; при этом Пруденций употребляет классические римские выражения вроде «отцы» и «сонм Катонов» в значении «сенаторы» и «поколение Юла» в значении «римляне». Молитва Лаврентия дышит характерным древнеримским патриотизмом в сочетании с христианским благочестием (ibid. II.409–484). Чуть ниже Пруденций называет сонм святых «вечным сенатом», Лаврентия – «вечным консулом», а сам рай – «небесным Римом» (ibid. II.553–560). В раю Лаврентий увенчан гражданским венком. «Гражданский венец (*corona civilis*) – из дубовых листьев – давался в древнем Риме гражданину, спасшему от смерти другого гражданина. Лаврентию усвоится по этому гражданский венец, потому что он спас сограждан от идолослужения и духовной смерти»<sup>12</sup>. Мы видим, что небесный Иерусалим Иоанна Богослова (Откр. 21:10 сл.) уступает у Пруденция место небесному Риму, что потом получит развитие в богословской мысли св. Льва Великого: «Петр и Павел основали новый, Небесный Рим и совершили это более счастливо, чем братья-враги Ромул и Рем сделали это на земле. <...> И вот теперь уже империя св. Петра, объединяющая всех истинных христиан, превзошла им-

<sup>12</sup> Цветков П. Комментарии // Вера и разум. 1888. № 9. С. 640. Прим. 68.

перию Августа. Благодаря апостолам Рим стал истинно Вечным Городом, а история древнеримской империи стала как бы предтечей, и, следовательно, составной частью истории христианства, духовного Рима»<sup>13</sup>.

С другой стороны, в десятом гимне Роман высмеивает римские знаки отличия (*Prud. Perist.* X.141–150) и заявляет, что Рим прейдет подобно прежним царствам (*ibid.* X.616–620). Возможно, это противоречие объясняется тем, что в одном из двух случаев Пруденций продолжил линию своего источника вопреки собственным взглядам. В этом случае более вероятно, что взглядам самого Пруденция соответствует «патриотический» вариант, поскольку в четвертом гимне, который он писал сам, не называя источники<sup>14</sup>, он называет мучеников Сарагосы «мужами в белых тогах» и городским «сенатом» (*ibid.* IV.145–148)<sup>15</sup>.

О том, какое значение придавали Римской империи современные Пруденцию церковные мыслители, видно по тому, как они отреагировали на взятие Рима готами в 410 г., до которого Пруденций немного не дожил. «Видя разрушение Рима, Иероним прекращает свой комментарий на книгу Иезекииля: если гибнет Рим, то гибнет и мир»<sup>16</sup>. Это, конечно, не является доказательством того, что св. Иероним был римским патриотом. Представления о том, что «грядущий закономерный крах Рима будет последним крупным историческим актом» впервые зафиксированы письменно на рубеже II и III вв. в сочинениях Тертуллиана (*Tert. Apol.* 32.1; *De res.* 24; *Ad Scap.* 2.6.) (А.Ю. Братухин считает, что карфагенский пресвитер опирался при этом на существовавшую к его времени экзегетиче-

---

<sup>13</sup> Задворный В.Л. История Римских Пап. М., 1995–1997. Т. 1. С. 243.

<sup>14</sup> *Palmer A.-M.* Op. cit. P. 241.

<sup>15</sup> К сожалению, *Passio sancti Romani*, которые А.-М. Палмер считает наиболее вероятным источником десятого гимна (*Palmer A.-M.* Op. cit. P. 247), остаются недоступными для меня, поэтому я не могу проверить эту гипотезу.

<sup>16</sup> *Пареди А.* Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан, 1991. С. 254.

скую традицию<sup>17</sup>), а затем были развиты в трудах Ипполита Римского и Лактанция<sup>18</sup>.

Отношение Тертуллиана к Римской империи следует признать сложным и неоднозначным. П.Ф. Преображенский считает, что Тертуллиан рисует эсхатологическую картину, в которой Римской империи отводится место грешного мира, царства тьмы: «Римская империя принимает на себя черты апокалиптического зверя, а церковь – бегущей в пустыню жены»<sup>19</sup>. Но такая точка зрения представляется несколько однобокой. Хотя Тертуллиан и задает в трактате «О прескрипции [против] еретиков» свой знаменитый вопрос «что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви?» (*De praescr. haeret.* 7), но, тем не менее, «читая сочинения Тертуллиана, мы постоянно наталкиваемся либо на его положительные высказывания о стойках, либо на заимствованные им стоические положения и суждения. Таких примеров очень много. <...> Материализм Тертуллиана проявляется не только в его утверждениях о телесности Бога<sup>20</sup>, но и в его отношении к естественным наукам. <...> Интересуясь результатами естественных наук, Тертуллиан разглядывал пользу, которую можно извлечь из них для своих спекуляций»<sup>21</sup>. Это показывает неоднозначность отношения Тертуллиана к

<sup>17</sup> Братухин А.Ю. Примечания [К *Ad Scap.*] // Тертуллиан. *Апологетик. К Скапуле*. СПб., 2005. С. 219. Прим. 4.

<sup>18</sup> Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000. С. 114–115.

<sup>19</sup> Преображенский П.Ф. Тертуллиан и Рим. М., 2004. С. 37–38.

<sup>20</sup> Стоическая точка зрения. Ср.: «Благо приносит пользу, то есть действует; а что действует, то телесно. Благо движет душу, в некотором роде лепит ее и удерживает, – а все это свойства тела. Телесные блага сами телесны, – а значит, и душевные блага тоже, потому что и душа есть тело. Благо человека не может не быть телом, потому что он сам телесен. Я солгу, если не признаю, что все питающее тело или поддерживающее либо восстанавливающее его здоровье – телесно; значит, и благо человека есть тело. Я думаю, ты не сомневаешься, что страсти – такие как гнев, любовь, грусть, – суть тела» (*Sen. Ep.* 106.4–5, пер С.А. Ошерова); учения о телесности души придерживались еще Клеанф (SVF. I. 518) и Хрисипп (SVF. II. 790).

<sup>21</sup> Братухин А.Ю. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан // Тертуллиан. *О душе*. СПб., 2004. С. 23–24.

античной языческой культуре. Что касается его отношения к самой Римской империи как государству, то и здесь все далеко не однозначно. П.Ф. Преображенский утверждает: «Рим – Вавилон, Рим – великая блудница делается у него [Тертуллиана – *E.P.*] седалищем демонов; жители Рима для него – жители этого города, *in qua daemoniorum conventus consedit*, а заседает это собрание демонов в самом Капитолии»<sup>22</sup>. Но уже в следующей фразе исследователь признает: «Конечно, весь этот основной фон тертуллиановского мирозерцания развертывается во всей своей полноте только перед общиной верных. В произведениях, предназначенных и для языческого общества, апокалиптика отходит на задний план, на ее место входит в свои права лояльная софистика, необходимость которой и предопределяется существованием этого фона. Но даже и там своеобразность эсхатологической позиции дает себя знать – почва, на которой Тертуллиан пытается построить свой *modus vivendi* с империей, оказывается чересчур зыбкой»<sup>23</sup>. Предположение, что Тертуллиан, считая языческую империю эсхатологическим царством тьмы, пытается найти способ сосуществования с ней и для этого заверяет язычников в своей лояльности, кажется очень странным. Сама натура карфагенского пресвитера, яростная, будто бы огненная, чуждая всякому компромиссу, крайне ригористичная, является опровержением такой точки зрения.

При обращении к источникам мы видим даже противоположную картину. В трактате «О воскресении плоти» Тертуллиан предрекает, что Римскую империю разрушит никто иной как антихрист, хотя по книге Апокалипсиса антихристу следует заставить всех людей поклоняться зверю, а не убить его (Откр. 13); более того, африканский апологет даже относит к Римской империи загадочные слова апостола Павла: «И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2Фес. 2:6–7; Tert. *De res.* 24). Скорее, следу-

<sup>22</sup> Преображенский П.Ф. Указ. соч. С. 40.

<sup>23</sup> Там же. С. 40–41.

ет предположить, что подлинное отношение этой неординарной во всех отношениях личности к Римской империи было более сложным, чем считает П.Ф. Преображенский. Но даже те встречающиеся в обращенных к христианам трактатах высказывания Тертуллиана, которые говорят о его негативном отношении к военной и гражданской службе Риму, не следует считать верой современной ему Церкви. Р.Ф. Эванс объяснил противоречия между этими трактатами и «Апологетиком» и, справедливо отвергнув гипотезу о сознательном двуличии Тертуллиана, показал, сравнивая его высказывания по этому вопросу в той и другой части наследия карфагенского пресвитера, а также анализируя соответствующие фрагменты «Апологетика», что Тертуллиан излагал в апологетических целях существующую практику Церкви, хотя сам не был так лоялен к империи, как его братья по вере<sup>24</sup>. А учитывая последующий разрыв великого африканца с Вселенской Церковью и его переход в монотанизм, вызванный чрезмерным ригоризмом апологета, мы можем смело утверждать, что существовавшее в его время и отвергаемое им позитивное отношение ортодоксальных христиан к военной и гражданской службе не было изменено впоследствии. Впрочем, даже это негативное отношение Тертуллиана к христианам-легионерам и христианам-магистратам, как показал А.Д. Пантелеев, связано прежде всего с необходимостью во время службы участвовать в языческих ритуалах, а не со службой Риму как таковой<sup>25</sup>.

Уже во времена Тертуллиана возникает теория, которая со временем будет расти и укрепляться. Согласно этой теории, благополучие империи и Церкви тесно связаны друг с другом, поэтому христиане должны положительно относиться к государству. «Ранние христианские авторы в апологетических произведениях, отстаивая полезность христианства для государства, высказывали

---

<sup>24</sup> *Evans R.F.* On the Problem of Church and Empire in Tertullian's Apologeticum // *Studia Patristica*. 1976. Vol. 14. P. 21–31.

<sup>25</sup> *Пантелеев А.Д.* Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // *Мнемон*. СПб., 2004. Вып. 3. С. 413–428.

идею единой, вселенской, непогрешимой церкви и *осознавали единство империи в качестве залога единства всего христианского мира* [курсив мой – *Е.Р.*]»<sup>26</sup>. Младший современник Тертуллиана Ориген – сын мученика и будущий мученик! – говорил о позитивной роли объединяющей все народы Империи для проповеди христианства<sup>27</sup>.

Итак, позитивное отношение Церкви к Риму, возникшее еще в доконстантиновский период, в поэме Пруденция вплотную подошло к той кульминационной точке, которую оно достигнет в богословии св. Льва Великого.

Кратко резюмируя этот параграф, можно сказать, что герои Пруденция ненавидят и презирают языческую религию, но при этом любят Рим и желают язычникам добра, т.е. обращения ко Христу, чего и достигают своим мужественным поведением. Здесь уместно вспомнить знаменитые слова Тертуллиана: «Кровь христиан есть семя», которые в церковной традиции стали звучать так: «Кровь мучеников – семя Церкви» (*Tert. Apol.* 50. 13).

### §3. Мужественное перенесение пыток

Эта столь важная для мучеников черта встречается в поэме Пруденция очень часто. Во втором гимне диакон Лаврентий, которого жарят на раскаленном железном листе, не только не отрекается от Христа, но и смеется над мучителем: «После того, как (один) бок обгорел от продолжительного огня, (мученик) с железного одра понуждает судью краткими словами: “переверни часть тела, достаточно уже обгоревшую от непрестанно действовавшего огня, и на блюди, что производит твой гневный Вулкан”. Префект повелевает перевернуть; тогда (тот) говорит: “испеклось; съешь и испытай: приятнее сырое или печеное?”» (*Prudent. Perist.* II.397–408).

---

<sup>26</sup> Казаков М.М. Христианство и сепаратизм в Римской империи // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология. М., 2006. Вып. 2. С. 18.

<sup>27</sup> Прокопьев С.М. Мелитон и Ориген о позитивной роли Империи в становлении и развитии христианства // Государство и власть: проблемы истории, экономики и культуры. Иваново, 1997. С. 56–58.

Мученик Винценций тоже презирует пытки. Судья говорит: «Связав ему руки, растягивайте члены (его), доколе не захрустят кости, выходя из суставов. А после сего терзайте его когтями до тех пор, пока не обнажатся (его) ребра и не будет чрез отверстия ран видна содрогающаяся печень». Улыбается (при исполнении определенной казни) воин Божий, порицая свирепых мучителей (своих) за то, что не слишком глубоко вонзают когти в члены (его). Вся сила крепких (палачей) уже истощилась, нанося муки; едва они переводят дыхание; не действуют уже (их) руки. А тот, еще более радостный, чем был прежде, не имея на лице ни облачка, сияет, видя Тебя, Христе, предстоящего» (*ibid.* V.109–128).

Утверждение, что мученик утомил своих палачей, является распространенным в мартирологической литературе. Так, «Акты Лугдунских мучеников», сохраненный Евсевием Кесарийским, один из самых ранних повествующих о подвигах мучеников памятников, рассказывает, что «она же [мученица Бландина – *E.P.*] исполнилась такой силы, что палачи, которые, сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили ее» (*Hist. Eccl.* V.1.18). Тертуллиан приписывает ту же удивительную стойкость даже языческой гетере Леэне (*Apol.* 50.8)<sup>28</sup>.

Слова же Пруденция, что Винценций видел предстоящего Христа, являются, очевидно, отсылкой к описанной в библейской книге Деяний смерти первомученика Стефана: «Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (*Act.* 7:55–56).

Герой самого длинного из входящих в поэму гимна диакон Роман, как и Винценций, утомляет палачей, мужественно перенося тяжелые пытки: «И вот свирепейшие воины с обеих сторон начинают острым железом терзать повешенного мужа, проводят широкие раны на членах, пересекают косвенные язвы прямыми, прямые косвенными: обнажены уже кости, виднеется сердце. *От усилия едва*

<sup>28</sup> Братухин А.Ю. Примечания [Apol.] // Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле. СПб., 2005. С. 211. Прим. 237.

*переводят дух (воины)* [курсив мой – *Е.Р.*], а сей герой, на которого устремлена их свирепость, остается спокойным и обращается (к префекту со следующими словами): «хочешь ли узнать истину, префект?.. все это терзание не причиняет мне боли» (*Prudent. Perist.* X.451–460). Затем Роман произносит под пыткой длинную речь о том, что люди терпят не меньшую боль от болезни и при ее лечении<sup>29</sup>, а смерть за Христа открывает ему врата рая (*ibid.* X.481–545). Еще ниже мы читаем другие примеры мужественного перенесения Романом тяжелых мучений (*ibid.* X.556–570, 901–910). И, наконец, как и Винценций, Роман рад пыткам: «Обагрено было славной кровью его лицо, украшена той же кровью грудь, стала багряна его, как бы царская уже, одежда: он смотрит и (внутренне) наслаждается [курсив мой – *Е.Р.*]» (*ibid.* X.906–910).

Перенесение мучениками пыток, от которых утомились сами палачи, встречается и в одиннадцатом гимне: «И вот здесь звенят цепи, там шумят бичи, там раздается треск розог. Когтями проводятся глубокие раны между ребер и терзается печень. *Уже утомились палачи* [курсив мой – *Е.Р.*]; неистовствует судья, негодуя на недейственность пытки; ибо ни один из рабов Христа, несмотря на столь великие мучения, не решился осквернить свою душу» (*ibid.* XI.55–62).

На примере Винценция и Романа мы видим, что мученик не только терпит пытки, но и рад им. Это заставляет нас вспомнить слова Самого Христа: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах» (*Лук.* 6:22–23. Ср.

---

<sup>29</sup> Чрезвычайную болезненность хирургических операций в поздней античности прекрасно иллюстрирует Августин, рассказывая о том ужасе, в который пришел больной язвой человек в преддверии операции. Особенно красноречиво следующее место этого рассказа: «И вот настал день, *которого так боялись*: <...> пришли врачи, приготовили все, чего требовал момент, выложили к ужасу всех роковые инструменты [курсив мой – *Е.Р.*]» (*De civ. Dei.* XXII.8). Русский перевод дается по изданию: Блаженный Августин. *О граде Божием*. Минск; Москва, 2000.

*Mt.* 5:11–12). Первым примером такой радости в христианской литературе является уже новозаветная книга Деяний святых Апостолов: «...и, призвав Апостолов, били их и, запретив им говорить об имени Иисуса, отпустили их. Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (*Act.* 5:40–41).

Радуется мукам даже дева Евлалия, которой во время казни было лишь двенадцать лет (*Prudent. Perist.* III.12). «Тотчас двое палачей начинают железными когтями терзать юную грудь и ребра девы, проникая до самых костей; а Евлалия считает наносимые знаки мук. «Вот Ты, Господи, напишешься (теперь) у меня. *О сколь приятно* читать эти письма, означающие Твои, Христе, трофеи; о (Твоем) святом имени говорит и самый пурпур пролитой крови». Эти слова без слез и стонов произнесла она, *радостная* [в обоих случаях курсив мой – *Е.Р.*] и безбоязненная; далека была от духа (ее) лютая скорбь, хотя горячая кровь струилась, как поток, по ее членам» (*ibid.* III.131–145).

Более того, в десятом гимне мы видим, как палачи пытаются на глазах матери мальчика, который лишь недавно был отнят от груди (*ibid.* X.663). Палачи-варвары и все присутствующие плачут над ним, и лишь мать «остаётся чужда этому плачу, у нее одной лишь чело сияет светлой радостью» (*ibid.* X.706–712). Примерами вифлеемских младенцев и отроков Маккавеев она укрепляет сына (*ibid.* X.721–790), после чего «отрок (ее), радостный, смеялся (уже) над розгами и болью от ударов» (*ibid.* X.791–793). Когда же мальчика вели на казнь, «мать отдала не медля, без рыданий; запечатлела только один поцелуй. “Прощай, сладчайший, – произнесла, – и когда войдешь в блаженное царство Христово, помни о матери, сделавшись покровителем вместо сына”» (*ibid.* X.831–835). Итак, мы видим, что источник радости мучеников – и даже матери мальчика-мученика! – это грядущее блаженство в раю, ради которого они терпят муки.

Пруденций многократно показывает, что мученики сильнее своих гонителей. Так, в нескольких местах язычники, неспособные

испугать мучеников, сами испытывают страх. Когда после смерти Евлалии людям чудесным образом было видно, как ее душа отлетает к Богу, «видел и сам мучитель, что с уст девы видимо слетела птица; изумленный и недоумевающий он вскакивает и бежит от своих деяний; убегают в страхе и ликторы» (ibid. III.171–175). Мученик Винценций отвечает претору так, что «уязвленный сими словами мучитель бледнеет, багровеет, волнуется, в безумии косит глаза, скрежещет зубами, извергает пену» (ibid. V.201–204), а когда с отведенным в темницу Винценцием происходит чудо, «он плачет и, произнося жалобные вопли, волнуется, то гневом, то скорбью, то стыдом» (ibid. V.327–328). Пруденций даже вкладывает в уста претору прямую речь с признанием собственной слабости: «О какое у него [Винценция – *E.P.*] лицо!.. стыд, стыд!..» говорит в неистовстве Дациан – «он радуется, сияет, вызывает на бой, он – мучимый сильнее мучающего» (ibid. V.129–132). Затем, рассказывает Пруденций, Дациан приказывает бросить мертвое тело мученика в болото на растерзание зверям и хищным птицам, но они не осмеливаются прикоснуться к останкам, а ворон отгоняет от трупа даже волка и крупных птиц (ibid. V.389–420).

Обратим внимание на инверсию: именно та птица, которая питается мертвечиной, охраняет тело Винценция. «Ворон – в христианстве – символ зла и вестник гибели»<sup>30</sup>. Вероятно, Пруденций хочет сказать этим, что мученик не мертв, что сами зло и смерть побеждены им. П. Браун говорит об этом так: «Мученики одержали над смертью триумф»<sup>31</sup>, а ниже, рассуждая об общем характере позднеантичного и раннесредневекового культа святых, указывает на похожую инверсию, имевшую место в ходе экзорцизмов у могил мучеников: «Исходное действие “нечистой” власти, которая пыталась и осуждала мученика, обращается в свою противоположность. Теперь судьей становится мученик, а языческие боги и демоны, кото-

---

<sup>30</sup> Попова Н.Н. Античные и христианские символы. Санкт Петербург; Калининград, 2003. С. 52.

<sup>31</sup> Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М., 2004. С. 89.

рые стояли за спиной его преследователей, становятся обвиняемыми под дознанием»<sup>32</sup>. У Пруденция мы видим намек на то, что убитый Винценций уже вошел в ту эсхатологическую реальность, когда «последний же враг истребится – смерть» (*1 Cor.* 15:26).

Перед этой победой мученика – а на самом деле Христа – язычники бессильны. «Что чувствовал ты, Дациан, слыша это? Какие тайные скорби испытывал ты, какие вопли издавал, когда увидел, что ты побежден бездыханным телом, ты – слабейший самих останков, меньший безжизненных членов?» (*Prudent. Perist.* V.421–428). В десятом гимне Пруденций резюмирует бессилие палачей довольно категорично: «О унижающая мужей сила, о изнеженные руки! Столь долго не можете вы сокрушить даже одно (уже) разрушающееся тело! Едва оно держится, но не падает внутренне, побеждая бессильные десницы! Собаки быстрее разрывают зубами труп; далеко быстрее коршуны пожирают куски падали; вы же, в бессильном голоде, изнемогаете и утомляетесь; пасть (у вас) звериная, но прожорливость ничего не стоящая» (*ibid.* X.801–810).

Это превосходство мучеников над гонителями сам Винценций объясняет тем, что внутренний человек не подвержен мукам и не во власти других людей (*ibid.* V.153–172).

Победа мучеников над своими убийцами и самой смертью возможна именно потому, что они смерти не боятся: «[ни в чем не отказывает Христос – *Е.Р.*] ...тем свидетелям, которых ни узы, ни лютая смерть не устрашили исповедать Единого Бога (даже) до пролития крови, за что воздается им непреходящая жизнь. Похвально и достойно доблестных мужей принять такой род смерти, – сокрушаемые болезнями и хрупкие члены (телесные) отдать вражескому мечу и (таким образом) победить смерть и врага» (*ibid.* I.22–27). Тот же мотив виден и во втором гимне: «Вооруженная вера вступила (тогда) в бой и не пощадила собственной крови; ибо (она) своей смертью сокрушила смерть и себе принесла в жертву саму себя» (*ibid.* II.17–20).

---

<sup>32</sup> Браун П. Указ. соч. С. 124.

Мученики в поэме Пруденция не только не боятся мук и телесной смерти, но даже желают их. Пруденций говорит, что вера «сама мужественно требует бичей, секир и двузубчатых когтей» (ibid. I.44–45). Мученик Роман, «желая венца, почти предупреждает свирепых исполнителей велений префекта и добровольно подставляет голые ребра для терзания двузубыми когтями; потом он входит на высокий трибунал и сам тащит мучителя (к месту мучения) среди изумленных глашатаев» (ibid. X.66–75). Как Роман желает мук за Христа, так Винценций желает за Него умереть: «Между тем мученик, успокоившись на ложе, восскорбел о медленности (мук) и воспламенился жаждою смерти, если смертью должна быть названа та смерть, которая освобождает ум из темницы тела и возвращает Создателю Богу» (ibid. V.353–360). Подобным образом и епископ Фруктуоз с диаконами Авгурием и Евлогием радуются грядущей смерти: «Не умеряет и не удерживает нечестивец (своего) гнева: приговаривает (исповедников Христа) к сожжению мучительным огнем, те же радуются и воспрещают народу плакать» (ibid. VI.49–51).

«Постановления апостольские» утверждают: «Подлинно, мы должны молиться, чтобы не подвергнуться нам искушению. Но если позовут нас к мученичеству, то мы должны исповедовать драгоценное Имя с твердостью; и если за него отошлют нас на казнь, будем радоваться, как поспешающие к бессмертию» (*Const. Ap.* V.6), а в другом месте прямо говорят, что достойно по слову Христа бежать из города в город (ibid. V.3. Ср.: *Mt.* 10:23).

Приведенные выше цитаты из Пруденция укладываются в то, что считалось правильным в эпоху гонений, но есть в поэме «О венцах» и другие места. Так епископ Квирин, брошенный с камнем на шее в реку, но чудесным образом не тонущий, а плывущий вниз по течению, молится о том, чтобы Христос не отнимал у него пальму мученичества (*Prudent. Perist.* VII.51–85), а дева Евлалия даже сама приходит на суд и исповедует себя христианкой (ibid. III.61–95), пройдя для этого долгий и нелегкий путь (ibid. III.46–47). Есть и

другие, менее значительные, примеры в поэме Пруденция, когда мученики радуются пыткам и смерти.

Целенаправленное стремление к мученичеству вплоть до самопожертвования было в доконстантиновскую эпоху характерно для монтанистов, а ортодоксальная Церковь запрещала подобные провокации (Clem. Al. *Strom.* IV.4.17.1–2)<sup>33</sup>, но, как показал А.П. Лебедев, сравнив оригинальную редакцию «Мученичества Поликарпа Смирнского» с тем, как этот памятник приводит в своей «Церковной истории» Евсевий Памфил, кесарийский епископ придерживался в этом вопросе взглядов, свойственных монтанистам, и не брезговал редактировать цитируемые им источники, отражающие иную позицию<sup>34</sup>. Проанализировав материалы трех разновременных редакций «Мученичества Иустина Философа», я пришел к выводу о влиянии Евсевия в этом вопросе на последующую мартирологическую литературу<sup>35</sup>. Мы можем видеть, что и Пруденций был не чужд позиции «отца церковной историографии». Все это позволяет утверждать, что среди ранних христиан мученичество считалось *благом*, хотя Церковь и запрещала своим верным самим стремиться к нему. Поэтому мученики и рады, когда их ведут на казнь: они получили от язычников то благо, которого не могли взять сами.

Представление о том, что мученики подобны Христу, столь же старо, сколь и само христианство. Еще в Новом Завете приводится такой диалог между Христом и апостолами Иаковом и Иоанном: «Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься» (*Mt.* 20:22–23; *Marc.* 10:38–39). «Акты Лионских мучеников», составленные вскоре после гонения 177 г. и сохранен-

<sup>33</sup> Аман А.–Г. Повседневная жизнь первых христиан, 95–197. М., 2003. С. 271.

<sup>34</sup> Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан. СПб., 2006. С. 98–99.

<sup>35</sup> Розенблюм Е.М. Представления о поведении мученика на материале «Мученичества св. Иустина Философа» // *Antiquitas Inventae*. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 277–278.

ные для нас Евсевием, утверждают, что арестованные христиане, когда братья по вере называли их мучениками, «охотно отдавали звание мученика Христу, верному, истинному Мученику» (Euseb. *Hist. Eccl.* V.2.3). В пятой книге «Апостольских постановлений» также говорится, что мучничество – это подражание Христу (*Const. Ap.* V.5).

У Пруденция эта черта не выражена ярко, но все же описано, как Фруктуоз отказался от предложенного ему перед казнью питья со словами: «страдал от жажды и Христос, когда, висая на кресте, отвергнул поднесенное Ему питье и не восхотел оное отвесть» (*Prudent. Perist.* VI.58–60).

Так же редко – один раз – упоминается Пруденцием и упование на Христа, да и то Агния уповаet на Него не в том, что Он даст ей выдержать пытки, а в том, что Он не попустит язычникам обесчестить ее (*ibid.* XIV.31–37).

Мы видим, что упование мучеников на Христа и их подобие Ему, хотя и присутствуют в тексте поэмы, но все же едва заметны.

Проанализировав то, как Пруденций описывает перенесение мучениками пыток, я показал, что мученики не только *терпят* пытки настолько, что палачи первыми устают пытать их, но и рады мукам и даже гибели, иногда сами стремятся к мученичеству, поскольку этой ценой рассчитывают получить вечное блаженство. Можно видеть, что мученики нравственно сильнее палачей, а потому побеждают своих убийц и саму смерть, хотя среди них встречаются девушки, юноши, старики. Это позволяет нам сказать, что и к героям Пруденция применимы слова, сказанные современным исследователем И.В. Кривушиным о мучениках, изображенных Евсевием: «Красной нитью проходит мотив их телесной слабости и духовной силы»<sup>36</sup>.

---

<sup>36</sup> Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 94.

§4. Чудеса, совершаемые Богом ради мучеников и по их молитве

Но это не значит, что Христос не присутствует рядом с мучениками во время их страданий. Напротив, Он часто совершает над ними чудеса. В поэме Пруденция «О венцах» с мучениками связывается гораздо больше чудес, чем в «Церковной истории» Евсевия. Пруденций пишет, что Христос обратил острые черепки, на которые был положен Винценций, в лепестки цветов (*Prudent. Perist. V.257–280*). Лицо пытаемого огнем Лаврентия сияло невиданным светом, который, как и благоухание вместо естественного смрада от горящей плоти, ощущали лишь христиане, что также приписывается Божьей силе (*ibid. II.361–396*). Посланный с неба огонь ослепляет юношу, который дерзнул смотреть на обнаженную деву Агнию (*ibid. XIV.43–49*), а небесный свет освещал Евлалии путь к префекту, когда она решила сама явиться на суд (*ibid. III.46–60*). Внезапный дождь тушит костер, на котором должен был быть сожжен Роман, что было открыто мученику заранее (*ibid. X.851–865*); позже Роман, у которого отрезали язык, несмотря на это, говорит, ибо ему помогает Бог (*ibid. X.926–935*).

Чудеса случаются не только во время истязания мучеников, но и при их смерти. Чудом удостоверяется взятие на небо душ Еметерия и Хелидония (*ibid. I.82–93*), девы Евлалии (*ibid. III.161–170*) и епископа Фруктуоза с его диаконами (*ibid. VI.121–129*); во всех трех случаях людям (иногда только христианам, иногда и язычникам тоже) было видно, как души мучеников восходят на небо.

Во время сожжения епископа Фруктуоза и его диаконов Авгурия и Евлогия с неба раздается голос, обещающий им вечную жизнь (*ibid. VI.91–99*). А.-М. Палмер справедливо видит в этом отсылку к «Мученичеству Поликарпа», которого тоже укреплял голос с неба (*Mart. Polyc. 9.1*)<sup>37</sup>. Но есть и еще две параллели между описанием мученичества Фруктуоза и Поликарпа, которые ускользнули от внимания британской исследовательницы. Во-первых, обратим внимание на сами слова, которые обращены с неба к Фруктуо-

<sup>37</sup> *Palmer A.-M. Op. cit. P. 219. Note 30.*

зу: «Верьте: не есть казнь то, что вы видите; эта казнь через малое время окончится; она не отнимает жизнь, но восстанавливает. Блаженны души, через огонь вознесшиеся в горние обители Вседержителя; некогда их минует вечный огонь» (Prudent. *Perist.* VI.94–99). Здесь нельзя не вспомнить то, что отвечал св. Поликарп Смирнский допрашивавшему его судье: «Ты грозишь огнем, который час горит и вскоре гаснет, потому что тебе не известен огонь будущего суда и вечной казни, который уготован нечестивым» (Mart. *Polyc.* 11.2, пер. прот. П. Преображенского). Вторая параллель заключается в том, что в обоих текстах мученикам пламя не причиняло вреда (Prudent. *Perist.* VI.103–108; Mart. *Polyc.* 15). Разница же между двумя текстами та, что Поликарпа язычники, видя, что он не сгорает, закололи кинжалом (Mart. *Polyc.* 16.1), а Фруктуоз и его диаконы сами вымолили себе смерть в огне (Prudent. *Perist.* VI.115–120). Подобным образом и епископ Квирин плыл с камнем на шее (ibid. VII.21–30), пока не умолил Бога дать ему мученическую смерть.

Чудеса случаются даже после смерти мучеников. Евлалия, которую язычники оставили без погребения, оказывается похоронена под внезапно выпавшим снегом (ibid. III.176–185); ворон, как я уже писал выше, отгоняет хищных зверей и птиц от брошенного в болото тела мученика Винценция (ibid. V.393–420), а когда это тело было решено утопить в море, корзина, в которой оно лежало, плыла по волнам, несмотря на привязанный к ней камень (ibid. V.489–492). Фруктуоз, Авгурий и Евлогий после смерти являются христианам, которые разобрали их кости себе в качестве реликвии, и просят собрать все останки в одном месте (ibid. VI.130–141)<sup>38</sup>.

Даже много позже своей земной смерти мученики помогают христианам. Пруденций упоминает об исцелениях больных и одержимых, которые происходят при гробнице Еметерия и Хелидония (ibid. I.97–114), но основная, если можно так выразиться, функция

<sup>38</sup> Заметим кстати, что такое почтение верных к телесным останкам мучеников начинается еще при жизни последних: так, христиане сохраняют при себе пролитую во время пытки кровь Винценция (Prudent. *Perist.* V.333–344).

мучеников – это ходатайство перед Христом. Пруденций утверждает, что всегда будет услышана правая молитва того, кто просит мучеников о заступничестве (ibid. I.10–21; II.561–572; IX.95–106; XI.179–182); мученики хранят свой народ (ibid. III.211–215) и защитят свои города в день страшного суда (ibid. IV.5–60; VI.157–159).

Я завершу этот параграф словами, которые прекрасно иллюстрируют то, как Пруденций представлял себе это заступничество: «Я знаю и не в неизвестности нахожусь, что я недостойн (того), чтобы выслушал меня Сам Христос; но мне может быть преподано врачество через покровителей – мучеников» (ibid. II.577–580). Это представление Пруденция соответствует учению его старшего современника св. Амвросия Медиоланского, который пишет в трактате «О вдовах»: «Если и тогда они [апостолы Петр и Андрей – *Е.Р.*] могли умолить за родственницу, то тем более теперь могут помолиться и за нас, и за всех. <...> В самом деле, больные не могут просить за себя, если к ним не будет приглашен врач по просьбе других. <...> Мы должны просить за себя ангелов, которые даны нам для защиты; мы должны обращаться с просьбой к мученикам, и *благодаря некоторому телесному залогу, который от них существует у нас* [курсив мой; вероятно, Амвросий имеет в виду мощи – *Е.Р.*], мы, по-видимому, имеем право на их покровительство. Они, собственной кровью омывши те грехи, какие имели, могут просить и за наши грехи; ведь они – мученики Божьи, наши молитвенники, стражи нашей жизни и наших деяний» (*De vid.* 55).

В этом параграфе я показал, что поэма Пруденция «О венцах» насыщена чудесами, которые случаются во время истязаний и смерти мучеников и даже после их смерти. Эти чудеса показывают заботу Христа о Своих свидетелях или служат к вящей славе Божией. Оказавшись перед престолом Господним, мученики ходатайствуют за тех, кто молится им, и за свои города. Эти две особенности – обилие чудес и помощь мучеников христианам – являются новым этапом в развитии мартирологической литературы, так как в «Церковной истории» Евсевия не присутствуют.

\*\*\*\*\*

Пришла пора подвести итоги сказанному в настоящем исследовании. Проанализировав поэму Пруденция «О венцах» с точки зрения тех черт, которыми поэт наделяет своих героев, я показал, что мученики в этом произведении мужественно и даже охотно переносят пытки и казнь, иногда сами являются на суд, побеждают своих палачей благодаря нравственному превосходству, являются образцом христианского поведения не только до ареста, но даже на пороге смерти, ненавидят и презирают язычество, но любят Римскую империю, желают, чтобы и язычники познали свет истинной веры, чего иногда достигают своим мужественным свидетельством; источником и конечной целью их добродетелей является Христос, Который чудесным образом посрамляет силу язычников; упование мучеников на Него и подобие Его крестной жертве присутствуют в поэме, хотя и занимают менее значимое место, чем можно было бы ожидать; зато после смерти мученики ходатайствуют перед Христом за людей, исполняя их молитвы; в день страшного суда мученики защитят те города, в которых пострадали и похоронены. Представление о мучениках как о заступниках не изобретено Пруденцием, а является распространенным в латинской христианской литературе IV в.



# **ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

ЦИНЬКО А.С. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

## **ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ-11**

Раскопки были и остаются главным методом изучения археологических памятников. При этом иногда археолог представляет с чем примерно ему придется столкнуться: каковы будут планировка и характер изучаемого объекта, структура культурного слоя, качественный состав материала и т. д. В этом ему помогает современный уровень теоретических представлений о данной эпохе или культуре, сумма эмпирических знаний, а также интуиция. И все же никогда нет полной уверенности в том, что раскоп заложен в «нужном» месте. Все это заставляет археологов обращать внимание на те методы, которые применяют в смежных отраслях естественных наук. Наиболее приемлемыми оказались методы геофизической разведки. Эти методы позволяют выявлять некоторые погребенные объекты, не нарушая поверхностного слоя почвы, не разрушая памятник и сам исследованный объект<sup>1</sup>. По результатам съемок можно составить планы расположения объектов, залегающих под грунтом, еще до начала земляных работ.

В данной работе будут показаны возможности применения одного из методов (магниторазведки) на примере исследования сельского античного поселения Вышестеблиевская-11, а именно расположенной на его площади крепости римского времени – «батарейки», как называют такие крепости на Таманском полуострове.

Геофизикам необходимо было локализовать археологические объекты на памятнике Вышестеблиевская-11, чтобы определить участки для будущих раскопок. Исследования выполнялись С.Л. Смекаловым, сотрудником Балтийского государственного тех-

---

<sup>1</sup> Франтов Г.С. Применение геофизических методов разведки в археологии // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 244–251.

нического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Общее руководство работами выполнял начальник Таманского отряда Боспорской экспедиции С.В. Кашаев.

Вышестеблиевская-11 – памятник сельской территории Азиатской части Боспора Киммерийского. Памятник состоит из поселения и крепости (батарейки). Расположен недалеко от станицы Вышестеблиевская (Темрюкский район Краснодарского края), на северо-западном берегу Кизилташского лимана. Поселение занимает площадь около 20 га. Границы поселения были определены по распространению подъемного материала, визуальным наблюдениям и данным аэрофотосъемки.

По мнению Е.Я. Рогова, Вышестеблиевская крепость (батарейка) вместе с остатками укреплений поселения Старотитаровская-17, Токаревской батареейкой и укреплением в Сухой балке составляла оборонительную линию южной стороны Таманского полуострова. Эти четыре крепости, расположенные по берегу Кизилташского лимана в 4–6 км друг от друга, были построены во II в. до н.э. и контролировали русло р. Кубани, устье которой располагалось на месте современного лимана<sup>2</sup>.

Основная часть поселения в 1960–1970-е гг. была занята военной ракетной частью. После ее ликвидации территория была подвергнута глубокой распашке плантажным плугом. В 1998 г. на территории поселения были проведены разведочные работы, а в 1999 г. начаты стационарные раскопки.

Для обследования территории памятника был использован метод магнитной разведки. Суть метода состоит в выявлении объектов, магнитные свойства которых отличаются от магнитных свойств окружающей среды. Абсолютная величина среднего значения модуля вектора индукции магнитного поля Земли увеличивается от экватора к каждому из полюсов в пределах, примерно, от

---

<sup>2</sup> *Рогов Е.Я.* Укрепленные поселения Таманского полуострова // БФ. СПб., 1999. С. 153–157.

35.000 до 70.000 нТл (нано Тесла). Объекты, расположенные вблизи поверхности, обладают различными собственными магнитными свойствами и влияют на формирование локального магнитного поля, т.е. создают так называемые «магнитные аномалии». Значение поля в области аномалии может отличаться от среднего значения в данной местности на величины от долей нТл до тысяч нТл<sup>3</sup>.

Способ применения магниторазведки для выявления приповерхностных объектов заключается в измерении магнитного поля в точках регулярной сети измерений с мелким шагом при близком расположении датчика к поверхности. На основании интерпретации получаемых карт магнитного поля (по форме, значениям и знаку аномалий) можно делать выводы о наличии под землей тех или иных структур как геологического, так и антропогенного характера.

Магниторазведка является эффективным, неразрушающим и скоростным методом получения информации о подземных объектах. Современные приборы для измерения магнитного поля (магнитометры) позволяют определять его величину с точностью до сотых долей нТл за доли секунды.

Работы выполнялись при помощи квантового магнетометра ПКМ-1 производства ФГУ НПП «Геологоразведка» (СПб.).

Территория крепости в настоящее время не используется, представляет собой частично заросшее сорной травой плато, возвышающееся на 2–3 метра над уровнем окружающих полей. Второй участок расположен на ровном поле, также частично покрыт невысокой травой, а частично занят посадками бахчевых культур.

Площадь обследованной части «Батарейки» составляет 0,7 га. План крепости представлен на рис. 1. Полученные карты магнитного поля и интерпретационный план, а также трехмерное изображение структуры поля представлены на рис. 2–4.

---

<sup>3</sup> В статье используются материалы из Отчета о работах С.Л. Смекалова.

Магнитное поле на обследованном участке характеризуется значительным числом аномалий. Ряд аномалий может быть связан с объектами археологического характера (см. рис. 2). Это, во-первых, небольшие по величине (5–10 нТл), но протяженные отрицательные аномалии (красный цвет на магнитных картах), образующие линии, пересекающиеся под углами близким к 90°. Данные аномалии могут быть связаны с погребенными остатками крепостных стен и других каменных построек из немагнитного известняка. Можно предположить, что в некоторых местах бывшие каменные сооружения сильно разрушены и представляют завалы камней. Положительные аномалии (синий цвет) также могут быть связаны с некоторыми типами археологических объектов. Положительные аномалии, имеющие значительную величину (20–40 нТл) и малую площадь локализации, могут быть связаны с засыпанными ямами, цистернами. Аномалии меньшей величины (5–10 нТл), но большей площади могут соответствовать либо зольникам, либо внутриквартальным площадкам, также вероятно содержащим в грунте значительное количество золы. Узкие линейные положительные аномалии, опоясывающие центральную часть «батарейки» порождены видимыми на поверхности канавами, которые были прорыты или, по крайней мере, обновлялись в недавнее время. Общее представление о вероятном расположении крепостных и жилых помещений дает представленная интерпретация на рис. 3–4.

Результаты проделанных работ позволяют сформулировать следующие основные выводы: на памятнике Вышестеблиевская-11 («батарейка»), безусловно, присутствует комплекс построек и других объектов, связанных с хозяйственной деятельностью, и магниторазведка позволяет выявить детали структуры этого комплекса, поэтому ее целесообразно провести на не обследованной части «батарейки». На этом участке можно говорить о наличии антропогенных структур. В результате исследований были выявлены погребенные

бенные остатки стен и помещения, хозяйственные ямы или цистерны, зольники (?).

Все выводы анализа геофизического плана на сегодняшний день являются предварительными, окончательные выводы можно будет сделать после его тщательного компьютерного анализа.

Таким образом, с помощью современного оборудования проведена геофизическая съемка участка древнего сельского поселения Вышестеблиевская-11 – крепости «Батарейка». При развитии подобного опыта в дальнейшем может быть отработана уникальная методика исследования археологических объектов в данном регионе. Она позволит более разумно и экономично использовать имеющиеся ресурсы и проводить раскопки с наибольшей научной эффективностью и отдачей.

ПРОКОПЕНКО С.Н. (БЕЛГОРОД)

**ХОРА БОСПОРСКИХ ГОРОДОВ  
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ  
КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА  
В VI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III ВВ. ДО Н.Э.**

В полисных землях – хоре – обычно видят ядро организации сельской территории Боспора античного времени<sup>1</sup>. В настоящее время увеличивается количество известных памятников сельской округи городов. Появляются публикации обобщающих работ на представленную тему<sup>2</sup>. Но, несмотря на успехи, достигнутые в изу-

---

<sup>1</sup> Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 171–201; Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // Боспорские чтения. Керчь, 2006. Вып. 7. С. 110–128; Зубарь В.М., Зинько В.М. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 12. С. 243–244; Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. 15. С. 288 и др.

<sup>2</sup> В первую очередь, это работы В.Н. Зинько, посвященные результатам исследований городской хоры европейского Боспора. Автор одним из первых реконструировал пространственную организацию хоры античных городов западного побережья Керченского пролива и определил их значение в экономики и истории Боспора. См., например: Зинько В.Н. Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI–V вв. до н.э. // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11. С. 3–28 и др. Можно отметить также работы С.Ю. Сапрыкина, обобщившие материал в рамках всего Боспора. См., например: *Saprykin S.Ju. The Chora in the Bosporan Kingdom // Surveying the Greek Chora the Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus: Aarhus University Press, 2006. P. 273–288; ego же. Этюды по социальной и экономической... С. 171–242. Следует отметить и работы Л.Г. Шепко, в которых исследовательница раскрывает вопросы развития земельных отношений на Боспоре. См.: Шепко Л.Г. Земельные отношения на Боспоре V–III вв. до н.э. // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. 2000. № 2. С. 132–138; ee же. К вопросу о земельных отношениях на Боспоре в V–III вв. до н.э. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 80–82. Кроме вышеприведенных работ необходимо назвать важное исследование А.А. Масленникова и А.А. Завойкина, положившее начало целенаправленного сравнительного анализа развития сельских*

чении данного вопроса, окончательное его решение еще далеко. Сельская территория Боспора исследуется неравномерно, что приводит к построению обобщений в основном на материале наиболее изученных территорий. Такой изученной частью Боспора выступает Керченский полуостров, который, в свою очередь, имеет неисследованные или частично исследованные участки. К ним можно отнести и юго-восточную часть Керченского полуострова.

Некоторые фрагментарные исследования на сельской территории юго-восточной части европейской Боспора начались еще в 1-й пол. XX в.<sup>3</sup> После Великой Отечественной войны работы по изучению окрестностей античных городищ на данных территориях получили новый импульс. Таким образом, наиболее плодотворные попытки были предприняты в середине XX в.: разведки В.В. Веселова<sup>4</sup>, В.Ф. Гайдукевича<sup>5</sup>, М.М. Кубланова<sup>6</sup>. Всю информацию, известную на тот период, свела воедино И.Т. Кругликова<sup>7</sup>. Приведенные ею данные являлись предварительными и требовали уточнения. К сожалению, данный процесс затянулся и каких-либо крупных археологических работ по исследованию данной территории в последнее время не проводилось за исключением разведочных работ 90-х гг. XX в. Крымского филиала ИА РАН под руководством В.К. Голенко и С.Б. Ланцова, результаты которых частично опубликованы<sup>8</sup>, и планомерных раскопок Античной комплексной археологической экспедиции под руководством Л.Г. Шепко (2001–

---

территорий европейского и азиатского Боспора. См.: *Завойкин А.А., Масленников А.А.* Указ. соч. С. 110–128.

<sup>3</sup> *Марти Ю.Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИТОИАЭ. 1928. Вып. 2 (59). С. 103–126.

<sup>4</sup> *Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // *Древности Боспора.* М., 2005. Suppl. II. С. 44–54.

<sup>5</sup> *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. М., 1959. № 69. С. 212–215.

<sup>6</sup> *Кубланов М.М.* Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. М., 1961. Вып. 83. С. 91–94.

<sup>7</sup> *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 31–39, 58–64.

<sup>8</sup> *Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006.

2006 г.) античного поселения Заветное V сельской округи Акры<sup>9</sup>. Специальные исторические исследования в отношении данного региона на сегодняшний день не написаны. Такие ученые как А.А. Масленников и В.Н. Зинько, опубликовавшие наиболее крупные обобщающие труды по сельской территории европейского Боспора<sup>10</sup>, вообще вынесли за рамки своего исследования изучение округи Киммерика, Китея и Акры.

\*\*\*\*\*

Освоение эллинами данных территорий не могло проходить без учета ими природных условий и, в первую очередь, ландшафтных особенностей. Это нашло отражение в системе расселения и перспективах ее развития<sup>11</sup>. На Керченском полуострове исследователи выделяют ряд природно-хозяйственных зон: зона пролива, степная зона, Причерноморское побережье, Крымское Приазовье<sup>12</sup>. Нас интересует зона Причерноморского побережья, частью которой является рассматриваемая нами территория. Юго-восточная часть Керченского полуострова представляет собой географически обособленную зону (приблизительно 500 км<sup>2</sup>), которая ограничена с юга морем, с востока проливом, с севера Тобечикским, на западе Узунларским озерами (в древности, возможно, яв-

<sup>9</sup> Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб., 2004. Ч. 1; *их же*. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб., 2006. Ч. 2.

<sup>10</sup> Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены М., 1998; Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора // Боспорские исследования. Вып. 15. Симферополь; Керчь, 2007.

<sup>11</sup> См., например: Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 33; Виноградов Ю.А. Природный фактор в развитии Боспора в Скифскую эпоху (VI–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1996. № 3. С. 77–88; Паромов Я.М. Пространственная организация системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3. С. 39–42 и др.

<sup>12</sup> Масленников А.А. Эллинская хора... С. 11; Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора. С. 27.

лявшимися заливами). В этой территории можно выделить три естественных ландшафтных микрозоны, условно названные нами именами основных античных центров – микрозона Акра, Китейская микрозона и микрозона Киммерик.

Микрозона Акра включает территории, ограниченные с севера Тобечикским озером; с запада цепью холмов, протянувшихся с северо-востока на юго-запад, с вершиной в 101 м у оз. Тобечик и г. Сосман (126 м) в юго-западной оконечности микрозоны; с юга – другой цепью холмов с доминирующими вершинами Кара Оба (96 м) и Харучу Оба (104 м). Данная цепь холмов являлась, в свою очередь, северной границей Китейской микрозоны, ограниченной с юга Черным морем, с востока – Керченским проливом, с запада – Чебакской балкой (бал. Камышевка). Микрозона Киммерик занимала район, ограниченный с востока Чебакской балкой, с запада – Узунларским озером, с юга – Черным морем. С севера эта микрозона была ограничена серией всхолмлений, тянувшихся от северной оконечности оз. Узунлар до г. Сосман.

В древности ландшафт юго-восточной части Керченского полуострова, скорее всего, мало отличался от современной холмистой равнины. Береговая линия вследствие абразии претерпела изменения. Возможно, она была менее обрывиста и чуть более изрезана, нежели сегодня. Что же касается качества почв этой части полуострова, то Страбон отмечал высокое их плодородие для выращивания зерновых (VII.44), в то время как современное положение дел совершенно обратное. В наше время юго-восток Керченского полуострова является одной из самых засушливых территорий Крыма (всего 300–350 мм осадков в год). Земли представлены в основном солонцеватыми черноземами, темно-каштановыми почвами и южными черноземами<sup>13</sup>. Но в античный период земли все же отличались большей плодородностью, т.к. с водными ресурсами дело обстояло гораздо лучше<sup>14</sup>. Насколько лучше было качество земель, се-

<sup>13</sup> Масленников А.А. Эллинская хора... С. 14–15.

<sup>14</sup> Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40–67.

годня судить сложно, но, учитывая сообщение Страбона и аграрный характер античной цивилизации (греки не осваивали земли с крайне низкими качественными показателями), мы можем предположить, что поселившихся здесь греков плодородие местных почв вполне устраивало. Но в среднем, возможно, оно было все же ниже качества земель зоны пролива, что, вероятно, и послужило причиной более позднего их освоения колонистами. Если сравнить выделенные нами микрзоны по обеспеченности природными ресурсами, необходимыми для нормального функционирования античного общества, то можно согласиться с В.К. Голенко о первенстве микрзоны Киммерик – обширной территории со стратегическим пунктом г. Опук, в большом количестве обеспеченной водными ресурсами, лесистыми насаждениями, удобной стоянкой для кораблей<sup>15</sup> и т.д. Микрзона Акра, как ныне, так и в античное время, обладала, скорее всего, наиболее плодородным земельным фондом (южные черноземы), приближенным по качеству к землям Нимфейской хоры. Китейская микрзона отличалась компактностью и протяженностью вдоль моря, вполне вероятно, располагала большим количеством источников пресной воды, нежели округа Акры.

Таким образом, в юго-восточной части Керченского полуострова выделенные нами микрзоны обладали всеми необходимыми природно-географическими характеристиками для успешного освоения эллинами этой части Боспора.

Юго-восток Керченского полуострова древние греки начали заселять в кон. VI – нач. V вв. до н.э.<sup>16</sup>. На сегодняшний день можно уверенно говорить, что в кон. VI в. до н.э. были основаны Киммерик<sup>17</sup> и Акра<sup>18</sup>. Китей возник, скорее всего, позже – в I-й пол.

<sup>15</sup> Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. С. 10–24, 243–257, 258–260.

<sup>16</sup> Куликов А.В., Столяренко П.Г. О начальных этапах истории городов Юго-Востока Европейского Боспора – Киммерик, Китей, Акра // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2006. Вып. 3. С. 48.

<sup>17</sup> Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. С. 91–107.

<sup>18</sup> Куликов А.В. О хронологии культурных слоев античного городища Акра // БФ. СПб., 2004. Ч. 1. С. 163; *его же*. Обзор монетных находок с городища

V в. до н.э.<sup>19</sup> или в начале 2-й пол. V в. до н.э.<sup>20</sup>, что выходит за рамки периода массового основания апойкий на Боспоре Киммерийском в VI в. до н.э. Статус данных поселений на начальной стадии их развития не вполне ясен. Практически все исследователи единодушно относят эти поселения к т.н. «малым» городам Боспора. Одни ученые отрицают наличие у них автономного полисного статуса<sup>21</sup>, другие же приходят к противоположной точке зрения<sup>22</sup>. Не останавливаясь подробно на данном вопросе<sup>23</sup>, отметим лишь, что нам трудно предположить освоение достаточно отдаленной от Нимфея и Пантикапея территории вне рамок полисной организации в 1-ой пол. V в. до н.э. Идея полиса предшествовала основанию поселения. При этом мы склонны связывать основание поселений с внешней колонизацией. Вполне возможно, что в процессе основания Китея, Киммерика, Акры могли принимать участие Пантикапей или Нимфей, но лишь в качестве некоего «регулиру-

---

Акра (1981–2001) и вопросы периодизации денежного обращения Боспора // Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. 2. С. 259.

<sup>19</sup> Молев Е.А. О времени основания Китея // БФ. СПб., 2004. Ч. 1. С. 69–74. Исследователь предлагал и более раннюю дату основания Китея (кон. VI в. до н.э.). См., напр.: *его же*. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 120.

<sup>20</sup> Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы / Автореф. дисс. на соиск. ... д.и.н. М., 2007. С. 19.

<sup>21</sup> Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 79–96; *его же*. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 65–69; *его же*. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 3. С. 101–115; Цецхладзе Г.Р. О полисном статусе городов античного Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 193–200; Чурекова Н.Б. Модели формирования государственных институтов в греческих колониях Северного Причерноморья (VII – сер. III вв. до н.э.) / Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 15–16; см. также указанные работы В.Н. Зинько, где автор существенно расширяет список ранних полисов на Боспоре.

<sup>22</sup> Молев Е.А. «Патрида кититов» // Боспорские чтения. Керчь, 2006. Вып. 7. С. 220; Куликов А.В., Столяренко П.Г. Указ. соч. С. 46–51.

<sup>23</sup> См. подробнее: Прокопенко С.Н. Боспорские полисы в VI – 1-й четв. V вв. до н.э. // Боспорские чтения. Керчь, 2007. Вып. 8. С. 253–258.

щика» новой волны *внешней колонизации*, вызванной, возможно, усилением давления Персидской державы на города Ионии на рубеже VI–V вв. до н.э. В пользу этого можно привести еще один косвенный аргумент: на рубеже VI–V вв. до н.э., т.е. одновременно с Киммериком и Акрой, появляется ряд поселений и в Крымском Приазовье (поселение на м. Зюк, поселение Чокракский родник). Это совпадение вряд ли можно считать случайным. Хотя развернутая доказательная база отсутствует, А.А. Масленников полагает, что поселения в Приазовье принадлежали поселенцам «третьей» волны греческой колонизации, носящий внешний характер<sup>24</sup>. К этому можно добавить и то, что единого государства на берегах Керченского пролива, которое могло бы патронировать освоение отдаленных территорий, в этот период еще не существовало, а степень развития хоры таких центров, как Пантикапей и Нимфей, которым нередко приписывают освоение данных территорий, оставляла желать лучшего (всего 20 поселений к сер. V в. до н.э.)<sup>25</sup>. Таким образом, о каком либо контроле со стороны Пантикапея или Нимфея или зависимости от них городов юго-востока Керченского полуострова, по крайней мере, до конца V в. до н.э., говорить не приходится. Одновременно с основанием Киммерика, Китея и Акры начинается осваиваться и их сельская округа, формируется система «полис–хора»<sup>26</sup>.

<sup>24</sup> Масленников А.А. Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. 1995. № 2. С. 82–84; *его же*. Эллинская хора... С. 42.

<sup>25</sup> Зинько В.Н. Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // БФ. СПб., 2004. С. 14–19; *его же*. Хора полисов Боспора... С. 3–17; *его же*. Постройки VI–V вв. до н.э. полисной хоры Европейского Боспора // Боспорские чтения. Керчь, 2006. Вып. 7. С. 133–141.

<sup>26</sup> Щеглов А.Н. Система «полис–хора» и контактные зоны в Причерноморье // XIV Международная конференция античников социалистических стран. Ереван, 1976. С. 523–525. Хора (χώρα) как составная часть указанной системы определяется нами как сельская округа полиса, с присущей ей системой наделов и определенной структурой поселений. Термин полис (πόλις) употребляется для характеристики относительно крупного населенного пункта, имеющего автономную городскую гражданскую общину, причем наличие признаков урбанизации поселения на раннем этапе является не обязательным, т.к. апойки первоначально, по-видимому, представляли собой в лучшем случае крупные

\*\*\*\*\*

Для определения границ распространения хоры можно использовать ряд признаков: непосредственно географические ориентиры, письменные свидетельства, трассы антропогенных погранично-оборонительных сооружений (валов), расположение выявленных систем межевания и концентрации поселений.

К сожалению, письменные источники хранят молчание по этому вопросу. Природно-ландшафтная характеристика региона свидетельствует, что хора основных античных центров юго-востока полуострова, особенно на раннем этапе, вряд ли распространялась за пределы границ вышеописанных микрон.

Уже на раннем этапе развития сеть поселений хоры Киммерика демонстрирует хорошую динамику (см. карту). Практически одновременно с основанием Киммерика в конце VI в. до н.э. возникают поселения «холм А», «под источником», Чебакское южное. Первые два из этих поселений располагались в непосредственной близости от городища Киммерик, а Чебакское южное отстояло на расстоянии около 6 км. В V в. до н.э. начинает осваиваться район Киркояшского озера. Следующий всплеск развития поселенческой структуры округа Киммерика приходится на конец V – начало IV вв. до н.э. когда появляется ряд поселений в районе Кояшского вала, г. Кончек. Видимо, позднее, в I-й пол. IV в. до н.э. осваиваются земли в районе современных поселений Марьевка, Вязниково, Борисовка; здесь основано более десятка новых поселений. Таким образом, к концу рассматриваемого нами периода на хоре Киммерика насчитывалось приблизительно более сорока поселений.

---

сельские поселения и лишь постепенно на протяжении рассматриваемого нами периода приобрели черты урбанистического центра. Как известно, это происходило обыкновенно через 70–80 лет после его основания. См., напр.: *Бутягин А.М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // БФ. СПб., 1999. С. 112–116; *Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая... С. 107–108. В.Н. Зинько, полагаясь на новые археологические данные, сокращает этот период до 50–60 лет. См.: *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Тиритака в VI–V вв. до н.э. // Из истории античного мира. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 71.

Межевая система, относящаяся к рассматриваемому времени в округе Киммерика, исследователями не выявлена. Достаточно хорошо известен Кояшский вал, перекрывающий перешеек между Узунларским и Кояшским озерами. Автором его предварительных исследований памятник датирован в пределах не раньше рубежа V–IV вв. до н.э. и не позже 2-й четв. 30-х IV в. до н.э. (вероятнее всего, нач. IV в. до н.э.)<sup>27</sup>. Целесообразность сооружения вала у исследователей в основном вызывает недоумение<sup>28</sup>. Версия В.К. Голенко, что Кояшский вал являлся логическим продолжением Узунларского вала и предназначался «для отражения вторжений из степных прибрежных районов юго-западной части Керченского полуострова через пересыпь Узунларского озера»<sup>29</sup>, на наш взгляд, достаточно спорна. Во-первых, мы согласимся с А.А. Масленниковым, который не понимал, почему нельзя было перекрыть более узкий участок пересыпи<sup>30</sup>. К тому же, если взять за основу дату сооружения Узунларского вала из двух, предложенных А.А. Масленниковым<sup>31</sup>, то более вероятной датой представляется начало III в. до н.э. В таком случае связь этих двух валов может выглядеть не так убедительно. Как бы то ни было, данный вал напрямую связан с хорой Киммерика, на что указывает система расположения поселений (с внешней стороны вала их единицы). Но в то же время, мы полагаем, что земли к югу от вала нельзя исключать из полисных владений Киммерика. Это выглядит по крайней мере нелогично. Возможно, не стоит рассматривать Кояшский вал как составную часть глобальной системы обороны сельской территории Боспора. Его строители могли преследовать и локальные цели, важные для Киммерика и его хоры, к примеру, отделить общественную землю

<sup>27</sup> Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. С. 177.

<sup>28</sup> Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. С. 115.

<sup>29</sup> Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. С. 177.

<sup>30</sup> Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные... С. 115.

<sup>31</sup> Масленников А.А. Указ. соч. С. 208.

от частновладельческой или пастбища – от сельскохозяйственных угодий т.д.

Сказать что-либо определенное о хоре Китея VI – I-й четв. III вв. до н.э. очень сложно. Некоторые данные о поселениях и валах существуют, но они фрагментарны и скудны.

А.А. Масленников, ссылаясь на своих предшественников, привел сведения о двух валах на данных территориях: Кыз-Аульском и безымянном вале Дюбрюкса. Кыз-Аульский вал начинался в районе одноименного маяка, тянулся на север, дойдя до гряды холмов, поворачивал на восток по высотам, оставляя на расстоянии 1,2 км гору Чатр Тау, поворачивал на север, шел по пашне вдоль западной окраины деревни Коренково, огибал с запада гору Красный курган, поворачивал на северо-восток и заканчивался у юго-восточной оконечности Тобечикского озера<sup>32</sup>. Но остатков валов в ходе исследований 1997 и 2002 г. выявлено не было. Возможно, какие-то фрагменты Кыз-Аульского вала обнаружены у Красного кургана<sup>33</sup>. Вал Дюбрюкса находился восточнее Кыз-Аульского, начинался у «моря», тянулся в направлении северо-востока и оканчивался у гряды холмов на расстоянии 2,2 км от Китея (возможно, в районе г. Чатр Тау)<sup>34</sup>. Можно высказать предположение, что валы эти функционировали уже на раннем этапе освоения рассматриваемых территорий. При этом Кыз-Аульский вал, возможно, являлся западной границей Китейской хоры и хоры Акры на раннем этапе их развития, по крайней мере до нач. IV в. до н.э., когда поселенческая система Китейской хоры, перешагнув ее, распространилась на запад. Особо хотелось бы подчеркнуть в большей степени межевой характер сооружения, нежели стратегический оборо-

---

<sup>32</sup> Веселов В.В. Сводная ведомость... С. 51; Кубланов М.М. Археологические разведки... С. 92–93.

<sup>33</sup> Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные... С. 128–130.

<sup>34</sup> Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 4.1. Одесса, 1858. С. 67.

нительный. Вал Дюбрюкса, возможно, до начала IV в. до н.э. ограничивал с запада ближние предместья Китея.

Поселенческая структура Китейской округи является одной из наиболее слабо изученных. В Китейской микроне в конце VI в. до н.э. основываются следующие поселения: Кыз-аульский маяк I, поселение у Чатр-Тау, а также святилище на м. Такиль. Образуется парадоксальная ситуация: само городище Китей на месте его современной локализации еще не возникло, а поселения в зоне распространения его влияния уже существовали. Соотнести эти поселения с хорой Киммерика и Акры, как наиболее близко расположенными античными центрами, не представляется возможным на данном этапе в силу ограниченности их ресурсов. Проще всего предположить, что раннее поселение на месте Китея располагалось на южной оконечности памятника, но обрушилось в море и не сохранилось до наших дней.

Но тогда возникает закономерный вопрос, почему же на сохранившейся части городища наблюдается практически «стерильная» чистота в отношении остатков керамического материала кон VI – нач. V в. до н.э., чего в принципе не должно быть? Интересное решение данной проблемы предложили А.В. Куликов и П.Г. Столяренко. Авторы полагают, что гражданская община Китея в кон. VI в. до н.э. первоначально обосновалась на поселении у подножья кряжа Чатр-Тау («Пра-Китей») в 2 км к северо-западу от возникшего позже Китея<sup>35</sup>. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что доказательная база, приводимая авторами, выстраивает логичную схему освоения Китейской микроне в данный период, но требует дальнейшей разработки. Какой бы точки зрения ученые по этому вопросу не придерживались, для нас ясно одно, что уже с кон. VI в. до н.э. в Китейской микроне существовал политический и экономико-хозяйственный центр, который позже стал называться Китеем и локализовался в привычном для

---

<sup>35</sup> Куликов А.В., Столяренко П.Г. Указ. соч. С. 49–51; Куликов А.В. К находке архаической пантикапейской монеты на поселении Чатр Тау (о месте возникновения боспорского города Китея) // БФ. СПб., 2007. Ч. 2. С. 325–331.

нас месте. Поселенческая структура Китейской микрозоны до нач. IV в. до н.э. не отличалась динамичными темпами развития. В первой же половине IV в. до н.э. наблюдается резкий скачок численности поселений, которые заполнили собой в основном территории к западу и северо-западу от Китея вплоть до Чебакской балки. Всего к концу рассматриваемого нами периода на хоре Китея существовало около двух десятков поселений (см. карту). Кроме этого, в предместьях Китея С.Л. Смекаловым были выявлены остатки межевых систем, всего их пять, носящих как иррегулярный, так и регулярный характер. Причем, система № 4 – более ранняя, чем некрополь Китея, т.е. ее можно отнести к начальному периоду существования города<sup>36</sup>.

Хора Акры на протяжении V в. до н.э. не имеет резких изменений в динамике. К началу века можно отнести возникновение крупного сельского поселения Заветное V к северо-западу от городища. Возможно, это было не одно поселение, а скопление нескольких, меньших по размеру<sup>37</sup>. О других ранних поселениях на округе Акры у нас какие-либо данные отсутствуют. В IV в. до н.э. хора Акры серьезно разрастается, кроме близлежащих территорий осваивается район Красного кургана и достаточно отдаленный район восточного склона горы Сосман. Поселения Высокое I, II, находящиеся на расстоянии приблизительно в 14 км от Акры, мы склонны интерпретировать как выселки, тесно связанные с хорой Акры, но находящимися за ее пределами. Всего для хоры Акры выявлено чуть более десятка сельских поселений рассматриваемого нами времени.

Подводя итог исследованию, можно утверждать следующее: хора Киммерика, Китея и Акры в рассматриваемый период пере-

---

<sup>36</sup> Смекалов С.Л. Древние антропогенные структуры Восточного Крыма (геоинформационный и историко-картографический аспекты) / Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2005. С. 103–105.

<sup>37</sup> Соловьев С.Л., Шенко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. С. 6.

живает два хронологических этапа в своем развитии: 1) кон. VI – кон. V вв. н.э.; 2) нач. IV – нач. III вв. до н.э.

Первый этап связан с автономным и независимым существованием полисов юго-восточной части Керченского полуострова. Развитие хоры в этот период не отличалось динамикой, было плавным и размеренным. Преимущественно осваивались прибрежные территории в радиусе не более 5–6 км. В данном случае мы можем провести прямые аналогии со становлением хоры таких крупных городов европейского Боспора, как Нимфей и Пантикапей<sup>38</sup>. Но нужно учесть и особенность: время освоения окрестностей полисом на юго-востоке полуострова без основания на ней сельских поселений минимально, в отличие от Нимфея и Пантикапея, где этот период длился около 60–70 лет<sup>39</sup>. Поселенческая структура была представлена в основном небольшим количеством поселений, автономно расположенных в основном по границах хоры, что также роднит ее с поселенческой структурой Нимфейской хоры<sup>40</sup>. В целом к концу V в. до н.э. размеры хоры каждого из городских центров региона были примерно 25 км<sup>2</sup>, что соответствует размерам хоры идеального полиса по Аристотелю (*Pol.* VIII.5.1–2).

Второй этап характеризуется резким скачком в развитии округи изучаемых нами центров (см. карту). Это, на наш взгляд, может быть связано с завершением оформления единого централизованного Боспорского государства и включением в него исследуемых территорий. В этот период были налажены рынки сбыта боспорского зерна, земли находились под покровительством и защитой государства, наблюдалась политическая стабильность за исключением редких столкновений (война Перисада I со скифами в кон.

<sup>38</sup> Зінько В.М. Сільска округа міст європейського узбережжя Боспору Кімерійського / Автореферат дис. ... д.і.н. Київ, 2006. С. 8; *его же*. Постройки VI–V вв. до н.э... С. 137.

<sup>39</sup> Зінько В.М. Хора городов европейского Боспора. С. 45–51.

<sup>40</sup> Зінько В.М. Хора боспорского города Нимфей // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2003. Вып. 4. С. 43.

IV в. до н.э. и т.д.)<sup>41</sup>. Как следствие этого, хора городов юго-восточной части Керченского полуострова увеличилась по крайней мере вдвое, количество сельских поселений возросло втрое. Для этого времени характерно кустовое размещение сельских поселений на освоенных территориях, что не совсем свойственно системе расселения европейского Боспора IV в. до н.э., но, в то же время, повсеместно распространено на Таманском полуострове. Микрозоны практически полностью освоены полисами, наметилась тенденция к преодолению границ микрозон и расширению хоры за ее пределы. В целом, можно предположить, что сельская округа Киммерика, Китея и Акры к нач. III в. до н.э. находилась на пике своего развития и в целом была сопоставима по основным показателям с хорой крупных центров Боспорского государства.

---

<sup>41</sup> *Зінько В.М.* Хора городов Западного побережья Боспора Киммерийского в IV – нач. III в. до н.э. (по письменным и археологическим источникам) // БФ. СПб., 2005. С. 76.

ПАНКРАТОВА Е.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

## **ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФАНАГОРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.\***

Фанагория – крупнейший город и столица Азиатского Боспора – привлекает к себе внимание исследователей вот уже полтора столетия. После основания Императорской Археологической комиссии (ИАК) в 1859 г. внимание исследователей обратилось «в первую очередь на местность предположительной Фанагории»<sup>1</sup>. На протяжении 1860–70-х гг. в фанагорийских курганах было сделано несколько открытий мирового значения (например, в 1869 г. – открытие погребения с фигурными полихромными сосудами в виде Сфинкса, Афродиты и пр.). Однако в конце XIX в. наблюдается спад интереса чиновников комиссии и подчиненного ей Керченского музея древностей к археологическим богатствам Таманского полуострова, и Фанагории в частности. В период с 1882 до 1886 гг. председателем ИАК был князь А.А. Васильчиков, который в то же время являлся и директором Императорского Эрмитажа. Его деятельность на посту председателя вряд ли можно считать успешной, был даже прерван выпуск отчетов ИАК. Сводный отчет за 1882–1888 гг. был издан только в 1891 году<sup>2</sup>. Во время руководства А.А. Васильчикова средства, выделяемые для проведения раскопок, значительно сократились, что немедленно сказалось на объемах исследования античной Фанагории по сравнению с серединой–третьей четвертью столетия.

В 1880 г. раскопками фанагорийского некрополя руководил тогдашний директор Керченского музея С.И. Веребрюсов, который вскрыл несколько курганов, «расположенных дугообразно вдоль

---

\* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80283.

<sup>1</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1859. Д. 11. Л. 5.

<sup>2</sup> Тихонов И.Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 95.

морского берега от станции Сенной до хутора Артюхова», а также «между почтовой станцией и берегом моря в глубокой балке»<sup>3</sup>. В одном из курганов была открыта земляная гробница, датируемая по пантикапейской монете (на аверсе изображен Аполлон, а на реверсе – грифон) серединой II в. до н.э.<sup>4</sup>

В другом кургане, по замечанию С.И. Веребрюсова, «превосходящим величиной все прежние» было сделано несколько раскопок в западной его части. «На закраине» правой стенки раскопа была открыта земляная гробница с «призматической черепичной крышей». В ней были найдены: разбитая ваза, расписанная акварелью, «со следами сглаженного бордюра», два глиняных флакона и железный нож<sup>5</sup>. Затем С.И. Веребрюсов исследовал группу «ранее некопанных» курганов у хутора госпожи Белой, находившегося близ Шимарданской бухты. При проведении раскопок он пользовался картой окрестностей станции Сенной, составленной еще в 1859 г. К.К. Герцем.

В одном из курганов близ Шимарданской бухты была обнаружена очень интересная сырцовая гробница, выстланная камкой и перекрытая деревянными брусьями. В правом углу гробницы находилась «остродонная» амфора со следами красной краски на горле; в левом углу – «черпальный бронзовый стаканчик с длинной ручкой, на конце которой – лебединая головка (киаф. – *Е.П.*), и ситечко в виде чашечки»<sup>6</sup>. С левой стороны от погребенного было найдено 70 бронзовых наконечников стрел и 40 тонких полых трубочек, вероятно, от горита. С правой стороны от этого погребения была обнаружена еще одна сырцовая гробница, «заполненная лошадиными костями». С.И. Веребрюсов предположил, что «это была древняя эллинская гробница, и в ней был похоронен эллинский воин, быть может, предводитель отряда против полудиких соседей скифов»<sup>7</sup>. Предположение интересное, однако не совсем верное.

---

<sup>3</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1880. Д. 19. Л. 1; ОАК за 1880 г. СПб., 1881. С. X.

<sup>4</sup> Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 56.

<sup>5</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1880. Д. 19. Л. 29, ОАК за 1880 г. СПб., 1881. С. X.

<sup>6</sup> Там же. С. XII.

<sup>7</sup> ОАК за 1880 г. СПб., 1881. С. XII.

Согласно оценке современных исследователей, это погребение принадлежало воину, выходцу из синдо-меотской или скифской среды<sup>8</sup>. Я.М. Паромов относит его ко второй половине V в. до н.э.<sup>9</sup>

Затем С.И. Веребрюсовым было расследовано несколько курганов у хутора Пивнева. Помимо разоренных гробниц было обнаружено нетронутое захоронение «скифского характера»: погребенный лежал, засыпанный песком под слоем камки, без погребального инвентаря. Не уточняя датировку, археолог атрибутировал это погребение как раннее<sup>10</sup>.

Исследованиям С.И. Веребрюсова подверглись некоторые курганы близ станции Сенной. В одном из них была зафиксирована гробница, покрытая камкой. В ней находился костяк, ориентированный на запад. Недалеко от костяка обнаружили «глиняную грубую чашку» с комком красной краски внутри. С.И. Веребрюсов атрибутировал погребение как скифское, но хронологически его не определил. Ряд аналогий с погребениями майкопской культуры позволяет отнести это погребение к эпохе поздней бронзы<sup>11</sup>.

Раскопки проводились и в окрестностях Майской горы (сопки Блеваки). Здесь в «обширном кургане» были обнаружены плотные ряды сырцового кирпича. По данным полевого журнала, кладка каждого ряда была пересыпана песком и спускалась на 4 м в глубину, к центру кургана. С правой стороны от кладки был зафиксирован слой больших «горластых» амфор, положенных рядом «числом до девяти» (из них целыми оказались четыре. – *Е.П.*); западнее была найдена разоренная каменная гробница. С.И. Веребрюсов не смог объяснить назначение этих подкурганых сооружений. Воз-

<sup>8</sup> *Коровина А.К.* Некрополь Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора // Научный архив ИА РАН. Р-2. № 1914. М., 1964. С. 150; *Паромов Я.М.* Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3. С. 42; *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4. С. 81.

<sup>9</sup> *Паромов Я.М.* Указ. соч. С. 43.

<sup>10</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп.1 – 1880. Д. 19. Л. 29.

<sup>11</sup> *Кушнарёва К.Х.* Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994. С. 234.

можно, конструкция из сырцового кирпича представляла собой остатки разрушенного сырцового склепа. Амфоры могут являться свидетельством того, что на этом месте была совершена большая тризна<sup>12</sup>. К сожалению, отсутствуют описания морфологии этих амфор, согласно которой можно было бы датировать захоронение.

В другом кургане, находившемся южнее от вышеописанного, были вскрыты гробницы «скифского характера». Центральная гробница была найдена «внутри кольца из дикарных камней и была покрыта завалом из гольшей и камкой»<sup>13</sup>. В гробнице, кроме комка красной краски близ умершего, ничего обнаружено не было. В том же кургане, с южной стороны была найдена детская гробница, также покрытая камкой и обложенная галькой. Обычай галечной вымостки характерен для погребальных сооружений майкопской культуры. Эта особенность сооружения могил возникает в эпоху ранней бронзы (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.) и получает широкое распространение на позднем этапе развития Майкопа<sup>14</sup>. У рук ребенка был обнаружен комок красной краски; у изголовья найден «горшочек из черной глины с узким горлом и начерченным по шейке грубым орнаментом в виде сложного зигзага»<sup>15</sup>. В отчете не указано на какой глубине и на каком расстоянии друг от друга располагались гробницы. Скорее всего, захоронения были осуществлены в небольшом хронологическом отрезке, а погребенные могли принадлежать к одной родственной группе.

В 1881 г. С.И. Веребрюсовым совместно с членом Археологической комиссии Н.П. Кондаковым был разработан план дальнейшего археологического исследования памятников Боспора, наибольшее внимание при этом было уделено не Таманскому полуострову, а Восточному Крыму<sup>16</sup>. Тем не менее, уже в 1884 г. «неутоми-

---

<sup>12</sup> *Кастанаян Е.Г.* Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. № 14. С. 126.

<sup>13</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1880. Д. 19. Л. 13 об. Данные об этом погребальном комплексе в ОАК не вошли.

<sup>14</sup> *Кушнарёва К.Х.* Указ. соч. С. 181.

<sup>15</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1880. Д. 19. Л. 32.

<sup>16</sup> *Тункина И.В.* История археологического изучения // Античное наследие Кубани. М., 2008 (в печати).

мым рисовальщиком» Керченского музея Ф.И. Гроссом, сменившим С.И. Веребрюсова на посту директора, вновь были проведены раскопки близ станции Сенной. Им было расследовано «в разных местах девять разной величины курганов», но эти раскопки «не привели к желаемой цели»<sup>17</sup>, т.е. к обнаружению ценных вещей и монументальных погребальных конструкций.

В 1885 г. под руководством известного историка и археолога Н.П. Кондакова были осуществлены раскопки кургана на Майской горе<sup>18</sup>. В нем была обнаружена мина, заложенная грабителями, кости, «уголь от разоренного кострища», обломки терракотовых статуэток в насыпи и медные пантикапейские монеты<sup>19</sup>. На Майской горе находился один из интереснейших памятников Таманского полуострова – святилище женских богинь. Расцвет святилища приходится на IV в. до н.э. вплоть до его последних десятилетий. Начиная с III в. до н.э., этот ритуальный комплекс постепенно приходит в упадок, и, по-видимому, где-то в середине II в. до н.э. жители Фанагории им уже почти не пользовались<sup>20</sup>.

В 1886 г. председателем ИАК стал граф А.А. Бобринский. Почти сразу он начал подготовку проекта нового устава ИАК, который должен был урегулировать правовой статус учреждения и утвердить принципы его взаимоотношения с другими археологическими организациями. Кроме того, он добился увеличения финансирования полевой деятельности комиссии. Однако средства в основном отпускались на раскопки в Херсонесе, Ольвии и Керчи<sup>21</sup>.

Очередным директором Керченского музея К.Е. Думбергом, занявшим этот пост в 1891 г., были предприняты целенаправленные и систематические раскопки городища Пантикапея. На Таманском полуострове его внимание привлекли только некрополи, в частности, некрополь Фанагории. В 1896 г. к юго-западу от станции

<sup>17</sup> ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. 34.

<sup>18</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1885. Д. 64.

<sup>19</sup> Там же. Л. 26.

<sup>20</sup> Егорова Т.Е., Ильина Т.А., Кутинова Т.М. К вопросу датирования культового комплекса на Майской горе // БФ. СПб., 2007. Ч. 1. С. 38.

<sup>21</sup> Тихонов И.Л. Указ. соч. С. 104.

Сенной им была обнаружена могила, перекрытием которой служили два постамента от статуй с надписями. На одном из постаментов была выбита посвятельная надпись Аполлодора, сына Фанагора, Афродите Урании (КБН. 971), имеющая огромное значение для науки, т.к. в ней упоминается имя основателя Фанагории. Видимо, имя Фанагора было достаточно популярно в основанном им городе. Эта надпись косвенно подтверждает правильность локализации Фанагории рядом со станцией Сенной. Памятник датируется временем правления Перисада I (349–310/9 гг. до н.э.), на что прямо указывается в тексте надписи. Надпись конца I в. до н.э. на другом постаменте гласит, что царицей Динамией было поставлено изображение «своей благодетельнице» – супруге Августа Ливии (КБН. 978).

Эти два разновременных постамента служили перекрытием одной гробницы. К.Е. Думберг не привел ее описания; скорее всего она относится ко времени поздней античности. «Городское» назначение этих постаментов побудило исследователя начать поиски на «акрополисе» Фанагории.

Еще в 1880 г. «нахичеванский мещанин» Александр Сапожников в «верхнем пепелище усадьбы Боровика на Таманском полуострове» обнаружил мраморное изображение сидящего орла<sup>22</sup>. На этом месте, а также несколько восточнее, С.И. Вереврюсов в 1880 г. заложил несколько раскопов. На глубине 3 м «началась земля, смешанная с пеплом, за ней – слой в 75 см, состоящий из обломков и черепков сосудов разных форм – амфор, лекифов, ваз, ойнохой». Обнаружены также светильники, куски мрамора от карнизов и более 50 «окисших» монет<sup>23</sup>. Углубившись далее на метр с небольшим, археолог наткнулся на продолжение слоя, состоящего из пепла. Раскоп был завален и закрыт, «как опасный для животных»<sup>24</sup>. В том же 1880 г. близ хутора Шапырева была найдена плита из бело-

<sup>22</sup> НА ИИМК. Р–I. Оп. 1 – 1880. Д. 568. Л. 21.

<sup>23</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1 – 1880. Д. 19. Л. 33 об.; ОАК за 1880 г. СПб., 1882. С. XI; Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1999. № 1. С. 124.

<sup>24</sup> НА ИИМК. Ф. 1. Оп.1 – 1880. Д. 19. Л. 34.

го мрамора с выбитой на ней надписью времени правления Аспурга (КБН. 985), которая датируется 16 г. н.э. Это наиболее ранний из боспорских документов об отпущении рабов на волю.

К.Е. Думберг провел раскопки к юго-западу от станции Сенной и восточнее от усадьбы Боровика в «небольшом плоском кряже» вдоль берега Таманского залива<sup>25</sup>. В кряже ожидали найти фрагменты «древнегреческих строений», но несколько пробитых там ям ничего не прояснили. В слое городища близ хутора были найдены фрагменты чернолаковых и краснофигурных сосудов и кусок штукатурки, покрытый красной краской. В целом раскопки на месте обнаружения эпиграфических памятников и скульптуры не дали новых данных о стратиграфии и истории города.

В 1901 г. директором Керченского музея стал В.В. Шкорпил, традиционно уделявший основное внимание исследованию археологических памятников Европейского Боспора. Информации об исследовании Фанагории в его полевых рапортах крайне мало. Известно, что на берегу Таманского залива недалеко от хутора Семеники было найдено несколько плит с надписями, одна из которых оказалась метрической (КБН. 987, 988, 991, 995, 996, 997, 1001, 1007, 1008, 1010), которые были опубликованы В.В. Шкорпиллом в «Известиях археологической комиссии»<sup>26</sup>.

Подводя итог исследованиям, проводимым в Фанагории на рубеже XIX–XX вв., следует отметить спад интереса к археологическому наследию столицы Азиатского Боспора со стороны чиновников Керченского музея и Археологической комиссии. Причину этого стоит искать в уменьшении количества ценных вещей, добываемых из фанагорийских некрополей. Это обстоятельство доказывает, что искусствоведческий фактор археологических находок все еще играл немалую роль в конце XIX столетия.

---

<sup>25</sup> НА ИИМК.Ф. 1. Оп.1 – 1896. Д. 58. Л. 159; ОАК за 1896 г. СПб., 1898; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план... С. 125.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAe	–	Antiquitas aeterna
АМА	–	Античный мир и археология
БС	–	Боспорский сборник
БФ	–	Боспорский феномен
ВДИ	–	Вестник древней истории
ЖМНП	–	Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД	–	Записки одесского общества истории и древностей
ИТОИАЭ	–	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КБН	–	Корпус Боспорских надписей
КСИА	–	Краткие сообщения института археологии
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИИМК	–	Научный архив Института истории материальной культуры
ОАК	–	Отчет археологической комиссии
СА	–	Советская археология
AA	–	Archäologischer Anzeiger
AAe	–	Antiquitas Aeterna
AGS	–	<i>Aravantinos V., Godart L., Sacconi A. Thèbes: Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa–Rome, 2001.</i>
AJA	–	American Journal of Archaeology
AJPh	–	American Journal of Philology
AS	–	Anatolian Studies
AW	–	Antike Welt
CAH	–	The Cambridge Ancient History (1 <sup>st</sup> edition)
CAH <sup>2</sup>	–	The Cambridge Ancient History (2 <sup>nd</sup> edition)
CIG	–	Corpus Inscriptionum Graecarum

CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum
CR	–	Classical Review
HCP	–	<i>Walbank F.W.</i> A Historical Commentary on Polybius. Oxf. Vol. I. 1957, Vol. II. 1967, Vol. III. 1979.
HSCPh	–	Harvard Studies in Classical Philology
HThR	–	Harvard Theological Review
ILS	–	Inscriptiones Latinae Selectae
JHS	–	Journal of Hellenic Studies
JRS	–	Journal of Roman Studies
KP	–	Der kleine Pauly
KUB	–	Keilschrifturkunden aus Boghazköi
MRR	–	<i>Broughton T.R.S.</i> The Magistrates of the Roman Republic. N. Y. Vol. I. 1951, Vol. II. 1952, Vol. III Supplement. 1986.
RE	–	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler. Stuttgart.
SH	–	Studia Historica
SVF	–	Stoicorum veterum fragmenta

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Беликов Арсений* – аспирант, СГУ (Arseniyb@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. В.И. Кашеев.

*Бугаева Наталья* – аспирантка, МГУ (cethegilla@hotmail.com).

Науч. рук. – д.и.н. проф. И.Л. Маяк.

*Гуськов Евгений* – соискатель, Самарский филиал МГПУ.

Науч. рук. – д.и.н. проф. В.Н. Парфенов.

*Давыдкина Олеся* – студентка IV курса, СамГУ (zachekay@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. И.Г. Гурин.

*Данилов Евгений* – аспирант, ЯГУ (soгах@76.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. В.В. Дементьева.

*Краснобаева Юлия* – аспирантка, МГУ (krasnosolnce@list.ru).

Науч. рук. – к.и.н. доц. Н.Н. Трухина.

*Кузьмина Юлия* – студентка V курса, СамГПУ (Julia\_orient@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. А.И. Попов.

*Леус Владимир* – аспирант, СГУ (Vladimir.Leus@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. В.И. Кашеев.

*Мансков Олег* – соискатель, РГУ (Helgius@yandex.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. С.С. Казаров.

*Михайлов Александр* – студент V курса, СГУ (kotkak@list.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. В.И. Кашеев.

*Одинцов Дмитрий* – студент III курса, СГУ (Ob1Kenobi@yandex.ru).

Науч. рук. – к.и.н. доц. Е.В. Смыков.

*Панкратова Евгения* – аспирантка ИИМК РАН

(Pankratova-84@bk.ru).

Науч. рук. – д.и.н. ведущ. науч. сотр. Ю.А. Виноградов.

*Проккопенко Сергей* – аспирант, Белгородский ГУ.

Науч. рук. – д.и.н. проф. Н.Н. Болгов.

*Розенблум Евгений* – студент V курса, РГГУ, ФИПП  
(roseusflor@yandex.ru).

Науч. рук. – к.и.н. доц. И.Е. Ермолова.

*Суровенков Дмитрий* – преподаватель РГГУ (surovega@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. А.В. Подосинов.

*Цинько Анна* – соискатель ИИМК РАН (enly@front.ru).

Науч. рук. – д.и.н. ведущ. науч. сотр. Ю.А. Виноградов.

*Червяцов Егор* – студент IV курса, КГУ (ebdoma@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н. доц. О.Л. Габелко.

*Яковлева Светлана* – студентка IV курса, СамГУ  
(Yakovleva\_S@inbox.ru).

Науч. рук. – д.и.н. проф. И.Г. Гурин.

## СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ ----- 3

### I. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

БЕЛИКОВ А.М. (Саратов)	
Могли ли Фивы быть столицей Аххиявы? (этнокон <i>ti-ra-ti-jo</i> в новых фиванских табличках) -----	7
КУЗЬМИНА Ю.Н. (Самара)	
Культовые изображения Артемиды Эфесии -----	24
МИХАЙЛОВ А.В. (Саратов)	
«Дело» об ограблении гробницы Кира -----	31

### II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

ДАНИЛОВ Е.С. (Ярославль)	
Военная разведка республиканского Рима -----	41
МАНСКОВ О.В. (Новочеркасск)	
Тарент в античной исторической традиции-----	56
ЛЕУС В.А. (Саратов)	
«Клятва» Сципиона-----	64
ЯКОВЛЕВА С.В. (Самара)	
Римская Республика и средиземноморские пираты в первой трети I в. до н.э. -----	71
ОДИНЦОВ Д.С. (Саратов)	
Проблема численности понтийской армии во время Первой Митридатовой войны-----	83
БУГАЕВА Н.В. (Москва)	
<i>De temporibus suis:</i> утраченная поэма Цицерона -----	98
ГУСЬКОВ Е.А. (Самара)	
Преторианцы Отона и Вителлия в гвардии Веспасиана: несколько замечаний -----	113

СУРОВЕНКОВ Д.И. (Москва)	
Некоторые замечания относительно	
описания триумфов в <i>Scriptores Historiae Augustae</i> -----	120
ДАВЫДКИНА О.И. (Самара)	
К проблеме взаимоотношений остготов	
и Восточной Римской империи	
накануне краха Остготского королевства -----	130

### III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

ЧЕРВЯЦОВ Е.В. (Казань)	
Историографические данные о культах	
фракийского героя и Ареса:	
возможности сопоставления -----	137
КРАСНОБАЕВА Ю.Е. (Москва)	
Институт вдовиц в раннехристианской церкви -----	143
РОЗЕНБЛЮМ Е.М. (Москва)	
Идеал поведения мученика	
в поэме Пруденция «О венцах» -----	150

### IV. ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ЦИНЬКО А.С. (Санкт-Петербург)	
Геофизические исследования крепости	
на поселении Вышестеблиевская-11 -----	177
ПРОКОПЕНКО С.Н. (Белгород)	
Хора Боспорских городов юго-восточной части	
Керченского полуострова в VI – первой четверти III вв. до н.э. -----	182
ПАНКРАТОВА Е.Г. (Санкт-Петербург)	
Из истории археологического изучения	
Фанагории на рубеже XIX–XX вв. -----	196
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ -----	203
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ -----	205

Научное издание

# ANTIQVITAS IVVENTAE

*Сборник научных трудов студентов и аспирантов*

Под редакцией *Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина*

Работы изданы в авторской редакции

Художник *Е.С. Ульянова*

Ответственные за выпуск *В.А. Леус, А.В. Мосолкин, А.А. Савинов*

Оригинал-макет подготовили *В.А. Леус, А.В. Мосолкин*

---

Подписано в печать 01.09.08. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.  
Гарнитура Баскервиль+Палатино Линотип+Георгия. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 12,32 (13,25). Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 150.

---

ООО Издательский Центр «Наука».  
410600, Саратов, Пугачевская, 117, к. 50.